

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И Н. П. КИСЕЛЕВ

Спорадическая, с многолетними перерывами, переписка Андрея Белого и Николая Петровича Киселева (*Илл. 1, 2, 3*)¹ не принадлежала к числу важнейших эпистолярных диалогов ни для одного из корреспондентов. Это же можно повторить и об их продлившемся не одно десятилетие знакомстве: несмотря на многократно документально зафиксированную взаимную приязнь², возникавшую тень ученичества и реликты мистического братства, их отношения не переступали известной грани: об этом можно судить, в частности, по тому, что Белый, охотно переходивший на «ты» со сверстниками, остался с Киселевым в рамках формального обращения. Между тем, в их судьбах было как минимум два момента, когда столкновение их силовых полей заставляло взаимно менять траектории линий жизни: один раз Киселев, кажется, вполне сознательно, инспирировал разрыв Белого с группой его недавних друзей — и четыре года спустя Белый сделался косвенным виновником перемен теперь уже в киселевской биографии. Впрочем, обо всем по порядку.

Знакомство их датировать с точностью до дня, вероятно, не удастся: судя по всему, оно относится к 1904 году: с сентября Белый начинает посещать лекции на историко-филологическом факультете университета, где уже год как изучает западноевропейскую литературу Киселев, золотой медалист, выпускник 5-й классической гимназии. Письменный диалог этой эпохи, начавшийся в 1905 г. несколькими короткими посланиями, ни в коей мере не может дать понятие о характере их отношений (как часто бывает с теми, кто живет на соседних улицах: ближе дойти до квартиры корреспондента, чем до почтового ящика). Из круга общих знакомых (границы которого примерно совпадают с персональным составом общества «аргонавтов») у Киселева, насколько можно судить, наиболее близкие отношения сложились с двумя: М. И. Сизовым и Эллисом³; последний придумает ему выразительное прозвище «Уинг» или «Гуингм» (в честь мыслящих лошадей Свифта). Первые групповые портреты этой компании запечатлены Белым-мемуаристом в декорациях предреволюционных месяцев 1905 года:

«Мне в это время особенно вычерчен строгий, корректный Н. П. Киселев, появляющийся среди нас; очень тонкий знаток романтической литературы,

интересующийся поэзией трубадуров, историей оккультизма, упорно работающий над разнообразнейшими вопросами, но не доведший (по-моему, из добросовестности) ни одной работы до благополучного окончания, будущий музеевед, знаток книги, — он весь средневековая изысканная миниатюра; присутствие среди нас Киселева естественно придавало уют разговору, хотя он молчал, только изредка реагируя на фонтаны словесные Эллиса или фейерверки Рачинского четкой поправкою историко-литературного свойства; он тратил все деньги на ценные книги; и собирал инкунабулы; когда я приходил в его дом, он, прикладывая палец ко лбу, наклонялся ко мне, треща басом:

— “Погодите-ка, — я вам покажу...”

Исчезал и являлся с редчайшим изданием какой-нибудь, у букинистов разысканной, книги, преподнося ее так, что мне казалось святотатством до книги дотронуться:

— “Видите: физика Кирхера: приведена здесь машина мысли Раймонда Луллия...”

Он был крайне худ, высок ростом и бледен — до мертвенности; появлялся, как слабая тень, и сидел с укоризненным видом; носил небольшие усы, был в пенсне; тонкий нос и тончайшая линия профиля штриховали весь облик его интересностью; признаюся: когда одна барышня громко сказала раз “а Николай Петрович — красив-то как”, я удивился; да, да: категория красоты (будь “*красавец*” он) не вязалась с Киселевым; он представлялся в те годы не человеком, а сочетанием линий, изображающим эскиз для “*ex<libris>*”; потом лишь я понял, какой он не то, что живой, — прямо бурный; но “*бурю*” свою он таил под сухой, ледяной и корректной личной все замечающего, помалкивающего педанта; возился с каталогами всевозможных издательств, с проспектами обществ и книжных фирм; как поэты мечтают о написании поэмы, — так точно Н. П.: он мечтал дать когда-нибудь миру каталог каталогов; но пока еще этого произведения жизни своей он не дал; раз он что-то писал: “*По вопросу о каталоге каталогов*”⁴.

Несмотря на принадлежность к «аргонавтам», мистические интенции Киселева имели отчасти иной вектор: он был вхож в редакцию журнала «Ребус», посвященного вопросам оккультизма широкого профиля — от тайновиденья египтян до полтергейста в брянской избе; возможно, он в «Ребусе» и печатался — но из-за обилия неподписанных и псевдонимных сочинений атрибутировать ему какие-либо из них затруднительно. Впрочем, эта мистическая толерантность позволила Киселеву едва ли не раньше прочих «аргонавтов» заинтересоваться розенкрейцством, оказавшим позже существенное воздействие на все сообщество в целом (вопреки ожидаемому, Киселев несколько раз оказывался первопроходцем на тех духовных тропах, которые несколько лет спустя делались торными путями)⁵.

В 1907 году, не окончив университет, он уезжает за границу, откуда возвращается со своей тамошней квартирной хозяйкой, норвежской подданной Кристиной Кристенсен; заключив с нею в Москве церковный брак, он вновь отправляется в Европу, где в течение года обучается в Гейдельбергском универ-

ситете (романская филология и история искусств). В 1909 году он, уже окончательно, приезжает в Москву и получает зачет девятого и десятого семестра в университете. Во время пребывания за пределами России его эпистолярные контакты с метрополией (насколько можно судить по хорошо сбереженному архиву) крайне незначительны; на общем фоне выделяются неутешительные реляции Эллиса наподобие такой: «Бальмонт стал “славянином”, Брюсов ищет только земного Рая, хотя и отрицает землю, кроме того я предчувствую его трагическую гибель, А. Белый сам распял себя на шкапу с нарядами Прекрасной Дамы, заменив черные гвозди шпильками от шляпок, Соловьев сам виноват, что “Дева Назарета” стала широка уже не как лебедь, а как гусь, Блок стал проституткой, В. Иванов мистическим педерастом, появились “Шиповники”, стало быть *finis Poloniae*»⁶. Но к моменту его возвращения большая часть «аргонавтов» оказалась вовлечена в новый проект, которому было суждено оказать значительное влияние на биографию всех к нему причастных: в Москве организуется издательство «Мусагет» и Белый, энтузиастически вербующий сотрудников, вспоминает и про Киселева. В списке будущих авторов чаемого журнала при издательстве (проект был отложен на несколько лет и воплотился, хотя и со значительными изменениями, в виде «Трудов и дней») Киселев значится со скромной, хотя и эклектической пометкой «Библиография, мистицизм, культура»⁷ (и здесь же: «Киселев обещает свое близкое сотрудничество (у него есть работы; какие, еще не знаю)»⁸), но главная его роль мнилась в другом: благодаря обширным познаниям в книжном деле, он должен был отвечать за полиграфическое воплощение издания:

«Как только выяснится смета, завтра вечером у меня состоится техническое совещание о шрифте и бумаге; у нас есть три специалиста по этому вопросу, горячо взявшихся за дело: Киселев (шрифт и бумага), Кожебаткин (дело о заказе и наблюдения за исполнением заказа), Ахрамович (типография и прочая техника); у меня будут завтра по этому делу вечером: Петровский, Киселев, Кожебаткин, Ахрамович и только (это как бы наша техническая секция + Мамонтов, в типографии которого желательно печатание, ибо это — хороший наш знакомый, могущий отнестись не формально, а с усердием); образцы имеющихся шрифтов мы отошлем к Вам на утверждение; Киселев и Кожебаткин говорят, что следует отлить специальный шрифт (очень недорогого стоит), взяв за образец шрифты двадцатых, тридцатых годов; это было бы большим изяществом журнала, в общем очень простого <sic> — иметь свой шрифт»⁹.

Общая с Белым работа (в которую, насколько можно судить, Киселев включается с сопоставимой энергией¹⁰) совпала с выравниванием совместного интереса к мистической сфере; этому, в свою очередь, способствовало тесное общение обоих с Анной Рудольфовной Минцловой. История ее отношений с Белым ныне тщательно описана¹¹; с Киселевым она вступила в бурную переписку в 1910 году; впрочем, текст и интонации открывающего корпус послания («Я только что приехала — и очень хочу Вас увидеть как можно скорее,

Илл. 1. Николай Петрович Киселев (РГБ)

т. к. я, кажется, уеду отсюда 1-го февраля»¹² etc) заставляют предположить более раннее знакомство. На некоторое время Киселев оказывается невольным конфиденнтом Минцловой в ее отношениях с Белым: «<...> вчера, я еще раз получила удар, от Б. Н. Бугаева - - - т.е. не от него лично, прямо — конечно нет! — Но через “третьи руки”, от тех, кому он “изливался” обо мне»¹³. Несмотря на это, накануне своего таинственного исчезновения, Минцлова пишет завещательное письмо оставляемому ею московскому кружку, упоминая в нем Киселева лишь попутно: «Обращаюсь к Вам, всем, кто пришел ко мне через Андрея Белого, и кого я полюбила и люблю навеки. Когда эти слова дойдут до Вас, меня уже не будет на Земле. Я пришла к Вам, потому что должна была *прийти*. А теперь,

ухожу снова, потому что *должна* уйти. Душу свою, все, что я могла передать, сейчас — я передала Андрею Белому. <...> Обнимаю Вас, Эмилий Карлович и Николай Карлович. Обнимаю Вас, Николай Петрович и Алексей Сергеевич. Обнимаю Вас, Михаил Иванович»¹⁴.

Именно на 1909–1910-е годы падает пик очного общения Киселева и Белого (ср. краткую ретроспекцию, вышедшую из-под пера последнего: «Вы мне стали близки очень — этим летом, когда я даже не знал, что Вы будете»¹⁵). В конце 1910 года Белый уезжает за границу — и Киселев ненадолго оказывается включен в короткий список интимных корреспондентов, получающих подробные сведения о его перемещениях.

С 1912 года в их отношениях открывается новая сторона: Белый, постепенно втягивающийся в конфликт с Метнером, перебирает в письмах остальных участников «Мусагета», ища себе союзника; последовательно разуверившись в них, он пишет подряд два коллективных письма, волей случая отложившихся в бумагах Киселева. Это — центральный документ для описания одного из ключевых моментов биографии Белого; при этом функция Киселева не ограничивается статусом одного из адресатов посланий.

В те месяцы, когда сумма влияний подспудно готовит поворот Белого к антропософии, многие из бывших «аргонавтов» и сущих «мусагетовцев» уже сделались приверженцами Штейнера¹⁶; для Киселева, вероятно, наиболее значимым из них был пример Эллиса. С присущей ему пылкостью (и, вероятно, не предварив это переговорами с невольным абитуриентом), Эллис в письме Штейнеру от августа 1912 года решительно рекомендует ему нового ученика:

«Многоуважаемый учитель! Не хочу Вам советовать, но только нужные факты сообщить, чтобы правдивость объяснить! Мой хороший друг и так же, как г. Бугаев, духовный брат — г. Киселев-Винг (не художник Киселев, который живет в Мюнхене) вмешивался уже давно в русское художественно-мистическое движение, так называемый “символизм”, который имел главным лидером г. Бориса Бугаева-Белого и был переходом от декадентства, благодаря влиянию Ницше, к бессознательно-атавистическому оккультному стремлению. В этом движении г. Белый и я, как Эллис (мое романтическое имя), в 1904 г. основали тайный союз (“*ύρω*”). В этом союзе был и г. Киселев *persona grata*. В 1910–11 гг. этот союз преобразился в издательство “Мусагет” при влиянии г. Метнера — главного редактора. Г. Киселев интимный член и “Мусагета”. Он изучал очень серьезно оккультизм уже давно, я не знаю другого человека в России с такой большой эрудицией в оккультизме. У него была большая интуиция, он был поклонником старого розенкрейцерства, и при этом большой трагедией для него был переход к теософии как внешнему течению. Индийское влияние (Besant) обидело и его; в переходный период г-жа Минцлова имела большое влияние, благодаря лжи, что она посвященная в старое розенкрейцерство. Она основала в “Мусагете” тайный союз без меня, потому что она ненавидела меня за мой фанатизм к Вам. В этом союзе были гг. Метнер, Киселев, Бугаев-Белый, Сизов (Михаил), Петровский. Все они ждали другого учителя. Г. Киселев был и есть абсолютно искренний человек, но, как русский, ребенок и внутренне. Теперь я с бесконечной трудностью привел его к теософии, и у него большой интерес и доверие к Вам, но... многие остатки эстетизма, декадентства, старо-оккультизма, русского старчества и его библиофилия (это его болезнь) бесконечно мешают ему. Невозможно тяжело с ним говорить, он абсолютно молчаливый человек и негармоничный. Я чувствую, что связан с ним мистерией Грааля и средневековой эзотерикой. <...> Я прошу, учитель, помочь моему другу! С большой надеждой Эллис»¹⁷.

В середине лета 1912 года Киселев отправился в Мюнхен, куда призывали его и Белый, и Эллис; впрочем, посещение лекций Штейнера было его не единственной, а, может быть, и не основной целью: Румянцевский музей, где он служил библиографом, отправлял его в европейскую командировку для изучения библиотечного дела. 14 июля (по старому стилю) он выехал из Москвы, два дня спустя был в Берлине, где на некоторое время задержался — и 26 июля прибыл в Мюнхен¹⁸. Днем позже он писал матери:

«И здесь, представь себе, мне скучно; но здесь есть свои люди: Эллис, Белый с женой и Наташа Поццо. Эллис невероятно мил, ко мне очень расположен, о тебе говорит восторженно и посылает привет. Белый и Тургеневы тоже переживают какой-то переворот к лучшему, но теософствуют все вовсю. Я еще не представлялся Штейнеру и не был еще в здешней библиотеке; пока осматривал город и сегодня — Bayerisches National Museum — очень интересный»¹⁹.

Илл. 2. Андрей Белый. 1915 (ГМП)

14 августа 1912 года он подал заявку на вступление в Антропософское общество; 4 ноября она была удовлетворена²⁰. Впрочем, дальнейшего развития его участие в Обществе не получило, а вскоре в Штейнере разочаровался и главный его рекомендатель — Эллис. С этим связан следующий поворот сюжета.

С лета 1913 года значение Киселева в «Мусагете» резко возрастает. Единственный, по сути (если не считать артельщика Дмитрия), редакционный сотрудник В. Ф. Ахрамович никогда не отличался особенной расторопностью, так что находившийся в отъезде Метнер, не получая от него писем, испытывал к нему все большее раздражение:

«Не понимаю, что делается в Москве. Ахрамович ничего не пишет. Труды и Дни не вышли. Меня оставляют в полной неизвестности относительно хода работ. Со своей брошюрой застрял»²¹;

«Что, скажите, делает Ахрамович?! Это окончательно из рук вон! До сих пор нет журнала. — Придется видно нам расстаться с ним. Отчего он сам не откажется, если чувствует, что не может работать»²²;

«Судя по письму, Ахрамович нервно болен. Жаль, что никто меня не оповестил об этом. Надо было прямо вырвать у него из рук секретарство. Или без жалости телеграфировать мне, чтобы я приехал. Теперь мы позорно застряли с целой массой почти готовых книг. В особенности безобразно опоздание журнала с Goetheana. Теперь все скажут, что мы в хвосте у Мережковских. Это — “третье” преступление Ахрамовича, кот<орое> явно указывает на его несостоятельность»²³ и т. д.

На его фоне аккуратный и респектабельный волонтер Киселев, исправно отвечавший на письма, смотрелся чрезвычайно выгодно — и в результате в середине августа ему было сделано предложение:

«Предлагаю Вам следующее. За гонорар, кот<орый> Вы сами укажете и кот<орый> будет списан с Вашего аванса, вероятно тяготящего Вас, очень прошу Вас в качестве члена литературного комитета и хозяйственной комиссии вмешаться *автократично* (лишь уведомляя меня) в ведение дел. Это отымет у Вас часа два в день в течение м. б. одного месяца, пока выяснится, можем ли все-таки оставить Ахрамовича или надо взять другое лицо.

1. Прошу Вас раньше всего прочесть с Ахрамовичем *все* мои письма кот<орые> я послал за эти два месяца и понудить его к пунктуальному ответу на поставленные там вопросы.

2. Немедленно ускорить набор и печатание всех в движении находящихся книг (в особенности журнала, Вибелунгов, Арийск<ого> Мирозер<цания>, Логоса, *Арго* (NB).

3. Найти хорошего корректора, кот<орый> двинул бы быстро все корректуры, т. к. Ахрамович (не говоря уже о том, что он плохой корректор), нуждаясь в зароботке, хочет делать всю корректуру сам, не успевает, все задерживает, несмотря на то, что я ему неоднократно говорил, чтобы он *отнюдь* ничего не задерживал из-за корректуры и брал себе помощника»²⁴.

Киселев немедленно ответил согласием и с энтузиазмом включился в работу:

«С радостью принимаю Ваше предложение отработать Мусагету некоторую сумму путем редакционной работы: я сейчас в отпуску и могу приняться за дело энергично. Обещаю развить максимальную энергию, оказать давление на типографию и В. Ф. и извещать Вас о ходе дел. По-видимому, можно выпустить к 15 сентября сразу: 1) “Арго”, 2) Сизова, 3) Вагнера, 4) Словацкого, 5) Чемберлена, 6) Орсье и 7) “Логос”, если Яковенко доставит библиографические заметки. Хорошо бы было, если бы и Ваша книга была готова к тому же сроку: я думаю в типографии настаивать на ней в первую очередь — только Вы не задержите. Очень приятно выпустить зараз 8 книг; но будет ли чем оплатить эту уйму? <...> Во всякую минуту существования “Мусагета” я принципиально был готов взять на себя секретарские обязанности; об условиях пока не стоит говорить, впредь до точного выяснения размеров работоспособности Ахрамовича; кажется, он хочет взять себя в руки и работать»²⁵.

Любопытно, что этому исходу был рад и смещенный с поста Ахрамович, в эти же дни с облегчением рапортовавший своему работодателю:

«Мне не начальство нужно, мне нужен товарищ по работе. И вот странное дело. Достаточно было побеседовать с Киселевым относительно совместной работы (причем Ник. Петрович в первую минуту огорошил меня и своей слишком поспешной готовностью взяться за дело и желанием отправить меня на месяц куда-нибудь — потом мне стало понятно, почему это так) — достаточно мне было пересмотреть страшные залежи моих несовершенных работ, чтобы все химеры попрятались, работа оказалась легко выполнимой, мне даже смешно при виде куста, которого я так по вороньи испугался»²⁶.

К этому моменту дела «Мусагета» были запутаны весьма значительно: издательство сильно отставало от графика выпуска журнала²⁷, портфель был полон принятых и оплаченных рукописей и т. д. — так, что Киселев и Метнер сговаривались о том, чтобы издать уже находящиеся в производстве книги и взять полугодовую или годовую паузу, чтобы распродать товарные остатки и накопить оборотный капитал²⁸. Но в дело вмешался случай: Эллис, тем временем сделавшийся из преданного ученика Штейнера жгучим его ненавистником, написал противоантропософский памфлет, который, подозревая в Мет-

нере единомышленника, отправил ему в надежде на публикацию²⁹. Метнер, сам в этот момент работавший над текстом, во многом направленным против Штейнера³⁰, воспринял прибывший текст с чрезвычайным энтузиазмом, немедленно переслав его своему главному московскому сотруднику:

«Посылаю статью (или брошюру) Эллиса, кот<орую> вследствие нездоровья (неврастения и безумная усталость головы и глаз) прочесть до конца не мог; ее надо *немедля* набрать или для брошюры (если размер примечаний не слишком мал) или для *Тр<удов> и Дн<ей>*. *Лучше* было бы *натянуть* брошюру. Но *скорее*: Эллис *очень* молил поспешить»³¹.

Письмо это было отправлено 17 сентября; до Москвы оно добралось 21-го. И уже три дня спустя была готова полиграфическая смета, лично составленная владельцем типографии:

«По печатанию книги.
 Эллис. 1000 экз. 3 л.
 Набор по 16 – 48 –
 Печать по 6 – 18 –
 Бумага 6 ст<оп> 12 ф<унтов> по 5.80 38.16 –
 Брошюровка по 2 р. за л. 6 –
 –
 110: 16
 Набор петита за лист 24 –
 В. Воронов. Приложен образ<ец> бумаги»³².

И тут Киселев совершает поступок, последствия которого он наверняка себе представлял. В это время из Москвы в Париж отправлялась Ольга Николаевна Анненкова (Леля), слушательница, ученица и переводчица Штейнера, один из столпов московского Антропософского общества³³. И Киселев, встретившись с ней в последних числах сентября, рассказал среди прочего, что в «Мусагете» готовится к изданию книга Эллиса, прямо направленная против «Доктора». Вряд ли он не мог ожидать того, что произошло следом:

«Многоуважаемый Николай Петрович, я не сдержала своего обещания держать в тайне Ваше сообщение о книге Эллиса и сказала об этом в Берлине Марии Яковлевне <Сиверс> и Белому. Уйдя от Вас, я размышляла о могущих произойти крайне печальных последствиях, если бы эта книга вышла, и потому решила предотвратить, как могу, эти последствия. Я уж не говорю, как я лично оскорблена и возмущена поступком Эллиса, но подумали ли Вы, в какое положение Вы поставили Белого!? Я могу только искренно радоваться, что нарушила свое обещание, т. к. он сказал мне, что порвал бы немедленно всякие сношения с “Мусагетом” и деловые и личные, если бы книга Эллиса вышла. Я не знала даже, что у него было условие с Метнером, по которому тот обязался не выпускать ни в “Мусагете”, ни в “Логосе” ничего против Штейнера. Я не могу Вам сказать, до какой степени А. Белый был потрясен этим известием. Он надеется,

что ни Сизов, ни Петровский не знали о книге, и что все антропософы оставят Мусагет, если Эллису будет он открыт, как арена действий против Штейнера. Мне лично также очень трудно понять, что Вы согласились на печатание этой книги, особенно зная невозможный, полемический тон этого несчастного Эллиса. Если он вернется в Москву, то ведь никто из антропософов не подаст ему руки.

Я говорила М. Я. Сиверс о своем разговоре с Вячеславом Ивановым, и она еще раз настоятельно повторила, чтобы никто из членов Антропософического <sic> Общества “ни в каком случае” не давал ему циклов. Я очень, очень надеюсь, Николай Петрович, что благодаря моему почти случайному вмешательству книга Эллиса не выйдет и “Мусагет” не потеряет Белого и других сотрудников. Но помимо этого я предвижу тяжелое время для нашего Московского, еще такого неокрепшего кружка, если Вячеслав Иванов и Метнер соединят свои силы против Доктора. После наших разговоров с Вами, я с трудом могла поверить Белому, кот<орый> рассказывал мне о Вашем восторженном отношении к Д-ру во время Мюнхенского цикла.

Но если это отношение изменилось, то все же мне непонятно, как можете Вы приветствовать позорное salto-mortale Эллиса? Мы все, т. к. Бугаевы, я, Христофорова, Т. А. Бергенгрин и М. Волошина будем всячески стараться не допускать Э. до публичных выступлений против Д-ра. Пока всего хорошего. Я на днях напишу Kitty, передайте ей мой привет. Жду книги Метнера о Гете. О. Анненкова»³⁴.

Судя по всему, Белый узнал о готовящейся книге 19-го октября по новому стилю — в этот день им была отправлена телеграмма с категорическим требованием остановить печатание («Книгу Эллиса не выпускать до письма — Бугаев»³⁵), а два дня спустя — первая из яростных записок (№ 30 по нашей нумерации). Остается открытым (и, очевидно, принципиально нерешаемым) вопрос о причинах поступка Киселева: хотел ли он предупредить Белого о готовящемся выступлении из этических соображений? (Этому противоречит горячность, с которой он взялся за печатание брошюры, не попытавшись отговорить ни Эллиса, ни Метнера). Или, наоборот, намеревался окончательно разрушить возможности примирения между Белым и «Мусагетом»³⁶? В любом случае, второе безусловно произошло — при том, что сам Белый, возможно, остался в неведении, относительно роли Киселева (или истолковал его поступок лестным образом)³⁷ — по крайней мере, их диалог 1913 года завершается его сугубо дружеским письмом, за которым, впрочем, следует трехлетнее молчание³⁸. За это время Киселев (по собственному интересу или по редакционной надобности) оказывается знаком с финальной частью переписки Белого и Метнера — и письменно присягает последнему: «Возвращаю Вам и копировальную книгу с ненужными письмами, которых не читал. Но прочел Ваши письма из нее к Бугаеву и, искренне говоря, проникся огромным уважением к Вам и безграничным удивлением на то, как verdreht³⁹ могут быть некоторые люди. <...> Еще раз выражаю полную солидарность и одобрение Вашему

Илл. 3. Николай Петрович Киселев.
1910-е гг. (?) (РГБ)

образу действий — как по отн<ошению> лично к Бугаеву, так и в оф<ициально>-ред<акторском> смысле»⁴⁰.

Следующий поворотный момент — февраль 1917 года, когда после выхода книги Белого «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» острота подзаглохшей было полемики достигла новых степеней⁴¹. Новый виток эскалации начался с письма И. А. Ильина, прежде безмолвствовавшего по этому вопросу: 6 февраля он отправил открытое письмо Белому («С чувством острого стыда и тяжелого отвращения прочел я книгу, выпущенную Вами против Эмилия Карловича Метнера»⁴² etc), о чем четыре дня спустя уведомил своего подзащитного, сообщив, среди прочего,

о намерении разослать копии послания всем потенциально заинтересованным адресатам. Из лиц, в разное время близко стоявших к «Мусагету», энергично воспринял обвинительный пафос Ильина, кажется, только Эллис. 17 апреля он направил слова поддержки Ильину («Факт становится идеей, пасквиль г. Бугаева — ядовитым газом, направленным в лице Метнера против всех нас, против всех работников в сфере христианской религии и европейской культуры»⁴³), в этот же день написав «Открытое письмо ко всем сотрудникам “Мусагета” и “Трудов и дней”»:

«Не может быть никакого сомнения в том, что неслыханное в летописях русской литературы, беспочвенное и возмутительно-клеветническое публичное (в книге, выпущенной на книжный рынок) оскорбление Э. К. Метнера, редактора, основателя и идейного вождя «Мусагета» есть ео ipso⁴⁴ оскорбление и «Мусагета» самого, т.е. всех лиц и де й н о соединенных между собою и с Э. К. Метнером во имя общей духовной работы без следования безусловным нормам морали и общелитературным приличиям, немислимой. Идейное издательство п а с с и в н о переносящее публичное, печатное название своего редактора “скотодворным животным, быком, носорогом, фертиком, вульгарным демагогом, сплетником, спекулянтом, разбойником и нападающим врасплох на безоружных”⁴⁵ ео ipso превращает⁴⁶ себя в скотный двор, зоологический сад, бульвар, погромную банду, собрание сплетников, биржу сомнительных дельцов, ораву бандитов в глазах всякого, прочитавшего грязный пасквиль г. Бугаева и ставящего себе вопрос, и где же опровержение этих утверждений..., ибо самому Э. Метнеру по мотивам чести немисливо встать на свою защиту от подобной гряди. Все знающие лично Э. К. Метнера, особенно все, работавшие годами вместе с ним, все без исключения знают, что в вопросе этической и идейной оценки Э. Метнера двух мнений быть не может, что без мо-

ральной, исключительной высоты его все культурное дело “Мусагета” было бы немислимо. Неуклонное следование им заветам самой высокой культуры и началам безусловной терпимости, свободы совести и уважения к личностям и убеждениям сотрудников “Мусагета” — не могут подлежать ни малейшему сомнению.

Пасквиль г. Бугаева заслуживает немедленного и самого активного протеста не потому, что он направлен против суждений и теоретических воззрений Э. Метнера и на защиту взглядов самого г. Бугаева и Р. Штейнера⁴⁷ (ибо для сотрудников “Мусагета” морально допустимы совершенно одинаково аргументы в пользу учения Штейнера совершенно так же, как и в защиту учений Л. Толстого, Гегеля, Канта, Гете или всякого иного писателя, если они приводятся без нарушения норм морали и обычаев литературной пристойности), а единственно потому, что пасквиль этот направлен против личности Э. К. Метнера и потому что самому автору пасквиля лучше, чем кому-либо на свете известны все те достоинства моральной личности Э. К. Метнера, которые он заведомо сознательно, систематически, *лживо*, многократно, непристойно и безнравственно извращает.

Пасквиль его обращен к лицам, личности Э. К. Метнера, к сожалению, не знающим и о идейной ценности “Мусагета” не могущим судить на основании опыта, следовательно, пасквиль этот есть клевета, направленная на безоружных. Защищать Э. К. Метнера и его дело призваны прежде всего лица, делу этому идейно причастные и лично могущие судить о личности Э. К. Метнера, т. е. сотрудники “Мусагета” и “Трудов и дней”.

Я имею честь предложить всем сотрудникам “Мусагета” выразить свой недвусмысленный протест против пасквиля г. Бугаева внесением своих фамилий на этот лист. Я заканчиваю это письмо надеждою, что выражение дружного протеста откроет глаза самому г. Бугаеву на то, игрушкой каких темных и разрушительных сил, столь чуждых всей прежней идейной работе г. Белого, явился он в деле составления пасквиля, побудят его самого по соображениям не страха перед внешним чьим-либо давлением, а по глубоким мотивам раскаяния и сожаления немедленно изъять из продажи свой пасквиль и свои возражения против книги Э. Метнера, выразить в иной, более пристойной и моральной форме, самым лучшим примером которой может служить иронически-уничтожающая своею корrekтностью книга Э. Метнера против Штейнера»⁴⁸.

Адресаты этой филиппики (из маргиналий Киселева на его экземпляре следует, что копии были направлены П. И. Астрову и Г. А. Рачинскому), как и другие лица, близко стоявшие в разные годы к «Мусагету», отреагировали на письмо Ильина со значительно меньшим энтузиазмом. Так, Е. Н. Трубецкой 25 февраля отправил Ильину подробное письмо-возражение (текст которого реконструируется по ответной реплике последнего)⁴⁹; Г. А. Рачинский, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон и Л. И. Шестов направили сочувственное предостережение Белому, заканчивающееся призывом «не реагировать на это письмо сгоряча, не повидавшись и не обсудив его с друзьями»⁵⁰. На этом фоне выделялась реакция А. С. Петровского, который, благодаря искаженной

информации или природной склонности к примиренчеству, считал, что Метнер не вполне разделяет пафос своего паладина — и был в этом разубежден им самим:

«Дорогой Алексей Сергеевич!

Совсем напрасно распространяете Вы ложные известия о моем снисходительном отношении к пасквилю Андрея Белого. Я вполне подписываюсь под открытым письмом И. А. Ильина и изумляюсь на тех своих друзей, которые находят это письмо резким. Свой антропософический иезуитизм Вы отчасти изволили уже проявить в Дорнахе, весной 1915 г., когда взывали “к высшей справедливости”, будто требующей от меня самобичевания, ибо как иначе назвать можно было бы напечатание книги Андрея Белого, даже в тогдашней ее редакции, в *Мусагете*, из которого он вышел со скандалом, отрясая прах с ног своих. Ведь брошюра или большая статья, которую предлагал мне напечатать в *Мусагете* Андрей Белый, летом 1913 г., в Дрездене, куда он приезжал с целью пойти со мною на мировую, была бы все еще произведением сотрудника *Мусагета*; эта *брошюра или статья*, тогда еще написанная, (ибо и моя книга не была еще закончена) не могла бы носить характера *памфлета*, а лишь более или менее острой внеличной полемики. В начале 1914 г. последовал раскол в *Мусагете* и выход из него антропософов. Далее в конце 1914 г. прислана была в Швейцарию появившаяся в свет моя книга, и в ответ на нее была написана Андреем Белым *книга* таких же размеров. Затем была сделана (благодаря посредничеству Наташи⁵¹) новая попытка моего примирения с Андреем Белым (о чем я глубоко сожалею). Андрей Белый читал мне *отдельные* части своей книги, которая превратилась уже в памфлет, хотя все еще не бросала тени на мою моральную личность. Я принял прочитанное спокойно и с юмором, но отказался напечатать книгу в *Мусагете* (даже если бы были на то средства) и был доведен до гнева и решения вновь порвать с Андреем Белым лишь поведением его и его супруги⁵². Бранных слов, цитируемых И. А. Ильиным, Андрей Белый мне не прочел. Опустил ли их Андр. Белый при чтении или вставил потом после разрыва, это важно только для психологии Андрея Белого. Словом, появившаяся в *Духовном Знании* книга его не есть тот *памфлет*, который он наивно предлагал мне напечатать, а есть тот *пасквиль*, который вызвал справедливый протест И. А. Ильина. Напечатать памфлет значило бы самого себя высечь во славу единокласснического штейнерианства; напечатать пасквиль значило бы не только высечь себя, но перед всем светом самому клеветать на себя, признав свое нравственное разгильдяйство. Надо впасть в умопомрачение, чтобы не видеть качественного различия между моей книгой и ответом Андрея Белого. Я подрываю лишь умственный авторитет Штейнера, неоднократно подчеркивая его моральную безупречность, Андрей Белый, сектантски вступаясь за своего мейстера, пытается дискредитировать меня не только умственно, но и нравственно. Что касается возобновления моего общения с Асей, то оно состоялось, во-первых, по ее настойчивой инициативе, во-вторых, задолго до получения мною

письма И. А. Ильина. Теперь, когда я узнал всю беззастенчивость Андрея Белого, когда я узнал, что книга его давно дошла до Дорнаха (о чем умалчивала Наташа, общаясь со мною), что, следовательно, вся ругань была обеим сестрам известна, я отказался от (впрочем, за последнее время крайне редкого) общения и с тою и с другою.

Теперь настал черед и с Вами проститься навсегда после 23-летнего общения. Это горько, но неизбежно. Если М. И. Сизов и другие держатся Вашего мнения на всю эту позорную историю, то пусть они знают, что между мною и ими все кончено.

Р. С. В своем прощальном письме Андрею Белому от 10-го апреля 1915 г., в котором я объясняю причину своего раздражения, я еще раз хронологически проследил наш конфликт по поводу антропософской полемики, и остается только удивляться не то отсутствию памяти не то умышленным подтасовкам фактических обстоятельств»⁵³.

Не остался в стороне от полемики и Киселев, который, судя по всему, выразил неудовольствие этой историей в беседе с представителями московской ветви семьи Метнеров. Некоторое время спустя это стало известно Эмилию Карловичу:

«Анна Михайловна⁵⁴ сообщила мне о разговоре, который Вы вели с нею и с Николаем Карловичем по поводу моего столкновения с Андреем Белым. Раз Вам известно содержание моего письма Алексею Сергеевичу от 22/9 апреля и открытки, одновременно отправленной на его имя, то Вам должно стать само собою ясно, что наши с Вами отношения, как деловые, так и личные, прекратились сами собою. Я не знаю, получил ли Алексей Сергеевич мое письмо, которое я в двух экземплярах отправил на имя Анны Мих<айловны> Хочется думать, что тогда, когда Вы собирались идти к Николаю Карл<овичу>, письмо еще не успело дойти до Москвы, ибо в противном случае Ваша попытка в чем-то убедить моих близких явилась бы еще более странной.

Когда-то я дал Вам на хранение часть моей переписки с Эллисом и с Андреем Белым. Кроме того, если не ошибаюсь, у Вас хранятся рукописи и московский архив Эллиса. Прошу Вас передать все эти вещи Николаю Карловичу. Если Алексей Серг<еевич> моего письма не получал, то прошу меня уведомить, для того, чтобы я мог выслать ему оставшуюся у меня копию»⁵⁵.

Встречная реплика Киселева нам неизвестна, но по ответному посланию, кажется, весьма озадаченного адресата, можно вообразить степень возмущения всегда исключительно корректного автора:

«Цюрих, 9/22-го октября 1917 г.

По мере чтения Вашего 11-го письма (от 7/20 авг. 17 г.), Николай Петрович, настроение мое невольно резко менялось: сначала я было вознегодовал на наносимые мне обиды, потом расхохотался над гротеском Ваших требований и обвинений, наконец, мне по человечески стало просто жаль,

по-видимому, нравственно хворавшего бывшего товарища. Примите это, как Вы этого и от меня требуете “терминологически”.

“Безумные”, “легкомысленные”, “варварские”, “абсолютно некультурные”, “нелепые поступки, достойные дикаря”; это — по моему адресу; “нахал и хулиган” по адресу глубоко чтимого мною Ильина — и после всего этого предложение: “для соблюдения минимальной корректности” отправить Вам за Вашу брань “извинительное письмо”! Разве это не предел комизма или... не признак утери морального равновесия?

Книга Андрея Белого, которую я недавно получил, наконец, оказалась гораздо возмутительнее чем то, как ее обрисовал в своем письме Ильин. Последний, не зная наших отношений с Белым и недостаточно знакомый с гетеанскими темами, вовсе не был в состоянии отметить всю нравственную и умственную низкопробность книги Белого. “Очень жалеть, что она не вышла в Мусагете”, значит потерять все критерии. Просто думаю, что Вы ее не прочли, как следует. Но вот мою-то книгу Вы читали вместе со мною дважды и одобряли. Где же было тогда или теперь Ваше научное чутье? Или на Вас ныне подействовало, что Белый умышленно, чтобы затемнить принципиальную сторону, нагрузил свою книгу балластом дешевой и сомнительно обставленной научности? “Меня уличили в поверхностной трактовке научного вопроса!” Таково “впечатление от книги Белого”. Но разве тут дело решается “впечатлением”? Здесь необходимо иное: и этого “иного” я вправе был бы ждать от такого человека, за которого я Вас до сих пор считал. Ваш “нейтралитет” в моей распре с Белым есть просто ленивая отговорка, чтобы не исследовать вопроса по существу. Кроме того Вы явно поколеблены и почти на стороне антропософов, ибо только так можно объяснить Ваше вступничество <sic> в пользу книги Белого⁵⁶.

Мой “непозволительный абсентизм” объясняется тем, что моя болезнь (которой, как Вы знаете, я страдал уже в сезон 1913–14) не совместима с морским путешествием в Россию; это мнение не только врача, у которого я лечился здесь, но и официального врача в консульстве. Что же касается жизни на чужбине, то безмерно жестоко с Вашей стороны упрекать меня в праздности и благополучии; сколько я душевно выстрадал за эти годы, о том Вы, по-видимому, не можете составить себе надлежащего понятия.

Пропало столько писем, что неудивительны мои отговорки по поводу возможного неполучения Петровским моего письма. Я отправил ему открытку и кроме того письмо в двух экземплярах по адресу Анны Михайловны: один экземпляр для него, другой к сведению моих действительных друзей, укорявших меня в том, что я будто бы не занял определенной позиции к Белому и антропософам. Посылаю теперь Вам копию этого недошедшего письма⁵⁷.

Пошуканис <sic> лично меня почти не знает⁵⁸. Немудрено, что если он слышит от таких “друзей”, как Вы, Петровский и другие, мнения обо мне вроде изложенных Вами в Вашем глубокооскорбительном послании, немудрено, что он эмоционально вчитывает тогда в мои запросы “тон” недоверия или упреков. Я просто задал ему ряд вопросов, касательно тех

слухов, которые распространились в литературной московской среде о покупке им Мусагета, об издании сочинений Белого и т. п. Я написал Пошуканису целый ряд писем, где с полной признательностью говорю об его деятельности.

Ехидно замечает Петровский, что “друзья” меня “избаловали”. Кроме огорчения я не видел почти ничего от своих к счастью ныне “бывших” друзей за все тяжелые годы совместной работы. Что же касается Анд<рея> Белого, то это даже не человек, а просто чудовище и притом извращенное; от таких друзей — да избавит небо друга и недруга.

Я не знаю, кого Вы имеете ввиду, говоря о жертвах моей агрессивности? Но знаю, что такой агрессивности от Вас с Вашей воспитанностью и *Vornehmheit*⁵⁹ я не ожидал. Признаться я краснел за Вас, читая Ваше письмо. И никогда у меня не хватило бы духу писать Вам в таких выражениях.

Вот именно потому, что Вы не видите «качественной» разницы между Размышлениями и книгой Белого я и не могу более считать Вас товарищем по ремеслу. Своего слова назад я не беру, и Вы можете быть уверены, что между нами навсегда все кончено. Ваше письмо лишь скрепило это мое бесповоротное решение.

Р. S. Прошу Вас отказаться от ответа на это мое письмо»⁶⁰.

На этом история документированных взаимоотношений Киселева и Белого почти закончена: неизвестно даже, был ли последний осведомлен об этом неожиданном заступничестве. Хронологически завершающее письмо в их эпистолярном диалоге — предложение Киселева поселиться в одной из комнат его квартиры (нередкая практика эпохи массовых уплотнений: не дожидаясь назначенных жильцов, привести число обитателей к коммунальной норме): план этот не воплотился. Об их, практически неизбежных, встречах 1920–1930-х годов сведений до нас не дошло.

Письма обоих корреспондентов хранятся в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ. Переписка сохранилась не полностью: утрачена большая часть писем Киселева и, вероятно, часть писем Белого. В середине 1910-х годов Киселеву была оставлена на хранение часть архива Метнера, вернувшаяся к его родственникам после их эпистолярной ссоры в 1917 г. (на некоторых сохранившихся в составе этого корпуса письмах Белого до сих пор остались характерные следы киселевского карандаша⁶¹). Вероятно, в это же время к нему попадают три коллективных письма Белого, адресованные редакции «Мусагета» — не исключено, конечно, что Киселев, чей темперамент и роль в издательстве весьма этому способствовали, негласно назначил себя архивариусом «Мусагета» и присовокупил письма к своему архиву, еще пребывая в этом статусе.

Переписка печатается в полном объеме по автографам; письма Белого: РГБ. Ф. 128/III. Карг. 3. Ед. хр. 1–12; РГБ. Ф. 167. Карг. 9. Ед. хр. 9; РГБ. Ф. 167. Карг. 9. Ед. хр. 10; письма Киселева: РГБ. Ф. 25. Карг. 17. Ед. хр. 12. Часть документов была ранее опубликована А.В. Лавровым в рамках рассмотрения

двух эпизодов — путешествия Белого по Средиземноморью и дела о книге Эллиса «*Vigilemus*»⁶²; все остальные появляются в печати впервые.

Орфография и пунктуация в основном приведены к современной норме; подчеркивания в оригинале передаются *курсивом*, двойное подчеркивание — **полужирным**, разрядка так и оставлена. Зачеркнутый в рукописи текст воспроизводится [в квадратных скобках].

Эпистолярная Белого обширна, хорошо сбережена и отлично изучена, отчего велико искушение к каждому комментируемому эпизоду выстраивать череду параллельных сведений из синхронных писем; этого соблазна мы по возможности старались избегать, ограничиваясь в таких случаях лаконичным указанием на существование альтернативных документов.

Пользуемся случаем выразить признательность А. А. Ильину-Томичу (за графологические консультации), И. Р. Петрову (за помощь с немецким переводом), Л. Р. Тиняковой (за справку о концертном расписании брюссельской оперы в 1912 году). Отдельная благодарность М. В. Безродному, Н. Н. Соболевой и Л. И. Соболеву, прочитавшим эту работу в рукописи и высказавшим ряд принципиальных соображений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Биография Н.П. Киселева (1884–1965) в настоящее время тщательно изучена; см., прежде всего: Сотрудники Российской Государственной библиотеки. Биобиблиографический словарь. Московский Публичный и Румянцевский Музей. 1862–1917. М., 2003. С. 99–101; *Серков А. И.* Предисловие // Киселев Н. П. Из истории русского розенкрейцерства. СПб., 2005. С. 5–78. Аккумулированная в этих работах библиография практически исчерпывает литературу вопроса. За последующие годы к ним добавилось одно локальное уточнение (*Ершов А. Е.* К вопросу о дате рождения Н. П. Киселева // Наука о книге. Традиции и новаторство. Ч. 1. М., 2009. С. 250–251). Его взаимоотношения с Белым были попутно, но емко рассмотрены в: *Лавров А. В.* Символисты и другие. Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 479–483.
- 2 Ср., напр., упоминание Белого в составленном Киселевым списке «Люди, имевшие для меня величайшее значение» (*Серков А. И.* Предисловие. С. 75).
- 3 Впрочем, эта дружба переживала и периоды значительного охлаждения; ср. краткую записку от 28 февраля 1906 г.: «Вас мало повесить. Эллис» (НИОР РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 1. Л. 9; далее — РГБ); ср. ретроспекцию два года спустя:
«Я тебя ненавидел лишь краткие моменты, когда ты унижался до пошлости, — когда ты в моем присутствии оскорблял память святого рыцаря Роденбаха, место к<отор>ого в “Раю стыдливости и целомудрия”, под хоругвями Девы Марии, когда от тебя пахло “Ребусом” со всем его стародевым оптимистически-хамским суконным стилем...
Но ведь все это — частности и пустяки. В сущности мы оба знаем, что скрыто под моей шутовской и твоей академической маской» (Письмо от 15 сентября 1908 г. // Там же. Л. 28 об.; о «Ребусе» см. далее).
- 4 *Андрей Белый.* Начало века. Берлинская редакция (1923)/Изд. подгот. А. В. Лавров. СПб., 2014. С. 168–169. Здесь и далее выделено цитируемыми авторами. Ср. слегка видоизмененный портрет в поздней редакции:

«В то же время прочерчивается передо мной и сухо-строгий, тощий студент Н. П. Киселев, книголюб, собиратель книг, спец по романтикам и по трубадурам, весь — “экс-либрис”; молчальник, — лишь изредка он реагирует четкой поправкой историко-литературного свойства на наши слова иль, палец прикладывая к протонченному профилю, басом своим трещит: “Я сейчас...” — и исчезает, чтобы выйти с редчайшей книгой, ее поднося, как икону (боишься дотронуться):

<...>. Сидел он всегда с укоризненным видом, отвергиваясь от всего, что не есть книга, точно слабая тень, — у стены в тених; пенснэ с черной ленточкой, тощие усики, правильный нос; лицо серпиком; строен, высок, худокровен; он гербаризировал то, что ему подавалось под категорией жизни, высушивая живые инциденты, как цветики: и их точно расплющивал в книжных томах; утонченный знаток древних ритуалов, истории тайных, мистических обществ, готовил он “Каталог каталогов” как труд жизни, который не мог он завершить, отпавшись однажды заметкой: “К вопросу о методах при составлении каталогов”; нос свой просунув куда-нибудь, понюхав что-нибудь, трещал голосом: “Здесь — спирт сидел... Здесь мистик чихнул”. И, обнюхав любое явление, точно писал к нему каталожную карточку, чтобы в свой каталог его засунуть, и ходил к нему, чтобы нас регистрировать: карточкой музееведческой» (*Андрей Белый*. Начало века. М., 1990. С. 389–390. Никакой статьи, даже отдалено похожей на «По вопросу о каталоге каталогов» у Киселева нет, но есть «Инструкция каталогографическая: составление карточного каталога» (*Виноградов А. К.* Организация центральной библиотеки ССР как культурный памятник Ленину. М., 1924. С. 393–473), написанная совместно с их общим с Белым другом А. С. Петровским. См.: Николай Петрович Киселев. Библиографический указатель. Сост. О. А. Грачева и К. Л. Сокольская. М., 1984. С. 15).

- 5 Богатый архив Киселева в НИОР РГБ (Ф. 128) много лет был закрыт для сторонних читателей; ныне доступен лишь его отдел, объемлющий эпистолярию. В будущем, когда сделаются доступны дневники (часть которых цитируется в указанной работе А. И. Серкова), нам, вероятно, придется скорректировать свой взгляд на эволюцию его воззрений.
- 6 Письмо от 15 сентября 1908 г. // РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 1. Л. 26. Последние два слова «Польше конец» — легендарный возглас раненого Т. Костюшко после проигранного сражения.
- 7 Недатированное (конец августа — начало сентября 1909 г.) письмо Белого к Э. К. Метнеру // РГБ. Ф. 169. Карт. 2. Ед. хр. 4. Л. 4 об. (Киселев здесь объединен общей фигурной скобкой с М. И. Сизовым).
- 8 Там же. Л. 2 об. Ср. в сентябрьском письме к Метнеру того же года: «<...> у Киселева огромная эрудиция по текущим книгам; мы могли бы его просить быть “*au courant*” <...>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 6. Л. 2 об.; «*au courant*» (*фр.*) — в курсе).
- 9 Там же. Л. 1 об. Рядом адресат сделал помету: «это — верно».
- 10 Ср., кстати, оговорку в череде жалоб Белого на Эллиса:
«С первых дней он буквально, сев верхом на журнале и книгоиздательстве, не зная средств еще, не считаясь с “общей пользой”, с “общей идеей”, стал зажаривать “Эллиса”, испугав за участь и того и другого меня, А. С-ча <Петровского> и Киселева, который ради “нас” покинул многолетнюю свою замкнутость и будучи обременен “госуд<арственным> экзаменом” взялся нам помогать» (Письмо к Метнеру от 23 сентября 1909 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 7. Л. 1).
- 11 См. прежде всего: *Богомоллов Н. А.* Anna-Rudolph // Богомоллов Н. А. Русская литература и оккультизм. М., 1999. С. 23–113; *Глухова Е. В.* Письма А. Р. Минцловой к Андрею Белому: материалы к розенкрейцеровскому сюжету в русском символизме // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 4. Ч. 2. М., 2007. С. 215–270.

¹² РГБ. Ф. 128/III. Карт. 17. Ед. хр. 36. Л. 1.

¹³ Письмо от 23 июля 1910 г. // Там же. Л. 38. Киселев и Белый оказались в центре событий, связанных с последним визитом Минцловой в Москву в августе 1910 г. Ср. в воспоминаниях Белого:

«По приезде в Москву, Киселев, очень близкий в то время мне, уведомляет меня: в Москве — Минцлова; и она меня ждет; должен немедленно-де к ней отправиться я (остановилась она, как я помню, в квартире Сабашниковых, недалеко от Тверского бульвара). Свидание с Минцловой было мне тягостно; я все более не понимал ее крайне запутанного поведения: стремление образовать среди нас круг людей, изучающий духовное знание; не понимал я намеков ее, что какие-то руководители духовного знания, о которых пока ничего она больше сказать не решается, появляются-де среди нас; появление “неизвестных” поддерживало все время в нас атмосферу естественного ожидания, напряжения и надежд, соединенных с опаскою: не замешались ли во все это дело отцы иезуиты; а к ним относились мы более чем отрицательно; но с другой стороны: фантастические мифы Минцловой, вплетаемые в обыденную жизнь в связи с частыми ссылками ее на оккультные братства, внушали нам страх, что имеем мы дело с больной, очень нервной, замученной женщиной; так: она уверяла нас, будто путь теософии Штейнера есть путь падения Штейнера, как учителя в области “тайного знания”; и она заклинала: не верить особенно штейнеризации христианства; и вместе с тем: все указания нам, медитации, вся эзотерика Минцловой была сколком интимных бесед ею так отвергаемого учителя Штейнера (мне впоследствии и это пришлось узнать лично); во время бесед с Киселевым, со мною, с Петровским, с Ивановым фигурировали в фантазиях Минцловой все какие-то ее “сокровенные педагоги”, за нею следящие; все-то изъясляла намерение появиться среди нас» (*Андрей Белый*. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 367–368; ср. этот же эпизод: *Андрей Белый*. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 640).

¹⁴ Письмо от 16 августа 1910 г. // Цит. по: *Серков А. И.* Предисловие. С. 29. Перечисляются Э. К. и Н. К. Метнеры, Н. П. Киселев, А. С. Петровский и М. И. Сизов.

¹⁵ Письмо от 22 января 1910 г. (далее письма из настоящего корпуса цитируются без ссылок).

¹⁶ Ср., напр., впечатления А. С. Петровского от посещения лекций Штейнера, изложенные им в письме к Киселеву от 11/24 августа 1910 г. из Мюнхена (дата по почтовому штемпелю):

«Счастлив сказать тебе, что Штейнер ослепительно прекрасен, что я ждал несравненно меньшего, и учусь глядя на него и слыша его как уже давно не учился. За человеческим все время слышно сверхчеловеческое, в самом реальном смысле слова. Личной беседы с ним еще не имел, но думаю иметь в Берне, где пробуду от 1–15 сент. н. ст. или как Бог даст. Это какой-то райский кристалл, из себя растущий, до конца пробужденный, в котором ничего растительно сонного» (РГБ. Ф. 128/III. Карт. 18. Ед. хр. 46. Л. 16–16 об.).

¹⁷ Цит. по: *Майдель Р. фон*. «Спешу спокойно...»: К истории оккультных увлечений Эллиса // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 236–238; там же — исчерпывающий комментарий и контекст. Любопытно, что Эллис транскрибирует данное им самим прозвище Киселева «Уинг» (в английском оригинале «Wing») как «Wing», окончательно затемняя его этимологию. Эллис мог не знать о том, что Киселев еще в 1907 г. искал контактов со Штейнером (см.: *Maydell R. von*. Vor dem Thore: Ein Vierteljahrhundert Anthroposophie in Russland. Bochum, 2005. P. 358). Ср. также его впечатление от лекции Штейнера, посещенной в 1909 г.:

«7/20 я слушал здесь лекцию Рудольфа Штейнера теософа “Goethes geheime Offenbarung” <“Тайное откровение Гете”> — гениально, блестяще, великолепно и глубоко.

Этим “откровением” он считает “сказку” Гете (помнишь у меня есть издание с цветными рисунками). На лекции познакомился с одним из приближенных Штейнера и через него 8/21 проник на заседание теософской “ложи” “<...>» (Письмо к матери от 14/27 января 1909 г. // РГБ. Ф. 128/III. Карт. 26. Ед. хр. 3. Л. 13 об.).

- 18 Ср. его первый отзыв о встреченном друге:
«Теперь вот адрес мой, действительный недели на 3–4: München, Arcisstrasse 44, Pension Thurner. Здесь же проживает Эллис, которого узнать нельзя, столь он изменился к лучшему и внутренне и внешне. Пансион этот невообразимо ужасен, я никогда в жизни ничего подобного не видел» (Письмо к матери от 26 июля / 8 августа 1912 г. // РГБ. Ф. 128/III. Карт. 26. Ед. хр. 9. Л. 27 об.).
- 19 Письмо от 27 июля / 9 августа 1912 г. // РГБ. Ф. 128/III. Карт. 26. Ед. хр. 9. Л. 32 об.–33.
- 20 *Майдель Р. фон.* «Спешу спокойно...»: К истории оккультных увлечений Эллиса. С. 238.
- 21 Письмо к Киселеву от 5/18 июля 1913 г. // РГБ. Ф. 128/III. Карт. 17. Ед. хр. 19. Л. 1.
- 22 Письмо к Киселеву от 28 июля / 10 августа 1913 г. // РГБ. Ф. 128/III. Карт. 17. Ед. хр. 20. Л. 1. Речь идет о запаздывающем очередном номере «Трудов и дней».
- 23 Письмо к Киселеву от 10/23 августа 1913 г. // РГБ. Ф. 128/III. Карт. 17. Ед. хр. 21. Л. 1.
- 24 Там же. Л. 2–3. Аванс, вероятно, был выписан Киселеву либо за подготовку тома бумаг из семейного архива, либо за двухтомник поэзии трубадуров; оба эти издания в свет не вышли (подробнее см. письмо 14 настоящего корпуса). Далее перечисляются находившиеся в разных стадиях производства книги «Мусагета»: *Вагнер Р.* Вибелунги: Всемирная история на основании сказания / Пер. С. Шенрока. М., 1913; *Чемберлен Х. С.* Арийское мирозерцание / Пер. О. К. Синцовой. М., 1913; Логос. Международный ежегодник по философии культуры. Год издания третий. Кн. 3/4; *Эллис.* Арго. Две книги стихов и поэма. М., 1914.
- Привлекательности кандидатуре Киселева косвенно добавляло еще одно обстоятельство: с августа 1910 г. он жил в том же здании, где находилась редакция «Мусагета», только этажом ниже. Предварительные переговоры с ним были проведены А. С. Петровским еще в конце июля; ср. в письме последнего к Метнеру от 20-го числа: «Теперь об Ахрамовиче: ясно, что он не может работать, и с ним нельзя идти дальше. Мы говорили об этом с Киселевым. Н<иколай> П<етрович> соглашается взять на себя секретарство. <...> Ахрамовича жаль, но он прямо-таки болен. Жаль и Мусагета» (Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 35. Л. 20–20 об.).
- 25 Письмо к Метнеру от 14 августа 1913 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 18. Л. 18. Перечислены книги (за исключением расшифрованных в предыдущем примечании): *Седлов М.* <Сизов М.И.> Цезарь Ломброзо и спиритизм. М., 1913; *Словацкий Ю.* Ангелли / Пер. Анатолия Виноградова. М., 1913; *Орсье Ж.* Агриппа Неттесгеймский, знаменитый авантюрист XVI в. / Пер. Брониславы Рунт, под ред. Валерия Брюсова. М., 1913.
- 26 Письмо Э. К. Метнеру от 18 августа 1913 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 16. Л. 17–17 об. Смена секретаря редакции, кажется, не всем пришлась по душе; ср. в письме В. О. Нилендера к В. К. Шварсалон от декабря 1913 г.: «Были ли в Мусагете? Какое впечатление на Вас произвел Киселев? Знаетесь ли со здешними теософами? Уверен, что *Вы никогда не будете с ними!*» (РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 75. Л. 2 об.). Ср., кстати, в письме Метнера к Белому от 15/28 сентября 1913 г.: «На днях уезжаю в Москву, где меня ждут страшные неприятности с агентурой Кожебаткина и вообще с мусаетскими не порядками, кот<орые> я не в силах устранить, т.к. у меня нет людей. Слава Богу, что Киселев согласился помочь» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 11. Л. 6).
- 27 Ср. в письме Киселева к Метнеру от 14 августа 1913 г.:
«Очень давно (в марте?) когда Вы с Ахрамовичем обсуждали порядок выхода №№ журнала в 1913 году, я предсказывал, что № 1 выйдет к 1 мая; теперь он должен

выйти со дня на день, но как закончить с честью журнальную кампанию 1913, я право не знаю, ибо опять таки не верится, чтобы мы могли выпустить двойной № 3–4 к 1 ноября и двойной же 5–6 в начале января. Мне представляется, что теперь неизбежно выпускать все №№ двойными; если же нет, то мы и к 1 июня не выпустим № 6» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 18. Л. 16–16 об.).

Несмотря на обновление редакции, восстановить график выпуска журнала не удалось.

- 28 Ср в письме Метнера Киселеву от 24 августа /9 сентября 1913 г.:
 «*Мусагет* должен скорее выпустить все, что он обязался напечатать; нового ничего не брать, кроме мелких брошюр; сделать так, чтобы наступил момент, когда *ничего* печатать (кроме “Тр<удов> и Дн<ей>”); *тогда* можно отпустить Ахрамовича (если он до того сам не уйдет). NB: я ему через некот<орое> время сообщу, что долго ему в Мусагете оставаться все равно не придется. Останется: склад (при нем для продажи Дмитрий), Кожебаткин к тому времени *вовсе* будет удален. Наступит пауза; книги будут помаленьку продаваться; мы оправимся и выступим вновь; *но не иначе как с Вами как с секретарем*; пауза — менее года, более полугода — необходима» (РГБ. Ф. 128/III. Карт. 17. Ед. хр. 22. Л. 2).

Киселев отвечал ему 27 августа (NB — ровно в день получения письма!): «Мысль Вашу сделать паузу в деятельности “Мусагета” я нахожу вполне целесообразной, но сказал был, что она должна быть не больше полугода (т.е. с января по июнь), ибо полугодовая пауза в деятельности канцелярии вызовет годовую в выходе изданий (и почти годовую в субсидиях)» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 18. Л. 27).

- 29 Этот принципиально важный сюжет исследован в работе А. В. Лаврова «Книга Эллиса “Vigilemus!” и раскол в “Мусагете”» (*Лавров А. В.* Символисты и другие. С. 498–515); ниже мы касаемся лишь бокового (но главного для нас) ответвления этого сюжета, стараясь по возможности не дублировать уже известные сведения.

- 30 *Метнер Э.* Размышления о Гете. Книга I: Разбор взглядов Рудольфа Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма. М., 1914. Справедливо ожидая живой реакции, автор особо просил сохранить работу над рукописью в тайне: «*Очень прошу* не давать никому читать мою книгу до выхода ее в свет» (Письмо к Киселеву от 24 августа /9 сентября 1913 г. // РГБ. Ф. 128/III. Карт. 17. Ед. хр. 22. Л. 3).

- 31 Письмо к Киселеву от 17/30 сентября 1913 г. // РГБ. Ф. 128/III. Карт. 17. Ед. хр. 24. Л. 5.

- 32 РГБ. Ф. 190. Карт. 36. Ед. хр. 16. Днем раньше Киселев рапортовал Метнеру:
 «Vigilemus! Эллиса конечно лучше выпустить брошюрой: размер вполне достаточный — 40–48 страниц “Весов”. В моем первоначальном понимании мусагетские брошюры, выходя многими десятками в год, должны были представлять как бы журнал; многие из статей “Тр<удов> и Д<ней>” следовало на мой взгляд выпускать и брошюрами. Особенно жалею, что мы не догадались своевременно сделать такой брошюры из предисловия Дурылина к “Цветочкам”, есть только тридцать оттисков, в обложке, очень приятных. Вообще все более крупные предисловия можно бы было выпускать и брошюрами: дешево, рекламно и идейно.

В виде опыта я сегодня утром сдал *Vigilemus!* в набор — Воронову; намерен печатать его быстро и абсолютно конструктивно, дабы ничем не быть связанным: посмотрю, что из этого выйдет. Весною Петровский напечатал у него две книги Штейнера в две недели, причем вторая книга допереводилась во время печатания. Воронов сам вспоминал об этом с удовольствием» (Письмо от 23 сентября /6 октября 1913 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 18. Л. 41).

Упоминается книга: Цветочки святого Франциска Ассизского / Пер. А. П. Печковского. М., 1913.

- 33 О ней см.: Смерть Андрея Белого. М., 2013. С. 125. В ее мемуарном тексте о Белом и Вяч. Иванове («Выписки из дневника»; РГБ. Ф. 25. Карт. 40. Ед. хр. 20) этот сюжет не упоминается.

- 34 Письмо О. Н. Анненковой к Н. П. Киселеву от 8/21 октября 1913 г. // РГБ. Ф. 128/III. Карт. 1. Ед. хр. 24. Л. 1–2 об. Из упомянутых лиц к числу общеизвестных не принадлежит Татьяна Алексеевна Бергенгрин (Бергенгрюн; урожд. Андреева; 1861–1942), антропософка, сестра Е. А. Бальмонт; о ней см.: *Maydell R. von. Vor dem Thore: Ein Vierteljahrhundert Anthroposophie in Russland.* P. 29.
- 35 *Лавров А. В.* Символисты и другие. С. 503. Через день эхо нарождающейся бури дошло и до Эллиса: «Дорогой Уинг! Что ты делаешь? *Зачем* болтаешь с теософами, с *Анненковой*? О моей брошюре? Теперь опять скандал против меня. <...> Все теософы — шпионы. Ты сошел с ума, видно, дорогой друг! Ты можешь меня зарезать. Все антропософы организованы и инквизиторски за мной следят. Подумай о моем здоровье!» (Письмо к Киселеву от 8/21 октября 1913 г. // РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 4. Л. 19); днем позже сетования продолжились:
- «Что ты сболтнул Анненковой? Готовится снова скандал. Ты сказал *bona fide*, но нанес ей убийственный ущерб. Сколько раз твердил я тебе, что все тео + антропософы — шпионы. Анненкова специально состоит при Сиверс “для русских дел”. Лучше ты не мог придумать нанести мне удар. Не забудь, что все может обрушиться и на бедную Пульман <sic!>. Говорю тебе, пока подписки документальной мне не дашь ни с одним членом “А<нтропософского> Об<ше>ства” (даже с милым Ахрамовичем) о делах и письмах наших *безусловно* молчать, не буду писать тебе о делах» (Там же. Л. 18; о Пульман (правильнее — Польман) см. прим. к письму 28).
- 36 Метнер незадолго до этого сообщил ему о своей встрече с Белым, на которой забрезжила возможность компромисса:
- «С Бугаевым встреча была приветливая и сердечная и была бы такой в большей еще мере, если бы не присутствие Аси, кот<орая> не оставила нас ни на минуту одних. Ася совершенно подчинила себе Бугаева: до смешного! Быть может это ему надо?! Как я ни уклонялся, но пришлось говорить о Штейнере. Нахожу, что Бугаев стал менее остроумен и находчив в споре; впрочем, это происходит со всеми принявшими теософскую “веру”. Разговор принимал у нас иногда очень пылкий характер; но мы все-таки сдерживались и все шло очень мирно. Вместе были в Опере на *Валькирии*. Провели три дня. О наших деловых и личных недоразумениях речи не было» (Письмо от 31 августа/13 сентября 1913 г. // РГБ. Ф. 128/III. Карт. 17. Ед. хр. 23. Л. 5).
- 37 В сходной позиции был и автор; ср.: «Без моей вины и воли брошюра вышла официальным выступлением анти-штейнеристов Москвы, особенно благодаря подлости Анненковой и безумию Белого» (Письмо Эллиса к Киселеву от 8 января 1914 г. // РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 5. Л. 3–3 об.).
- 38 При этом встречались они в указанный период не раз; ср., напр., в письме Киселева к матери от 1 октября 1916 г.: «Приехал А. Белый, тоже получил три месяца отсрочки; сейчас иду к нему» (РГБ. Ф. 128/III. Карт. 26. Ед. хр. 10. Л. 45 об.).
- 39 Сумасбродны (*нем.*).
- 40 Письмо Киселева к Метнеру от 14 июня 1914 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 18. Л. 50–50 об. Ср., кстати, след неугасшего и позже интереса: «Очень жалею, что не могу исполнить обещанного Вам и прислать Вам остальные копии моих писем и еще некот<орые> письма <...>. Без этих документов Вы все еще не в состоянии вполне представить себе историю нашей распри с Бугаевым» (Письмо Метнера к Киселеву от 5/18 ноября 1914 г. // РГБ. Ф. 128/III. Карт. 17. Ед. хр. 26. Л. 17 об.). Характерно, что в сознании современников Киселев надолго остался человеком круга Белого; ср. в письме М. О. Гершензона к жене от 10 июня 1914 г.:
- «Вернувшись домой, поспал немного, потом писал до 9¼, поел и чаю выпил и пошел для проходки к Вяч. Ив. Там пришел еще Киселев, знаешь, такой странный,

похожий на алхимика, начетчик, приятель Белого. Ушли мы в 12, Киселев проводил меня до дому, и здесь еще все говорил, да так интересно, что я предложил ему войти; вошли, чаю я не предложил, но он все-таки сидел до 2¼. Он оказался тонким и остроумным человеком, отлично рассказывает, художественно и скупыми словами» (РГБ. Ф. 746. Карт. 21. Ед. хр. 25. Л. 9).

- 41 Выход этой книги (М., 1917) и ее содержание не были сюрпризом для Метнера; ср.: «Белый — конечно наш. Он пишет сейчас новую теоретическую книгу, кот<орую> надеется пристроить у нас. Кроме того он пишет книгу в ответ на *Размышления*; эта книга выйдет в *Духовном Знании*. Он мне читал отрывки. Между нами: очень слабо; он разучился окончательно мыслить. <...> Я хохотал с таким добродушием, точно это не меня касается, чем Белый был очень удивлен и обрадован» (Письмо Метнера к Киселеву от 2/15 марта 1915 г. // РГБ. Ф. 128/III. Карт. 17. Ед. хр. 28. Л. 6, 7).
- 42 *Гаврюшин Н. К.* В спорах об антропософии. Иван Ильин против Андрея Белого // *Вопросы философии*. 1995. № 7. С. 99; здесь же — история и контекст полемики.
- 43 Там же. С. 101.
- 44 Тем самым (*лат.*).
- 45 См. с. 71, 78, 79, 20, 166, 138, 17 etc. etc. книги г. Бугаева-Белого (*прим. Эллиса*).
- 46 Тем более, что нападения г. Бугаева, формально взятые, не суть слова первого встречного, которые легко игнорировать, а исходят от старейшего сотрудника «Мусагета», одного из лучших писателей и могут быть использованы врагами (*прим. Эллиса*).
- 47 Нет сомнения, что идейно и морально чуткие сторонники Штейнера сами поспешат немедленно указать г. Бугаеву на свою несолидарность с его методом апологии их учителя, подрывающим прежде всего авторитет самого Штейнера и его доктрины (*прим. Эллиса*).
- 48 Цитируется по экземпляру, отложившемуся в архиве Киселева (РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 9. Л. 1–4).
- 49 См.: *Гаврюшин Н. К.* В спорах об антропософии. Иван Ильин против Андрея Белого. С. 101–104.
- 50 Там же. С. 104.
- 51 Н. А. Тургеневой (Поццо); см. письмо 12.
- 52 Делавшей крайне колкие замечания во время чтения, свидетелем чего был антропософ М. И. Сизов. (*Прим. Э. К. Метнера*).
- 53 Письмо от 9/22 апреля 1917 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 14. Л. 1–2 (копия, оставленная Метнером у себя в архиве).
- 54 Метнер Анна Михайловна (урожд. Братенши; 1877–1965), скрипачка; жена Э. К. и Н. К. Метнеров (последовательно).
- 55 Письмо Метнера к Киселеву от 18 июля 1917 г. // РГБ. Ф. 128/III. Карт. 17. Ед. хр. 29. Л. 1. Ср., кстати, реплику Киселева в письме к матери от 15 сентября 1917 г.: «Особенно меня задержала объемистая переписка с Эллисом и Метнером, которые принялись меня расстреливать, о чем надо будет тебе рассказать» (РГБ. Ф. 128/III. Карт. 26. Ед. хр. 10. Л. 60).
- 56 Надо сказать, что Киселеву в этом вопросе действительно был свойственен некоторый протеизм, в котором его с удовольствием уличал Эллис:
«Как должен я понимать одновременное написание тобой одновременно двух писем (1 день разницы):
1) Ко мне, где признается мое “бодрствование” и осуждается твой “многолетний, кошмарный сон”, осуждается книга Белого, отрицается абсолютно антропософия, выражается согласие с основными пунктами моего обвинительно-резкого письма, что меня тоже удивило.

- 2) К Э. Метнеру, где высказываются безусловно противоположные мысли» (Недатированное письмо (осень 1917)//РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 12. Л. 1).
- 57 Помета Киселева: «Передал А. С. Петровскому».
- 58 В. В. Пашуканис, фактически заведовавший в это время «Мусагетом», вызывал у Эллиса беспокойство своей коммерческой всеядностью: «Кроме того четко передай ему <Пашуканису>, что хотя я его лично неизменно ценю и никогда не в каких подвохах не обвинял, но считаю, что сожительство г-на Мусагета с г-жой Антропософией в одном магазине недопустимо безусловно» (Письмо от 18/31 октября 1917 г.//РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 14. Л. 2).
- 59 Благодарством (*нем.*).
- 60 РГБ. Ф. 128/III. Карт. 17. Ед. хр. 29. Л. 1–2. Эллис, явно получивший от Метнера копию этого письма, старался образумить своего старинного друга:
 «Скажи мне по совести не в качестве г-на Киселева, мумифицирующего от *отчаяния* свою добрую и чуткую душу, а в качестве Уинга, бывшего для меня с первого дня дружбы образцом благородства, честности, *корректности*, искренности, правдивости и смиренности, скажи прямо, есть ли этическое оправдание поступкам Бугаева, когда он выдает эз<отерические> тайны Д. Мережковского после ритуальной клятвы молчать, когда он клятвенно обязавшись молчать о тайнах кружка Минцловой, все выбалтывает мне, *умолчав* о сем “друзьям” и этим всех вводя в хаос без выхода, когда он болтает о мусейской <sic> истории *с умолчанием о моей победе* на суде чести и суде юридич<еском> людям, ищущим систематически как бы меня оклеветать и даже лжет о моей провокационной работе в зубатовщине, когда он *лжет* и клеветает по адресу Э. К. М., к<ото>рый спас его при гибели “Весов” для литературн<ой> работы, что я *лично* знаю. Когда я или Э. К. позволяли себе подобные преступления эз<отерического> и этического духа? Вообще кто иной кроме Бугаева так морально падал? И вот с такими эзотерич<ескими> хулиганами ты поднимаешься <?> против меня и Э. К. М., объединенных *через Иоанну* эзотерически.
 Я умоляю тебя одуматься, пока не поздно. Я прошу тебя категорически ко мне присоединиться, ибо против меня с этической и эзотерич<еской> т<очки> зр<ения> ты ничего иметь не можешь. Ведь лишь со мной идя вместе ты можешь дойти до *relatio directa*, до света подлинных мистерий Креста и 4 алых Роз. Ведь ты уже клонишься над пропастью и без оккультизма истинного ты жить едва ли можешь, как и Э. К. М.» (Письмо от 18/31 октября 1917 г.//РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 14. Л. 5–5 об.; об Иоанне Польман см. прим. к письму 29).
- 61 См., напр., письмо Белого к Метнеру от 9 сентября 1912 г.//РГБ. Ф. 167. Оп. 2. Ед. хр. 68; на оригинале письма рукой Киселева проставлены даты, списанные с почтового штемпеля. Теоретически, конечно, остается возможность, что эти маргиналии относятся к эпохе работы Киселева в РГБ, но это кажется куда менее вероятным.
- 62 *Лавров А. В.* Символисты и другие. С. 477–483, 498–515.

ПЕРЕПИСКА АНДРЕЯ БЕЛОГО И Н. П. КИСЕЛЕВА

Подготовка текста и примечания А. Л. Соболева (Москва)

1. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

1 апреля 1905 (?) Москва.

Многоуважаемый Николай Петрович, неожиданно мне приходится ехать по одному спешному делу¹. Ужасно сожалею. Весь Ваш Борис Бугаев.

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 2. Л. 1.

Записка, не прошедшая почту. Датируется по пометке получателя.

¹ Поездка Белого в апреле 1905 г. осталась нам неизвестной. Не исключено, впрочем, что речь здесь идет о неизвестной нам цеховой шутке (ср. также дату послания): так, среди писем Белого Петровскому сохранилась помеченная тем же 1 апреля 1905 г. открытка с изображением эльфа и летучей мыши, текстом «Ака-димикю <sic!> счастливого пути!», адресом «Духовная Академия. Студенту Алексею Сергеевичу Петровскому» и пометой получателя «от Б. Н. Бугаева. 1 апреля 1905» (см.: Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. 1902–1932 / Вступит. ст., сост. и подгот. текста Дж. Малмстада. М., 2007. С. 48). Характерно, что в написанном в этот же день письме Белого к Метнеру говорится лишь о невыполнимом желании его посетить: «Дорогой Эмилий Карлович, всей душой рвусь к Вам, но главное... истратил сразу, глупо все деньги на книги: сию без гроша в кармане. Вот основная причина» (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 44. Л. 4 об.).

Возможно, впрочем, датирующая маргиналия, имеющая вид «I–IV 1905» означает не «первое апреля», а «январь — апрель»; тогда сказанное выше теряет смысл.

2. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

Конец (до 25) апреля 1905. Москва.

Многоуважаемый Николай Петрович, не будете ли Вы добры прислать мне за билеты¹. У Вас были №№ 121–130 и еще № 102. Очень жду. С меня спрашивают. Весь Ваш

[Борис Николаевич Бугаев]

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 1. Л. 1.

Записка на визитной карточке (печатный текст в квадратных скобках). Хранится вместе с одним из упомянутых «билетов» в общем конверте, на котором адресатом сделана датирующая запись: «31 марта 1905». Дата, вероятнее всего, ошибочна: см. ответное письмо Киселева.

Сам «билет» (л. 2 той же единицы) представляет собой визитную карточку Белого, на обороте которой написано его рукой: «№ 121. 4ое мая. Среда. Ровно в 7¼ часов вечера. Остоженка. 1ый Зачатьевский пер. дом и кв. Шер».

Имеется в виду дом Василия Владимировича Шера (1883–1940), его сестер и его матери Веры Васильевны Шер (урожд. Марецкой) — один из важных центров московской общественной жизни (в частности, здесь квартировали В. Свендицкий и В. Эрн; здесь же позже было зарегистрировано Московское Религиозно-философское общество памяти В. Соловьева). Белый упоминает этот дом (не называя имени хозяев) в воспоминаниях: «Сформировывалось и Московское Религиозно-Философское Общество; устав еще не был написан; но уже происходили собрания в Зачатьевском переулке; на эти собрания бывало порой до двухсот человек; тут сидели священники, социалисты-революционеры, сектанты, эстеты, марксисты, студенты, доценты и нищиеанцы; я помню, как в жаркий денек, когда всюду в садах раскрывались белые гроздья сирени, я ехал в Зачатьевский переулок; и — думал: четыре лишь года назад, в это время как раз я писал о собраниях “мистиков” в первой, в “Московской Симфонии”; там описывалось, как сеть мистиков покрывала Москву и как мистики собирались в Зачатьевском переулке; но не было “сети” еще в эти дни; а теперь — “сеть” возникла; в Зачатьевском переулке (?) действительно “собирались”; и помнится: я подивился “Симфонии”; и казалось: я сам теперь, едуший в Первый Зачатьевский переулок, поехал по собственным строкам, как бы мне оформившим линию устремлений моих» (*Андрей Белый*. Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подг. А. В. Лавров. СПб., 2014. С. 133).

О семье Шеров прежде всего см.: *Вишняк М.* Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 28–29 («Это была зажиточная купеческого происхождения православная семья. Отец был потомком выходца из Голландии, мать, Вера Васильевна, урожденная Марецкая, была начитанной дамой-патронессой, интересовавшейся разными людьми и вопросами <...> etc).

¹ О каком событии идет речь, установить не удалось. Есть не слишком высокая вероятность, что имеется в виду благотворительный вечер в пользу А. Ф. Шмидт (урожд. Романовой), матери А. Н. Шмидт; ср. в письме Белого к Метнеру от 1 апреля 1905 г.: «На днях даем вечер в пользу ее старушки матери в одной частной квартире, думаем собрать около ста рублей» (РГБ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 4 об.).

3. Н. П. КИСЕЛЕВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ*

25 апреля 1905. Москва.

Многоуважаемый Борис Николаевич.

Я уже заходил несколько раз, чтобы отдать Вам деньги за билеты. Оставляю их теперь Вам: десять за десять, дороже я продать не мог. № 102 у Михаила Ивановича¹.

Чаю скорее Вас увидеть, или во вторник у С. Соловьева или в среду у Вас.
Весь Ваш Н. Киселев.

25/IV 5.

* РГБ. Ф. 25. Карт. 17. Ед. хр. 12. Л. 1.

Записка, не прошедшая почту. На обороте: Его Высокородию Борису Николаевичу Бугаеву.

¹ Михаил Иванович Сизов (1884–1956). То, что билет, предназначавшийся ему, остался в архиве Киселева (см. примечание к предыдущему письму) объяснимо: на рубеже апреля и мая он срочно уехал в Полтавскую губернию, откуда уже 6 мая прислал Киселеву длинное исповедальное письмо (РГБ. Ф. 128/III. Карт. 19. Ед. хр. 28. Л. 1–4 об.).

4. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ**5 мая 1907. Москва.*

5/V 7.

Дорогой и многоуважаемый Николай Петрович, есть до Вас серьезное дело. Приду к Вам от 5 до 6ти.

Уважающий Вас Б. Бугаев.

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 1. Л. 1.
Записка, не прошедшая почту.

5. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ**20 марта 1908. Москва.*

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Петрович, ужасно извиняюсь: сегодня у меня философское собрание; надо будет оппонировать; не могу пропустить. Референт просил быть¹.

Жду Вас, если Вам есть время <sic> в Субботу вечером 22 Марта.

Ради Бога, простите: мне было так радостно, что Вы хотите зайти: а вот не ловко перед референтом, если я пропущу.

Очень, очень жду Вас в субботу.

Остаюсь искренне преданный Вам

Борис Бугаев.

P. S. Мой поклон и уважение Вашей супруге².

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 5. Л. 1–2.
Конверт, не прошедший почту. Помета адресата карандашом: 20 марта 1908.

¹ Сведений о философском собрании в этот день не обнаружено; более того, этим же днем датировано письмо Белого к Блоку, где, в частности, говорилось:

«<...> вот уже четыре недели, как засел дома, нигде не бываю, никого не вижу: стал тяжел на подъем. И никому не писал. Много читаю, занимаюсь. Кроме того: пишу повесть. В общем чувствую себя недурно, когда один. В газетах не пишу. Надоели все газетчики, и вообще литературная атмосфера, из которой я не без усилия вырвался. Моя полемика в итоге отшатнула от меня решительно всех литераторов, так что я теперь совсем чужой всем. И я доволен» (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. М., 2001. С. 359).

² Киселева Кристина (Христина Лаврентьевна; урожд. Вестрем, в первом браке Кристенсен; 1872–1942).

6. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ**22 января 1910. Бобровка Тверской губ.*

Милый, милый Николай Петрович,

из моего далека¹ пишу Вам. Не знаю что, но хочу сказать Вам что-то близкое и светлое; вернее, нет слов: есть большая радость, хочется поделиться с Вами улыбкой.

Хотя мы с Вами и видимся мало, но память о Вас всегда со мной.
Вы мне стали близки очень — этим летом, когда я даже не знал, что Вы будете.

Не удивитесь моему письму: оно — от всей души.
Из моего далека хочу улыбаться всем близким; будет, будет!..
Ну всего светлого. Вашей супруге поклон.
Любящий и уважающий Вас

Борис Бугаев.

Бобровка. 22 января 10 года.

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 6. Л. 1–2.

Конверт. П. ш.: Оленино Тверской губ. (23.1.10); Москва (24.1.10).

¹ Белый уехал в Бобровку (имение Рачинских) около 10–12 января, вернулся в Москву в середине 20-х чисел (см.: *Андрей Белый*. Хронологическая канва жизни и творчества / Сост. А. В. Лавров // *Андрей Белый: Проблемы творчества*. М., 1988. С. 784).

7. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

30 мая 1910. Демьяново Московской губ.

Николаевская ж.д.
Станция «Клин».
Село Демьяново¹.
Имение Танеева. Дача № 3
Б. Н. Бугаев

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 6. Л. 4.

Помета адресата: 30.5.1910.

¹ Белый выехал в подмосковное Демьяново (где его мать снимала дачу) в середине мая; ср. в письме А. С. Петровского к Вяч. Иванову: «Б. Н. с матерью на даче. С А. Р. <Минцловой> он не виделся и уехал в день ее приезда в тяжелом состоянии» (Письмо от 23 мая 1910 г. // РГБ. Ф. 109. Карт. 32. Ед. хр. 98. Л. 2 об.). Очевидно, сообщение дачного адреса — реликт устного приглашения или призыв к возобновлению эпистолярных контактов.

8. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

1910. Москва.

Простите за посещение в неурочное время.

Многоуважаемый Николай Петрович,
Волей судьбы я в Москве. Приходите ко мне в 8–8½ часов. У меня читает
Л. Д. Семенов¹.
Буду ждать.
Весь Ваш Б. Бугаев.

- * РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 6. Л. 5. Единственное основание для датировки — положение письма в архивной папке.
- ¹ Об отношениях поэта Леонида Дмитриевича Семенова (1880–1917) и Белого см.: Лавров А. В. Леонид Семенов — корреспондент Андрея Белого // Лавров А. В. Символисты и другие. Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 426–446.

9. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

30 августа 1910. Москва.

Дорогой Николай Петрович,
я — в отчаянии; вчера пролежал весь день с дикой мигренью. Не мог подняться, ни — уведомить; оттого то не был. Жду, когда Вы назначите мне; нельзя мне только — завтра¹.

Весь Ваш Борис Бугаев.

- * РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 6. Л. 6
Помета получателя: 30 августа 1910. Приложен листок со стиховедческими графиками и надписями «Тютчев», причем рукой Киселева. Помета его же: 23.6.1910. «Автограф Андрея Белого».
- ¹ Вероятно, 31 августа было зарезервировано для встречи с Брюсовым; ср. в письме последнего от 27 августа:
«Если же вы предпочитаете приехать ко мне, то застанете меня дома в воскресенье вечером, между 7 и 9, или в понедельник и вторник утром, до 2 часов дня. Своим посещением меня, конечно, очень обрадуете. Вы догадываетесь, что я хочу говорить с вами о вашем сотрудничестве в “Русской мысли”» (Переписка <Брюсова> с Андреем Белым / Вступит. ст. и публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 85. М., 1976. С. 419).

10. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

6/19 декабря 1910. Палермо.

Милый Николай Петрович!

Привет! Вена — туманна. Венеция — жемчужина в туманном атласе. Неаполь — злой, пестрый арлекин в прекрасном наряде, курящий трубку (Везувий). Средиземное море — ласковое; Палермо — прекрасен, добродушен и бес-толков¹. Но солнце, море, апельсины, цветы — ласкают. Привет: все хорошо. Целую.

Борис Бугаев.

От Аси привет. Супруге Вашей привет. Всему привет!

- * РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 6. Л. 8. Открытка с видом Палермо. В левом верхнем углу рукою Белого: «С Вами!»
П.ш.: Palermo (19.12.10); Москва (12.12.10).
Адрес: Николаю Петровичу Киселеву. Пречистенский бульвар, д. 31 кв. 9. В редакцию книгоиздательства «Muscaget». Russie. Moscou.

- ¹ Белый более подробно описывал маршрут их с А. А. Тургеневой итальянского путешествия в письме к матери:

«Промелькнула быстро неприятная Вена, там — ночевали; осмотрели два готических старых собора (Св. Стефана и Peter-Kirche; утром рано уехали на Венецию; сразу за Веной начались дикие горы, как в Тироле: стало холодно, грозно, туманно; на одной станции вышли гулять; весь день тянулись горы; вечером очутились в Италии; стало тепло; а когда блеснуло по обеим сторонам поезда бирюзовое, освещенное луной сквозь туман Адриатическое море, то стало радостно; показались огни Венеции. Скоро мы закачались в гондоле; остановились в отеле “Виктория”; открыли окно и любовались долго картиной из окна; в Венеции пробыли сутки; осматривали Св. Марка, катались, а вечером уехали по направлению к Риму; ночью проехали Флоренцию, а утром замелькали дикие холмы Кампаньи; в девять часов приехали в Рим; не останавливаясь, поехали дальше к Неаполю. Лил дождь, пошли опять горы, покрытые оливками; и вот перед Неаполем замелькали апельсиновые рощи с золотыми, желтыми и зелеными апельсинами, показался Неаполь; в Неаполе пробыли всего два часа; успели поблуждать по улицам (чуть не заблудились); в Неаполе уже идет восточный стиль (дома с плоскими крышами, мавританского стиля постройки); заходящее солнце осветило поразительно пеструю картину; в 8 часов приехали на пароход “Гарибальди”; в 11 часов тронулись в море; прошел Везувий, покрытый тучами, вышли из залива; пароход стало покачивать; я безумно обрадовался морю; мы с Асей долго ходили по верхней палубе. Асе стало не совсем хорошо от моря; я же долго, долго стоял у носа парохода, около которого разбивались волны. От моря не страдал. Утром приехали в Палермо: место изумительное; море бирюзовое, тихое, нежное; город небольшой, кругом — апельсиновые рощи, кипарисы и поля кактусов; цветут громадные розы, жонкилы <разновидность нарциссов — А. С.> и прелестные цветы; на улицах пальмы» (Письмо от 4/17 декабря 1910 г. // «Люблю Тебя нежно...». Письма Андрея Белого к матери. 1899–1922 / Подгот. С. Д. Воронин. М., 2013. С. 112).

Подробнее см.: *Лавров А. В.* Андрей Белый — путешественник по Средиземноморью (новые материалы) // Лавров А. В. Символисты и другие. С. 477–483).

11. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

13/26 декабря 1910. Монреале.

Милый Николай Петрович!

Привет. Все хорошо. Вот вид Монреале, где мы теперь живем¹. Дико, грозно, странно, много арабского вокруг; но — хорошо. Все поясню... (а) веранда плоской крыши, где мы живем. (в) Монреальский собор² 12 века с лучшей мозаикой в мире; сплошь мозаичный.

Ну, Христос с Вами.

Любящий Б. Бугаев.

P.S. Вашей супруге привет.

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 6. Л. 9. Открытка с видом Монреале.

П.ш.: Монреале (23 или 26.12.10); Палермо (26 или 28.12.10); Москва (20.12.10).

Адрес: Москва. Николаю Петровичу Киселеву. Пречистенский бульвар. Д. 31. Кв. Киселева. Russia. Moscow. Москва.

Открытка с видом Палермо.
На обороте письмо Андрея Белого Н. П. Киселеву.
6/19 декабря 1910 г. Палермо. НИОР РГБ

- ¹ Монреале (Monreale) — деревня недалеко от Палермо (сейчас — пригород Палермо). Белый и А. А. Тургенева приехали туда в начале 20-х чисел декабря по новому стилю. 11/24 декабря Белый писал В. Брюсову: «Я — в Монреале, старом городке у подножия гор; здесь все дико; много мавританско-испанского. Мало итальянского» (Переписка <Брюсова> с Андреем Белым. С. 422). 12/25 декабря Белый отправил письмо Вяч. Иванову: «Пишу из Монреала, старого городка, где старинный собор 12 века совсем Византийский и полуразрушенный, бенедиктинский монастырь (см. на обороте). Я не один; я спокоен и счастлив. Тихо, уединенно, немного грозно». (Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова (1904–1920)/ Вступит. ст., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и Дж. Малмстада // Русская литература. 2015. № 2. С. 64). В тот же день было написано письмо к З. Гиппиус:

«Мы в Монреале, старом испанско-мавританском городке; из комнаты большая терраса; внизу — обрыв; там — апельсиновые рощи; вдаль — Палермо; еще дальше — синяя необъятность моря; над головами обрывистые горы, поросшие кактусами; я — счастлив; от счастья хочется протянуть руки; сказать: «Милые мои — не забывайте». Христос с Вами. Я — не один». (Лавров А. В. Андрей Белый. Разыскания и этюды. М., 2007. С. 410–411).

См. также письмо к матери от 18/31 декабря: «Люблю Тебя нежно...». Письма Андрея Белого к матери. С. 113–114.

- ² Буквы «а» и «в» Белый поставил на лицевой стороне отправленной открытки.

Открытка с видом Монреале. Пометы рукой Андрея Белого.
На обороте его письмо Н. П. Киселеву.
13/26 декабря 1910. Монреале. НИОР РГБ

**12. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Э. К. МЕТНЕРУ, А. С. ПЕТРОВСКОМУ,
Н. К. МЕТНЕРУ, Н. П. КИСЕЛЕВУ, М. И. СИЗОВУ,
Н. А. ПОЦЦО (ТУРГЕНЕВОЙ)***

25 декабря 1910/7 января 1911. Тунис.

7 января. 25 декабря.

Милый, родной Эмилий Карлович,
с новым годом! Желаю радости, счастья; сейчас сидим с Асей перед углями; камин рассказывает про то, что могло бы быть, да не вышло. Милый, верьте, — будет, будет, будет! Целую, жму руку.

Б. Бугаев.

Родной мой Алексей Сергеевич!

Да, камин говорит, рассказывает: сейчас были не в Тунисе, а с вами всеми, с «московским». Буду скоро писать, а сейчас, в этот день русского Рождества, хочется только сказать: с новым годом: и этот год будет решающим. Обнимаю

Б. Бугаев.

Дорогой Николай Карлович!

И Вас, Вас слышу: угли навеяли снежную бурю: где пламенный жар, там — и метель. Вы, метельный, как верю в Вас!

Обнимаю

Б. Бугаев.

Дорогой Николай Петрович!

С Новым Годом: близко, близко — все будет: если не здесь, то — «там»; что-то сейчас коснулось меня, что-то шепчет, успокаивает: не существует пространства; я ощущаю нашу общую связь. Христос с Вами, не забывайте: Вы, сейчас, хранитель того, *чего никогда не бывало, никогда не бывало*. Но оно — *будет!*

Б. Бугаев.

И ты, Миша, — не спроста: не унывай; испанский принц должен пройти пустыню¹: но за пустыней — земля обетованная. Пусть этот наступающий год — улыбнется наступающим счастьем, не счастьем мира, а того, что за миром. Мы — вместе. Обнимаю,

Б. Бугаев.

Милая Наталья Алексеевна²,

и Вы — Вы тоже: хочу просто взять Ваши руки, улыбнуться. Вы — сестра. Все хорошо. Ничего, что трудно; будет день, будет час, мы увидим, узнаем. Целую Вас. Христос с Вами

Б. Бугаев.

В «Московское»: *братьям и сестре*. Братьям прочесть в четверг. Сестре после четверга³.

Всем вместе.

Заповедь новая нам дана: пусть любим друг друга. Не старая заповедь, а новая: это Ее последнее слово. И Она — Она с нами⁴.

Б. Бугаев.

Ради Бога, будьте вместе! Ничего не должно распасться.

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 8. Л. 1–2 об.

На бланке «Hotel Eumon». Porte de France. Tunis. Адрес: Россия. Москва. Его Высокородию Николаю Петровичу Киселеву. Пречистенский бульвар. Д. 31. Кв. 9. В книгоиздательство «Мусагет». Russie. Moscou.

Конверт. П.ш.: Тунис (нрзб.); Москва (3.1.11).

¹ Этот образ (прямым источником которого, если он и существовал, нам неизвестен) не случаен: Сизов в своих историософских построениях регулярно проводит русско-испанские параллели. Ср. в письме к Белому от 13 января 1911 г.:

«А я сегодня понял, почему мне так интересно, дорого и близко заманчиво испанское!: это единственный, какой мы пока имеем, синтез Запада и Востока. Запада вполне сознательного, горячего и ясного и Востока вполне сильного, но достаточно культурного, какими были мавры. Этот синтез, м<ожет> б<ыть>, в пустяках (?) — в песне, в чертах быта, но принципиальное значение его от этого не меньше. Поэтому я думаю, я прав, если утверждаю, что “испанское” не пустяк для России, именно для России, для нее это проблема будущего, но в более серьезной, грандиозной, значительной и трудной постановке. “Русский обыватель и испанцы”, — вовсе не пустая и не комическая тема» и т. д. (цит. по: *Лавров А. В.* Символисты и другие. С. 466).

² Поццо Наталья Алексеевна (урожд.: Тургенева; 1886–1942) — старшая сестра А. А. Тургеневой; жена юриста Александра Михайловича Поццо (1882–1941); предмет (в будущем) кратковременной мучительной страсти Белого, художница, антропософка (о роли ее в движении см., напр.: *Жемчужникова Н. М.* Воспоминания о московском антропософском обществе (1917–1923) / Публ. Дж. Мальмстада // *Минувшее. Исторический альманах.* Т. 6. М., 1992 (ук.); здесь же ссылка на две ее публикации: Ответ Н. А. Бердяеву по поводу антропософии (Путь. 1930. № 25) и: *Turgenieff-Pozzo N. A.* Zwölf Jahre Arbeit am Goetheanum. 1913–1925. Dornach, 1942). Важные подробности о роли ее в жизни Белого содержатся в его письме к М. Я. Сиверс 1916 г. (см.: *Спивак М. Л.* Андрей Белый — Рудольф Штейнер — Мария Сиверс // *Литературное обозрение.* 1995. № 4/5. С. 59–64). См. также прим. 1 к письму 25.

³ В оговорке по поводу четверга чудится соответствие с богослужебными практиками Мережковских (главный день в домашней церкви которых падал именно на четверг), но большинству адресатов письма этот обычай неизвестен или безразличен. Ср., кстати, в письме к Блоку от 1/14 мая 1912 г.: «Четверги же для меня звучат *по-особенному*. С 1910 года (не могу сказать, почему). И потом четверг наиболее благодатный день — *день сафира* и планеты Юпитера» (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. С. 455; для Блока, хорошо посвященного в тайны дома Мережковских, как раз было понятно, «почему»; «сафир» — сапфир).

⁴ Подразумевается А. Р. Минцлова и ее прощальное письмо (см. письмо 21 и примечания к нему).

13. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

13/26 января 1911. Максула-Радес. Тунис.

Милый, близкий Николай Петрович, пишу Вам с чувством некоторого беспокойства. Как? Все ли благополучно. Хотел бы от Вас иметь хотя бы несколько слов...

Как находите Вы сейчас «*Musaget*»? <?> Друзья мне о «*Musagete*» не пишут ничего ровно. А хотелось бы знать Ваше мнение.

Бердяев мне пишет, что он очень ценит знакомство с Вами¹. Как находите Вы Бердяева? Как Вы и что Москва?

Пишу все вопросами. О себе же скажу только, что все хорошо, ясно и радостно. Внутренне нет никаких туч, но есть внешние сложности.

Сейчас мы живем в арабской деревне под Тунисом². С арабами хорошо и просто. Местность очаровательная; ничего подозрительного нет. В арабах нет ничего монгольского; они благородны, самостоятельны, почтенны; нигде я не видал столько почтенных старцев, как в Тунисе. Дом, где мы живем, совершенно чист от всяких вибраций; чувствуешь себя в известном смысле безопаснее, чем в Москве — о, насколько безопаснее: никакой напряженности, никаких психических, чуждых волн.

В Монреале было совсем не так: очень светлое чередовалось с очень темным.

Милый Николай Петрович, прошу Вас, по получению письма, напомните Кожебаткину, что у меня денег нет уже давно, телеграммы не посылаю (дорого), и что денег жду переводом по телеграфу³. Мой адрес. Afrique. Tunisie. Maxulla-Radès (près de Tunis). A Madame Rebeyrol, buraliste⁴ de Radès. Мне.

Христос с Вами. Очень люблю и помню. Желая Вам Нового года. 1911 год — решающий. Остаюсь любящий Вас

Б. Бугаев.

P. S. Вашей супруге привет.

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 7. Л. 1–2 об.

Конверт. П.ш.: Maxulla-Radès (26.1.11); Москва (20.1.11); (21.1.11).

Адрес: Россия. Москва. Его Высокородию Николаю Петровичу Киселеву. Пречистенский бульвар. Д. 31. Russie. Moscou.

¹ Н. А. Бердяев писал Белому 26 декабря 1910 г.: «Очень для меня ценно знакомство с Н. П. Киселевым. Благодарю Вас, что Вы устроили это знакомство» (*Бойчук А. Г. Н. А. Бердяев. Письма Андрею Белому // De visu. 1993. № 2. С. 18.*)

² Белый описывал особенности местной топографии в письме к Блоку от 2/15 января 1911 г.: «Живу в арабской деревушке, ослепительно белой, ослепительно чистой с плоскокрышными, высокими, похожими на башню трехэтажными домиками, с рядом снежно-белых, каменных куполов, прекрасным минаретом, рядом гробниц (Марабу), осененных пальмами, оливками и фиговыми деревьями. Мы живем с Асей в настоящем, арабском доме, одни, занимаем 3 этажа с крохотными, затейливыми, очаровательными комнатками, то сплошь состоящих <sic> из чудесных окон, то без окон вовсе; у нас — изразцовые полы, простенки, крутая лесенка и громадный, прямо на полу лежащий восточный диван; в комнатах курим арабские благовония.

Кругом арабы: хозяйка наша — единственная француженка во всем селе (Радесе); в 1/2 версте, за горой село *Maxulla*, где устроены виллы французов; в Радесе же ничего европейского нет» (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. С. 384).

На сегодняшний день населенный пункт называется Radès, а Maxula (так) осталась только в названии учреждений.

³ Вопреки сказанному, 4 января (н. с.) Белый отправил А. М. Кожебаткину энергичную телеграмму: «Vite vite trios cents» (Быстро быстро триста — *фр.*) — «Кожебак!.. Да ведь это хуже, чем гусак!!!». Письма Андрея Белого к А. М. Кожебаткину / Предисл., публ. и коммент. Дж. Мальмстада // Лица. Биографический альманах. Т. 10. СПб., 2004. С. 155. Там же приведены многочисленные письма, записки и открытки угнетенного нерегулярным поступлением финансов Белого к А. М. Кожебаткину, исполнявшему должность казначея «Мусагета».

⁴ Содержательница табачной лавки (*фр.*).

14. Н. П. КИСЕЛЕВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ*

21 января / 3 февраля 1911. Москва.

Москва, 21.I / 3.II 1911.

Дорогой, любимый Борис Николаевич!

Счастья, счастья желаю Вам прежде всего — оттого не писал до сих пор, что боялся прикосновением смутить Ваше счастье, которое чувствую — минуты счастья кристаллизуются в душе как и минуты страдания, и те и другие кристаллы драгоценны — всегда боюсь помешать. От Вас получил две открытки, официальное письмо и сейчас письмо ко мне; из последнего, а также от друзей и близких узнал что Вы все-таки всегда пребываете во Москве некоторую частью своей души.

Я рад, что Вы пришли к тому взгляду на арабов, которого я давно придерживался: они благородны, они арийцы в этом смысле; и не только они, но и некоторые другие семитические народы: ассирийцы, египтяне и евреи (?) в древности; теперь же только арабы. Тут мне кажется является внешним очень верным критерием благородство архитектурного стиля: припомните ассирийские и арабские в Испании дворцы, и сооружения в Египте. (Игорь Грабарь продолжает «Историю русского искусства»¹: это важнейшее культурное дело 1910 года: оказалось — да, неожиданно оказалось, что и в старой Руси была *благороднейшая* архитектура). Выше (?) при евреях: их архитектура бедна. В духовном же смысле семиты наши отцы; и имена «Халдея» и «Египет» в известном отношении стали нарицательными. Может быть, в том и трагизм еврейства, что это предок, не пожелавший или не могший умереть — как умерли его братья ассирийцы и египтяне (и арабы, как *целое*) — и являющийся носителем устаревшей, атавистической традиции. Вот последние данные *филологии* (на основании сирийских апокрифов): хранители гроба Адама (райского камня, Грааля) были: *Сим* (семиты; хамиты — монголы; иафетиды — мы) — Мельхиседек — какое то отношение трех волхвов — Иосиф из Аримафеи; от Иосифа традиция переходит к иафетидам; евреи *не сумели отказаться* в пользу потомков (то же мнение в «Трудах съезда спиритуалистов»²).

Еще об арабах: величайшей мудрости и красоты «Книга тысячи ночей и одной ночи», которую я сейчас (уже с осени) читаю. Ей делают упреки в однообразии, низменном эротизме и т.п., но все это пустяки: надо только читать, читать в полном переводе и тогда находятся страницы и десятки страниц, с которыми немногие произведения могут сравниться.

Еще — и последнее — об арабах: ведь Вы теперь в стране ясновидящих по профессии (под влиянием мага ребенок, смотрящий в лужицу чернил, видит и описывает людей в любом месте находящихся³: многие свидетельства путешественников и оккультистов), кажется, этот интересный опыт вполне невинен; при удобном случае я его проделал бы.

Теперь о Москве. Все тихо и спокойно. В «Мусагете» готовятся несколько книг, скоро выйдут⁴. Кружок ритмистов разбежался после Рождества, но кажется опять собирается⁵. Какие книги, не пишу, скоро Вы их получите. Кое-что готовлю и я⁶. В. М. Викентьев, египтолог, предложил собрание древне-египетских сказок⁷, Брюсов — биографию К. Агриппы⁸; оба предложения приняты. Степун опоздает с «Люциндой» Шлегеля, вероятно до осени — жаль, прекрасная книга⁹. В сущности, о «Мусагете» нечего сказать: все сидят и работают. Эллис меньше безобразничает. Его «Stigmata» выйдут прежде всего¹⁰.

С. О. Гессен перед отъездом в Фрейбург читал реферат «Проблема чужого я»¹¹; я окончательно убедился, что никогда ничего в философии не пойму. Впечатление же такое, что гносеологи только узурпируют чужие области — религии, мистики, науки и т. д. и, внося в них свой метод, лишают их всякого содержания и обеспложивают — хотя и утверждают противоположное. На мой взгляд (но простите снисходительно мой дилетантизм) весь спор имел такой вид, что одни утверждали $2 \times 2 = 3$ (идеалисты), а другие $2 \times 2 = 5$; при этом из последних одна часть говорила: $2 \times 2 = 4 + 1$ (риккертанцы), а другие: $2 \times 2 = 6 - 1$ (когенианцы). Я признал бы возможность даже такого спора в плоскости чистой математики — и всякого другого, как угодно по видимости нелепого, но в научной плоскости — здесь же все время говорилось о вопросах, которые (я говорю это как ученик Яна Амоса Коменского¹²) только интуитивно могут быть решены. Еще раз простите за дилетантство.

Бердяев мне очень нравится, будет мне очень полезен при изучении истории оккультизма, и вообще интересен и хорош; но в нем пока есть что-то что мешает быть с ним откровенным. Во всяком случае буду видаться с ним.

Г. А. Рачинский в Риге, но все позволяет думать что скоро поправится¹³. Как-нибудь пойду к П. И. Астрову¹⁴.

Господь храни вас обоих. Обнимаю Вас; Асе шлю привет. Китти тоже шлет приветствия и пожелания всего лучшего.

Всегда Вас любящий Н. Киселев.

РГБ. Ф. 25. Карт. 17. Ед. хр. 12. Л. 2–4 об.

Конверт утрачен. На бланке книгоиздательства «Мусагет»; к печатному адресу: «Пречистенский бульвар, д. 31, кв. 9» приписано рукой Киселева: «моя кв. 10».

- ¹ Задуманная монументальной «История русского искусства» И. Э. Грабаря, выпускавшаяся издательством И. Кнебеля, успела воплотиться лишь в пяти томах (Т. 1–4, 6; М., 1910–1913). Первые четыре тома были посвящены архитектуре.
- ² Имеется в виду статья П. Чистякова «Бессмертие по традициям азиатских розенкрейцеров», напечатанная в «Трудах съезда спиритуалистов»; см.: Труды Первого Всероссийского съезда спиритуалистов и лиц, интересующихся вопросами психизма и медиумизма в Москве с 20 по 27 октября 1906 года. М., 1907. С. 98.
- ³ См., напр., подробное изложение этого метода ясновидения: *Randolph P. B. Seership! The magnetic mirror*. Toledo, Ohio, 1875. P. 11–12.
- ⁴ В начале 1911 года в «Мусагете» планировалось одновременно выпустить три книги; ср. в письме А. С. Петровского к Белому от 18 января 1911 г.: «В “Мусагете” все благополучно, хотя довольно медленно. На днях должны выйти одновременно “Арабески”, “Стигматы” и книга Э<милия> К<арловича>» (Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. 1902–1932. С. 132; подразумеваются книги Белого, Эллиса и «Модернизм и музыка» Метнера). В действительности «Стигматы» вышли в феврале 1911 г., «Арабески» в марте того же года, а «Модернизм и музыка» (под псевдонимом Вольфинг) только следующим летом.
- ⁵ Имеется в виду «ритмический кружок» — стиховедческий семинар, организованный Белым в апреле 1910 г. См.: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* О стиховедческом наследии Андрея Белого // Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам, XII (Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 515). Тарту, 1981. С. 101–106. Ср., кстати, в письме одного из участников: «<...> после Вашего отъезда туго и малоллюдно собирался кружок раза два, а там подошли и святки. <...> Но вот прошли праздники, а из ритмистов никто в “Мусагете” и не побывал. Наконец, на днях получил я от Сидорова письмо, в котором он просит разрешения собраться в понедельник 17-го января, в “Мусагете” для совещания по ряду *очень важных* дел кружка. <...> Ближайшее собрание назначено на следующий понедельник, и на нем мы начнем свою работу над паузными формами. Доклад сделает Дурьлин — Шенрок в качестве официального оппонента <...>» (Письмо В. Ф. Ахрамовича к Белому от 17 января 1911 г. // РГБ. Ф. 25. Карт. 8. Ед. хр. 19. Л. 1, 1 об., 3 об.).
- ⁶ Вероятно, речь идет о подготовке тома материалов из семейного архива Киселева; ср. в письме А. С. Петровского Белому от 31 марта 1911 г.: «Киселев готовит том “Архива Киселевых” с неизданными стихами Языкова, рисунками Пушкина и всяческой перепиской, сдает на Фоминой» (Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. С. 180; книга напечатана не была). Не исключено, впрочем, что имеется в виду подготовка Киселевым двухтомной книги «Провансальские лирики XII и XIII веков», объявленной в издательских планах, но в свет не вышедшей (ср. в письме Киселева к Метнеру от 19 июня 1910 г.: «“Провансальские” лирики” быстро продвигаются вперед и размер книги очень значительный» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 18. Л. 2 об.) или сборника Стендаля «О любви» (ср. в письме Метнера к Белому от 11 января 1911 г.: «<...> даже Киселев не приготовил обещанного тома о провансальцах и так же медлит с переводом *О любви* Стендаля» — РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7. Л. 1 об.).
- ⁷ Викентьев Владимир Михайлович (1882–1960), египтолог, близко стоявший к некоторым из сотрудников «Мусагета». Упомянутая книга издана не была.
- ⁸ Этот план воплотился в изд.: *Орсье Ж.* Агриппа Неттесгеймский, знаменитый авантюрист XVI в. / Пер. Б. Рунт, под ред. В. Брюсова. М., 1913.
- ⁹ В каталогах «Мусагета» была объявлена печатающейся книга: Шлегель Ф. Люцинда. С приложением писем Шлейермахера / Пер. и вступит. ст. Ф. А. Степуна. В письме

- к Э. К. Метнеру от 3 августа 1910 г. переводчик, в частности, подтверждал срок сдачи работы: «Люцинду, как говорили, привезу к январю готовую в манускрипте» (*Степун Ф.* Письма. М., 2013. С. 79). Судя по смете расходов издательства, работа переводчика была полностью оплачена (РГБ. Ф. 167. Карт. 17. Ед. хр. 20. Л. 1). В свет книга не вышла.
- ¹⁰ Книга стихов Элліса «Stigmata» была выпущена в середине февраля (см.: Книжная летопись Главного Управления по делам печати. 1911. № 8. 26 февраля. С. 29).
- ¹¹ Гессен Сергей Иосифович (Осипович; 1887–1950). 14 января 1911 г. он читал в кружке у М. К. Морозовой доклад «Проблема чужого я в связи с проблемами солипсизма и данности»; ср. подробный отзыв М. И. Сизова в письме к Белому от 13–15 января 1911 г.: «Реферат мне очень понравился, как и другим. Он производит впечатление найденного пути. Эм. Карл. думает, что сам Гессен этого не понимает и смотрит на него более узко. А у меня к Гессену после этого реферата прямо нежность. Было и что-то непередаваемое. В Гессене обнаружилось в этот приезд его что-то общее с Алекс. Серг. Я Гессену сказал, что буду тебе писать о реферате, он просил написать подробнее и передать тебе его горячий привет» (РГБ. Ф. 25. Карт. 22. Ед. хр. 26. Л. 91 об.). Ср. отзыв М. К. Морозовой из письма к Е. Н. Трубецкому от 26 января 1911 г.: «Собрание с Гессеном было интересно <...>». — Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., подгот. текста В. И. Кейдана. М., 1997. С. 327; ср. противоположный отзыв: «<...> случайно встретившись на реферате Гессена у М. К. Морозовой (скучнейшая история) <...>». — Письмо В. Ф. Ахрамовича к Андрею Белому от 17 января 1911 г. // РГБ. Ф. 25. Карт. 8. Ед. хр. 19. Л. 1 об.–2. Ср. отзыв Сизова в письме к Г. А. Рачинскому от 24 января: «Недавно у Марг. Кир. в философском кружке читал реферат Гессен. Ваше председательское место занимал “умный Шпег”. С Гессеном поцарапался А. И. Огнев. Интересно говорил Фохт. Самый реферат, на мой взгляд, очень интересен, хотя не везде достаточно отчеканен. Тема: проблема чужого “я” в связи с проблемами солипсизма и данности» (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2891. Л. 1 об.–2).
- ¹² Чрезвычайно любопытная автохарактеристика Киселева как ученика знаменитого чешского просветителя Ян-Амоса Коменского (1592–1671), кажется, не найдет развития, за исключением, может быть, внимания, уделенного ему в статье: *Киселев Н. П.* О московском книгопечатании XVII века // Книга. Исследования и материалы. Сборник II. М., 1960. С. 169 и след. В 1910-е годы Киселев состоял членом берлинского общества Я.-А. Коменского (см. циркуляры общества 1913-го года, отложившиеся в его архиве: РГБ. Ф. 128/III. Карт. 18. Ед. хр. 32).
- ¹³ В январе 1911 г. Г. А. Рачинский (давно и близко знакомый с Киселевым; ср. инскрипт: «Другу и брату Николаю Петровичу Киселеву от сердечно его любящего Григ. Рачинского. 27/XII 10»). — РГБ. Ф. 128/III. Карт. 19. Ед. хр. 7. Л. 3) переживал тяжелый период жизни: «Рачинский в плохом состоянии. Запой, кот<орого> не было уже 3 года. В то же время раскаяние, угнетенное состояние, стремление к монашеству» (Письмо В. К. Шварсалон к Вяч. Иванову. 11 января 1911 года (п.ш.) // РГБ. Ф. 109. Карт. 37. Ед. хр. 4. Л. 32). Для излечения он был отправлен в Ригу в клинику нервных болезней Э. Э. Соколовского; ср.: «Есть в Москве одна новость не из приятных: Григ<орий> Алекс<еевич> опять болен, хотя и не так сильно, как неск<олько> лет назад, однако его пришлось везти в Ригу. С ним поехал Алекс<ей> Серг<еевич> Петровский». Из Риги он хотел заехать в Петербург» (Письмо М. И. Сизова к Белому от 13 января 1911 г. — *Лавров А. В.* Символисты и другие. С. 465); ср. в письме А. С. Петровского к Белому от 18 января: «У нас тут несколько расхворался Гр<игорий> Ал<ексеевич> и даже принужден был ехать лечиться в Ригу. Тревожиться за него особенно не надо: перевозбужденность на почве неврастения, но далеко не такая сильная, как в прошлый раз, четыре года тому назад, нервные дерганья и т. д. Все же грустно. Я проводил его и на обратном пути заезжал в Петербург, навестил Вяч<еслава> Ив<ановича> Иванова» (Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. С. 131–132).

- ¹⁴ Астров Павел Иванович (1866–1919) — юрист и публицист; оба корреспондента были в 1904–1907 гг. посетителями его кружка; в середине 1900-х Киселев помогал ему с небольшой полусекретарской работой. Ср. попутную, но выразительную характеристику: «Вообще популяризация идет во всю: один из аргонавтов (правда нищенский: Астров) будет возвещать принципы религиозной-общественности <sic> с столбцов “Русских Ведомостей” (?!!)» (Письмо Белого к Метнеру от 1 апреля 1905 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 44. Л. 4 об.).

15. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

14/27 марта 1911. Каир.

Милый, милый Николай Петрович!

Очень вдруг захотелось сказать Вам несколько слов: приближается август. Мы должны весной встретиться. Мы должны вместе провести хотя бы один день. Что будет, не знаю. Судя по отрывкам во Французской прессе в России — смутно, чревато событиями. Более трех месяцев не читал я русских газет. Ничего не знаю. Здесь же спокойно, пошло, мертво, т. е. пошло везде, где европейская цивилизация наложила руку на Африку; там же, где нет Европы, безобидно, чисто, свободно, *но ничем не чревато*. Отсюда мне кажется, что узлы мировых событий — в России. Еще и еще, и еще говорю всему: *да!* Буду в Москве вероятно в первой половине мая. Непременно должны встретиться!

Мы ждем денег, чтобы плыть в Иерусалим. В Иерусалиме пробудем с неделю; недели две отдохнем в Греции. А там — в Россию. Приедем в Луцк. В Луцке проживу несколько дней, чтобы потом на неделю, на две приехать в Москву. Лето провожу в Луцке; в августе, конечно, буду в Москве¹. В августе следует нам быть вместе.

Милый, как странно: мы с Вами все время сменяем друг друга. Помните прошлую весну и лето. Тогда были Вы. Осенью — я. Зимой опять Вы.

Что сказать о Каире. Каир безобразен, грязен, гадок. И Каир — прекрасен. Нил, сады Булака², окрестности — восторг; сам же Каир <-> пыжащийся быть цивилизованным турка да миллионщик англичанин, дерущий за все огромный процент; процентом обложены сами пальмы. Впечатление от здешних англичан как и от здешних «арабов» (!) самое гнусное; арабы — ничего арабского в них нет; они растворились в феллахх и турках. Насколько сохранилась арабская культура на севере Африки, настолько провалилась она в Египте. Каир — центр африканской деморализации; и Каир — центр цивилизации. Здесь даже есть у арабов свой египетский университет; египетские студенты кричат о свободе и равенстве; в прошлом году они освистали Рузвельта, обратившегося к ним с речью³. Это ли — не «прогресс»? И однако «гаже» цивилизованного египтянина трудно себе представить. Университет — и на 1000 четыре грамотных! В Каире и под Каиром «декадентские» пейзажи; Каир неуютен; самая здесь природа грозна, сердита, печальна; и вместе с тем чисто тропическая роскошь.

Но самое неприятное здесь — блохи; они прыгают всюду по улицам; стоит пройтись по Каиру, как домой с собой приносишь с десятков блох. Мы с Асей

воюем с блохами немилосердно; и с надеждой ждем денег, чтобы бежать из Египта. Насколько в Тунисе хочется жить, настолько удовлетворяешься беглым обзором Каира. Ну прощайте. Христос с Вами. Остаюсь крепко любящий Вас Борис Бугаев.

P. S. От Аси привет.

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 7. Л. 4–5 об.

Конверт. П.ш.: Cairo (27.3.11); Москва (25.3.11). Помета получателя: Получено 26/III.1911. Адрес: Russie. Moscou. Россия. Москва. Е. В. Николаю Петровичу Киселеву. Пречистенский бульвар. Дом 31. Кв. 9. В книгоиздательство «Мусагет».

¹ Этот план подвергся некоторым корректировкам: 10 апреля (н. с.) Белый и А. А. Тургенева прибыли в Иерусалим, во второй половине апреля через Грецию перебрались в Константинополь, 5 мая (н. с.) были в Одессе, где расстались: А. А. Тургенева поехала в Боголюбы, близ Луцка Волынской губернии, где служил Владимир Константинович Кампиони, отчим сестер Тургеневых, а Белый один в Москву — и вернулся в Боголюбы только десять дней спустя.

² Булак — гавань Каира. Ср.: «<...> вилочки, виллы, кусточки, сады; вот — садищи; вот — пальмы; предместье Каира, Булак <...>» (*Андрей Белый*. Египет // Московский альманах. Вып. 1. М., 1922. С. 123).

³ Имеется в виду нашумевшее выступление («Law and Order in Egypt») экс-президента США Теодора Рузвельта (1858–1919) перед студентами каирского университета 28 марта 1910 г.; прозвучавшие в нем предложения «заслужить свободу» были встречены аудиторией с негодованием; см.: *Reid D. M. Cairo University and the making of modern Egypt*. Cambridge. 1990, P. 42–43; *Tyrrell I. Crisis of the wasteful nation*. Chicago, 2015. P. 318 (библиография вопроса).

16. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

Около 8/21 апреля 1911. Иерусалим.

Хорошо, светло — радостно: несказанно. Цветы и камни — вот Палестина. Иерусалим продолжается в Иудейские горы; это не горы, несложные стены Грядущего Града: так это ясно, что только слепцы не увидят. Будет, будет! Глядя на горы понял Кабаллу <sic>. Легко дышится; отдыхаем от Казней Египта. Храм Гроба Господня... — я им ошеломлен (пишу о чисто внешнем впечатлении): вовсе не то, что можно думать. Все живо там. Напряжение страшное. У гроба — монах католик и монах православный (рядом): церкви соединились, соединены неразрывно фактом (храмом).

Здесь проживем. Здесь все говорит. Здесь точно дома...

Пасху встретим здесь¹.

Христос Воскресе! Ура России!²

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 9. Л. 1.

Открытка с видом Иерусалима. П.ш.: Иерусалим (нрзб.); Москва (14.4.11?).

¹ Православная Пасха в 1911 году приходилась на 10 апреля.

- ² Ср. в написанном несколькими днями позже письме к А. М. Кожебаткину: «Возвращаюсь в десять раз более русским; пятимесячное отношение с европейцами, этими ходячими палачами жизни, обозлило меня *очень*: мы, слава Богу, русские — *не Европа*: надо свое неевропейство высоко держать, как знамя, а у нас в Москве, а частности в “*Мусагете*”, “*Европа*” все более устанавливается на ходули: европейничать для меня сейчас помимо всего просто... быть провинциальным модником» («Кожебак!.. Да ведь это хуже, чем гусак!!!»). Письма Андрея Белого к А. М. Кожебаткину. С. 164–165).

17. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

29 ноября 1911. Москва.

Дорогой Николай Петрович,

я упустил из виду ряд мелких, но в виду отъезда неизбежных дел, вследствие чего решительно не могу быть у Вас сегодня¹. Да и думаю: что Вы в своих решениях могли бы обойтись без меня, ибо думаю, что буду с Вами *во всем согласен* (о Кожебаткине², журнале и т. д.)³. Дело в том, что сегодня утром надо было работать, так что уложиться и сделать необх<одимые> покупки могу только сейчас.

Привет собравшимся.

Остаюсь искренне преданный

Борис Бугаев.

P. S. Передайте Алеше⁴, чтобы он последил, что предпримет Кожебаткин для моей 2-ой лекции; допустить, чтобы он ее похерил, я не могу, а он, кажется, похерит ее⁵.

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 9. Л. 2 - 3.

Конверт, не прошедший почту. Помета адресата: 29/XI 1911.

- ¹ Имеется в виду отъезд в имение Рачинских «Бобровка» (Тверская губ.), запланированный на следующий день; еще 20 ноября Белый просил о гостеприимстве А. А. Рачинскую: «Помимо моего желания видеть Вас и милую Бобровку, мне надо работать (срочно), а мы неожиданно в ноябре очутились в Москве (холода выгнали нас с дачи), совершенно растерялись в городском гаме, так что я не могу работать в Москве» (цит. по прим. Л. К. Долгополова: *Андрей Белый*. Петербург. М., 1981. С. 690; ср. в письме к Блоку: «Я 30-го на 10 дней уезжаю». — Письмо от 26 ноября 1911 г. // Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. С. 431). Одним из неотложных дел, на которые ссылается Белый, было возвращение Блоку части долга; ср. записку на купоне отправленного в этот день почтового перевода: «Дорогой Саша! Посылаю Тебе 35 рублей. Итого буду должен тебе 465 рублей» (Там же. С. 432).
- ² Речь идет о назревавшем отстранении Кожебаткина от должности секретаря «Мусагета»; в письме к Метнеру от 5 декабря Белый подтверждал решительность: «Я уже с прошлой весны ужаснулся деятельности Кожебаткина, сначала тоном, какой он задает “Мусагету”, когда нас нет (тон непереносный), потом его не всегда чистыми интригами, наконец полной бездеятельностью, наконец сознанием, что в журнале он был бы невозможный секретарь» (цит. по: «Кожебак!.. Да ведь это хуже, чем гусак!!!»). С. 130–131).
- ³ Вероятно, имеется в виду редакционное собрание «Мусагета» (сохранились протоколы двух — 23 сентября и 14 ноября 1911 г.; РГБ. Ф. 167. Карт. 17. Ед. хр. 29).

⁴ А. С. Петровский.

⁵ Вероятно, имеется в виду публикация — отдельным изданием или в будущих «Трудах и днях» — одной из лекций Белого, но подробности этого проекта нам неизвестны. Если справедливо это предположение, то «1-й лекцией» должна считаться брошюра «Трагедия творчества» (М., 1911), основанная на одноименном докладе и вышедшая в середине ноября 1911 г. Не с этим ли сюжетом связано письмо В. Ф. Ахрамовича к Белому от 13 июля неизвестного (1911?) года: «На вопрос Ваш: думает ли “Мусажет” издавать брошюры, я мог Вам ответить, конечно, только обратившись к Эмилию Карловичу. Он мне сказал:

— Напрасно Борис Николаевич нервничает. Напишите ему, что конечно думает... Успокойте его!» (РГБ. Ф. 25. Карт. 8. Ед. хр. 19. Л. 7 об.). Другой вариант — что Белый возвращается к проекту устройства «Мусажетом» двух лекций, первая из которых («Страна бреда и ужаса. Египет») была прочитана 5 ноября 1911 г., а вторая — о Толстом — намеченная на конец ноября, так и не состоялась (см. письмо к А. С. Петровскому от конца ноября 1911 г. и комментарии к нему (Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. С. 199–200).

18. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

7/20 апреля 1912. Брюссель

Дорогой Николай Петрович!

Христос Воскресе! Все эти дни собирался Вам писать, но после болезни, как это ни странно, накопились дела.

Тяжелую Святую Неделю провели мы с Асей¹: болезнь, почти сорок градусов жара 4 дня, полная беспомощность при отсутствии прислуги. Одно время я уже почти решил, чтоб нас перевезли в больницу; там по крайней мере был бы уход. Но всего страннее, что у нас с Асей был всего только... грипп.

Здесь тихо и хорошо: спокойно и бездумно. Я страшно рад, что уехал. Дни текут нормально, и никакие огорчения не сваливаются на голову. Только вот Москва: кажется, я в Москву *не вернусь*: довольно с меня химер и душных сплетен.

Пишу в таком горьком тоне, потому что — что с Эмилием Карловичем? Он мне прислал нервное, почти крикливое письмо на 20 больших листов, полное укоризн и химер. Все письмо наполнено упреками за первый номер журнала, какими-то фантастическими ужасами перед моей *якобы* дружбой с Кожебаткиным, каким-то сыском моего поведения и сообщениями *града бабьих сплетен*, из которых каждая вырастает почти в химеру².

Я оскорблен, обижен, ничего не понимаю, за сплетни не ответственен, с Кожебаткиным *не дружу*, с Мусажетом *не разрывал* и т. д. и т. д.

Но, милый, наемкните ему, что только моя сдержанность заставила меня ему ответить *корректно*. И чтобы он осторожнее писал впредь. И так уже после критики моего поведения с Журналом *я отказываюсь принимать какое-либо активное отношение* к Журналу. Собирать статьи, думать и потом выслушивать укоризны. Кроме того: во мне крепнет после таких писем, как последнее письмо Метнера, — у меня крепнет намерение *вовсе не вернуться в Москву*, не прикладывать моих рук к Мусажету дабы не быть объектом нареканий, сетований, сплетен, химер...

Как это печально, что из Москвы не уедешь, что, где бы Ты ни был, Тебе вдогонку летят гадости...

Милый Николай Петрович. Желаю Вам всего лучшего, жду от Вас объяснения, что такое в Москве? Ничего не понимаю.

Остаюсь искренне любящий Вас Борис Бугаев.

Мой адрес: Belgique. Bruxelles. Place S-te Gudule 25³.

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 11. Л. 1–2 об.
Конверт. П.ш.: Брюссель (20.4.12); Москва (11.4.12).
Помета адресата: «Получено 11/IV 1912».

¹ Святая неделя — восемь дней, включающие пасхальное воскресенье и следующую неделю. В 1912 г. Пасха приходилась на 25 марта / 7 апреля; Белый заболел около 9-го апреля (н. с.); ср. в письме матери: «Пишу коротко, потому что больны чуть-чуть» («Люблю Тебя нежно...»). Письма Андрея Белого к матери. С. 146); ср. в письме Блоку от 4/17 апреля: «<...> свалились с Асей в 40-градусном жару: у нас сделались сильнейшие бронхиты. И вот еще 8 беспомощных дней: только теперь выкарабкиваемся из болезни» (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. С. 447). Ср. в письме к Метнеру от 9/22 апреля 1912 г. (дата — по п. ш.): «Только что я перенес грипп ужасающей формы: всю святую неделю мы с Асей были больны; жар в 40° стоял 4 дня; теперь от болезни ослабел и из экономии сил, нужных мне для романа, не хочу себя обесценивать, отвечая на все незаслуженные резкости Вашего письма, ибо вижу в нем расстроенные нервы, химеры: только этим объясняю себе то особое удовольствие, с которым Вы обрушиваете на мою голову ушат неправдоподобных сплетен» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 57. Л. 1).

² Это же послание Белый упоминает в письме к М. К. Морозовой, написанном около 28 августа / 10 сентября 1912 г.: «Тотчас после нашего отъезда Э. К. Метнер, точно в насмешку над моим желанием убежать из Москвы для работы, прислал письмо мне, которое я рассматривал просто как личное оскорбление» (Андрей Белый. «Ваш рыцарь». Письма к М. К. Морозовой. 1901–1928 / Предисл., публ. и примеч. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада. М., 2006. С. 196–197). Текст его не разыскан; Белый подробно отвечает на него в коллективном послании от 21–24 апреля / 4–7 мая 1912 г. (см. письмо 19); см. также прим. 3 к нему, где цитируется письмо Метнера к Вяч. Иванову, во многом, кажется, тождественное по содержанию утраченному.

³ См. об этой квартире в воспоминаниях: «Там скоро нашли помещение, с окнами, выходящими на собор St. Gudule; черносерые стены собора бросали свои черносерые тени нам в комнату; в окна глядели химеры, свисая от кровли собора» (Андрей Белый. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 738).

19. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ, Э. К. МЕТНЕРУ, А. С. ПЕТРОВСКОМУ, М. И. СИЗОВУ*

21–24 апреля / 4–7 мая 1912. Брюссель, Кельн.

Друзья мои,

Николай Петрович, Эмилий Карлович, Алексей Сергеевич и Михаил Иванович!

Считаю письмо это, обращенное к Вам коллективно, наиболее удобным и кратким ответом на коллективное обвинение меня в неверности «*Мусагету*» и данному слову. Недели три тому назад я получил письмо от Э. К. Метнера

полное обвинений разнообразного порядка¹; мне ставилось в вину небрежное редактирование «Трудов и Дней», ставилось в вину мое примирение с Кожебаткиным, ставилась в вину продажа романа Некрасову, ставилось в вину халатное отношение к продаже Кавк <азского> имения², ставилось в вину мое охлаждение к *Мусагету*, ставилась в вину моя будто бы измена Мусагету и сближение с Домом Песни³, ставились, наконец, на вид распускаемые Брюсовым сплетни о моей будто бы ссоре с Э. К. Метнером. Ставились в вину разнообразные и друг с другом несвязанные погрешности. Письмо меня удивило тем более, что накануне отъезда и в день отъезда мы встретились с Э. К. Метнером, как друзья, и я уехал за границу с самым пламенным стремлением работать в «*Трудах и Днях*», уехал с самым пламенным чувством к *Мусагету*, ко всем Вам, друзья мои, в частности к Э. К. Метнеру.

Признаюсь, письмо Э. К. Метнера меня ошеломило: впечатление от него было таково — вот человек *во что бы то ни стало* добивается моего охлаждения к нему, к *Мусагету*, к «*Трудам и Дням*»: вообще к общему делу, и для этого он передает мне сплетни, которым верит: сплетни эти: мое охлаждение к *Мусагету*, небрежность к *Трудам и Дням*, ссора с ним. Т. е. лучшие мои чувства к общему делу были *несправедливо заподозрены; несправедливо я был облит ушатом вонючих сплетен*; человеческое мое достоинство оскорблено. Подозрениями об моем холодном отношении <sic> к общему делу добились лишь естественного моего охлаждения. Ибо *общее дело* не совместимо со сплетнями.

Эмилию Карловичу Метнеру ответил я обстоятельно⁴, но из письма Н. П. Киселева узнал, что Э. К. письма моего *не получал*⁵ и стало быть мой ответ на все пункты письма надо писать вторично т.е. вторично бросить *два рабочих* дня для того, чтобы с головой уйти в слякотное перечисление мелочных фактов и мелочных опровержений. Отвечать вторично я отказываюсь: неисправность почты не от меня зависит. Ася свидетельница, это письмо я послал (содержание оно ей прочел) и у меня имеется расписка от почты (письмо отправлено заказным).

Беспокоясь о мотивах, побудивших Э. К. Метнера резко меня обвинять, я спросил Н. П. Киселева, в чем дело. Н. П. Киселев прислал мне письмо, полное дружеских чувств, за которое я ему глубоко благодарен⁶. Но в этом письме и он *вменяет* мне два [обвинительных поступка] обвинения. (а) продажу романа Некрасову⁷. (в) Мой крутой поворот к Кожебаткину, который по словам Н. П. Киселева, утверждает, что будто я был у него и *у него ему говорил следующее*: «Двум людям, *недовольным «Мусагетом», незачем быть в ссоре между собою*».

В пропавшем письме Э. К. Метнеру я с достаточной резкостью сказал, что ничего подобного не было⁸.

Но услышав эту же *ложь* во второй раз от Н. П. Киселева, я вынужден по этому поводу сказать Вам несколько принципиальных слов.

Предварительно скажу о романе и Кожебаткине.

1. Кожебаткин. В виду моего холодного отношения к нему с момента отъезда в 1910 году до нынешнего времени, я в бытность мою в Москве в 1911–

12 году никаких разговоров с ним не имел, да и вообще кроме «*Мусагета*» почти нигде с ним не встречался; я позволил себе в течение 1912 и 11 года несколько резкостей по адресу Кожебаткина, вследствие чего *кроме* недовольства им, как секретарем, между нами была явная неприязнь⁹. Я обижался на него за его халатное отношение к письмам, он — за несколько резкостей по его адресу. Эта *ссора* личного характера *никакого* касания не имеет к делам редакции. Мой отъезд из Москвы (вследствие того, что билеты были разобраны и после 16-го марта не было возможности выбраться из Москвы¹⁰) — был неожиданно поспешен для меня. А за несколько дней перед тем Кожебаткин уехал в Петербург; я дал ему несколько писем, поручений по делам «*Трудов и Дней*» к Блоку, Вячеславу, Недоброво; кроме того у меня было дело к Евгению Ляцкому¹¹; наконец он должен был привести с собой несколько статей. Зная, что он возвращается утром 14-го марта (или 13 или 12 не помню), будучи около (в канцелярии губернатора¹²) и имея дело к Ахрамовичу, я зашел и к Кожебаткину *единственно*, чтобы получить статьи и узнать о Петербургских сотрудниках и Евг. Ляцком, ибо время у меня все было разобрано предостъездными хлопотами, и я мог просто не встретиться с Кожебаткиным; дома его не застал, ибо он *не вернулся из Петербурга*, но жена его Ж. Е.¹³ упросила меня посидеть; я посидел с женой Кожебаткина из любезности минут пять (мы с Асей были не любезны с Кожебаткиными, не ответили на визит и т. д.): жена Кожебаткина говорила, что печально, что между мной и ее мужем какие-то неприятности; и я сказал, что лично я эти неприятности позабыл (действительно: лично я просто перестал на него сердиться — но какое до этого дело «*Мусагету*», раз я против Кожебаткина как секретаря?). Помню, что я сказал, что вероятно мы уже с Кожебаткиным не увидимся, и что у меня кроме желания узнать *новости из Петербурга* есть к нему дело о «*Путевых Заметках*»¹⁴. Жена Кожебаткина сказала: «Шура приедет завтра утром и днем будет у Вас». Я же сказал, что завтрашний день я весь в бегах. Тогда я вспомнил, что у меня на другой день первое и последнее свидание с Некрасовым, который остановился рядом с Тверской. Я и сказал, что проездом на Тверскую я на минуту заеду к Кожебаткину переговорить о делах. Что и сделал, но Кожебаткин еще *не вернулся, так что я не говорил с ним у него на дому*.

На другой день случайно встретившись с вернувшимся Кожебаткиным в «*Мусагете*», я имел 5 минутную беседу, состоявшую из следующего: Кожебаткин утрированно-дружественно и с чарующей улыбкой на лице мне сказал, что он рад, что старые недоразумения кончены, и что мы прощаемся в мире. Я не противоречил и *даже сказал*, что *давно* хотел ликвидировать все наши личные недовольства друг другом, как основанные *на не стоящих внимания мелочах*; может быть у меня были *очень добрые* нотки, но мной руководило лишь хорошее чувство, ибо я как бы прощался с ним, зная, что к возвращению моему в Москву уже его не будет в *Мусагете*, ибо голос мой, заявляю всем Вам, **против него как секретаря**. Прошу заявлением этим пользоваться в возможных заседаниях с голосованием.

Вот и все о пресловутой дружбе моей с Кожебаткиным. Все прочее есть вздор и сплетни. То обстоятельство, что ~~ф~~¹⁵ друзья и братья верят сплетням, а не моему заявлению в верности показывает, что более, чем Мусagetская связь между нами существует на словах, не на деле: братья верят сплетням; брату остается, как не пользующемуся доверием и оскорбленному сказать: я выхожу из коллектива, сохраняя хорошие и добрые чувства к каждому, но сохраняя свободу действий. Пока из Москвы поступают лишь сплетни и подозрения, я заявляю Вам, друзья мои, — связи в главном у меня с вами нет. И не удивитесь <sic>, если я за свой страх и ответственность ищу правды: в церкви ли, в Штейнере ли, в теософии — это Вас не касается. Вы мне не верите — я уйду из нашего коллектива.

2) О романе. Н. П. Киселев указывает на то, что я дал формальное обещание 1) Метнеру 2) Иванову роман сохранить до 1913 года. Вам, друзья мои, я должен напомнить об обстоятельствах дела с романом¹⁶.

С осени 1911 года во всех разговорах с Струве и Брюсовым главным пунктом моих требований к «Русс<кой> Мысли» было получение единовременной тысячи рублей в момент представления рукописи. И я знал, что делал: я знал, что во второй половине года нам с женой необходимо быть в Брюсселе, необходимы мне и ей платья и прочее, обычные траты на несколько сот рублей (перечислять статьи этих трат считаю невозможным); далее: я рассчитывал помимо 1000 «Русс<кой> Мысли» зарабатывать хоть что-либо, рассчитывал, что из той же «Р. М.» буду получать за «Египет»¹⁷, рассчитывал, что «Путевые Заметки»¹⁸ уже будут напечатаны, рассчитывал пристроиться попрочнее в «Речи»¹⁹. Повторяю: план нашей жизни был строго рассчитан. И расчет этот был построен по необходимому нам *minimum*'у. Только таким образом необходимость мне спокойно работать со спокойным отдыхом обеспечивалась, как обеспечивалось спокойствие работы моей жены, в будущность [которой] этой работы я всегда верил и после слышанных мной от Данса (ее учителя) слов верю, как никогда²⁰.

Только поэтому я взял на себя непосильное и изнуряющее бремя: в 3 месяца я написал столько, что в Петербурге все писатели [ахали] удивлялись, как мог я столько сделать. И вот к январю, к началу моего инцидента с Р.М., я был совершенно болен. Провал многих надежд устроиться материально выносила лишь надежда на получение 1000 рублей. С обманом «Русской Мысли», падало все: моя работа, работа жены, отдых и т. д. Только нежной поддержке со стороны В. И. Иванова обязан я, что перенес спокойно эти дни в Петербурге²¹. От Эмилия Карловича Метнера получил я письмо из-за границы следующего содержания: если не устроится с «Русс<кой> Мыслью», то «Мусaget» предложит мне а) переиздать *Голубя* б) издать роман «Петербург» в) перевести оный на немецкий язык и издать в Германию <sic>, что за все это я получу столько же, сколько обещала мне «Русская Мысль». Я ответил с глубокою благодарностью. Но в письме Э. К. Метнера тогда же стояли слова: «Если сумеете устроить роман, устраивайте»²².

Далее: насколько я понимаю список издаваемых нами книг, издание *романов* все же отклонение *по моему* от нашей программы, ибо я предпочел бы «Голубю» в «Мусагете» *второй том Беме*²³. Так понимал я, и пользуясь 1) *carte blanche* 2) невозможными экономическими условиями, я завел переговоры с Евг. Ляцким, союзом писателей, с «Шиповником»²⁴.

Вот каково было мое поведение в первые дни после обмана «Русской Мысли».

Одновременно с этим 1) я получаю письмо из Москвы, что М. К. Морозова хочет мне помочь, и что «Путь» может быть даст мне 1000; я, конечно, очень сконфузился, но после сообразил, что «Пути» я могу предложить монографию; но уже тогда я думал, что речь идет о единовременной 1000, ибо только в единовременном получении у меня была гарантия устроиться, т. е. думал я мне «Путь» поможет на *основании договора* с «Русской Мыслью», где главным пунктом обсуждения, была *единовременность* получения²⁵.

Одновременно В. И. Иванов звонится <sic> к Аничкову и говорит ему, что журнал, который Аничков ему предлагал в 1910–11 году, необходим²⁶, что роман мой *Standpunkt*²⁷ журнала, и что мне *сейчас же* нужна 1000. Аничков ответил, что поговорит с издателем, что журнал вероятен, но не сейчас, а сейчас он лично бы дал мне *тысячу*, чтоб задержать роман, но что у него свободных денег нет.

Я тогда задерживаю срок разговора с «Шиповником». И мы с Вячеславом ждем Аничкова.

Восьмичасовой разговор с Аничковым, Ивановым и мной привел к следующему: образуется журнал, члены редакции коего Аничков, Метнер, Иванов, я и Блок, что издателя надо сперва заинтересовать, и 2–3 книжки журнала нужно выпустить собственными силами, что Петербург мог бы собрать паями тысяч 8, и что тысяч 8 должна была бы собрать Москва, ибо для 4 хорошо поставленных книжек толстого журнала нужно 16 тысяч.

Достанет ли Москва 8 тысяч — вот вопрос, который мне ставят Аничков и Вячеслав; я отвечаю, это зависит от многих причин: сольются ли «Труды и Дни» (пай 2 тысячи) с журналом, захотят ли некоторые лица (называю имена) вложить недостающие 3 пая и говорю, что Э. К. Метнер ответит на это с большим основанием. Собрание решает: без разговора с Э. К. Метнером все приостанавливается. Я спрашиваю, как же мне быть, ибо завтра мне *нужны* деньги (несколько сот), ждать я не могу. Отвечают: не давайте *решительного* согласия до разговора с Э. К. Метнером. По поводу «Тр<удов> и Дней» и журнала телеграммой вызываем Э. К. Метнера²⁸.

Сущность разговора (Метнер, Иванов, я) — такова: Э. К. Метнер не обещает определенно, что Москва даст нужные деньги для возникновения журнала, но что он попытается зондировать почву; окончательный ответ он даст потом. Тогда В. И. Иванов (который знал степень необходимости для меня иметь деньги) по личному почину предлагает Э. К. вопрос: «Что делать Андрею Белому с его [журналом] романом? А. Белый обещается сохранить роман для журнала, но А. Белому необходимы деньги. Может ли Э. К. Метнер, как Редактор

Мусажета, гарантировать Белому возможность ждать?» Э. К. Метнер обещает, а в личной беседе со мной говорит о месячном жалованье. Я не навязываясь *Мусажету*, с глубокой благодарностью принимаю предложения Э. К. Метнера, полагая, что месячное жалованье + 1000 «Пути» которую понимаю как единовременный аванс *вполне* меня обеспечивает. И даю формальное обещание *ждать* «Петербургского Вестника»²⁹, ибо я столь же заинтересован в появлении моего романа *в этом журнале, как и В. И. Иванов, как равноправный сочлен редакции оного: хранить роман для журнала представляет для меня одинаковый интерес*, как и для Иванова, даже бóльший, ибо В. И. Иванов есть лишь доброжелатель романа, а я — его автор и одновременно член Редакции.

На основании этого соглашения я *рву* переговоры с тремя издательствами т. е. лишаюсь возможности немедленно пристроить роман (ибо обещаемая поддержка в то время для меня еще журавль в небе, а денег в кармане уже нет: и *синица* в руки необходима).

Так мы и порешили: я не без страха [за будущее] думаю о судьбе нашей поездки, которой срок уже прошел. С этими чувствами приезжаю в Москву: встречаюсь с Рачинским; Рачинский *первый* сообщивший мне о желании «Пути» (еще когда Э. К. Метнер был за границей) со мною об этом *ни слова*: и я не знаю, как мне быть: словам письма я доверился, а теперь подтверждений этих слов нет, мне же первому заговорить неловко. Наконец перемогаю себя, заговариваю: Г. А. Рачинский держит передо мной многочасовую речь о том, что «Путь» не располагает суммами, что «Путь» желает мне помочь (Боже мой, до чего я чувствую благодарность «Пути», но... *суть то вся* заключалась для меня *в единовременной тысяче*) и в течение 6 месяцев выплачивает мне 1000 рублей т.е. по 150 рублей в месяц. Я очень поблагодарил и конечно *из благодарности к «Пути» и весьма понятному чувству деликатности* не стал спорить: но я бы мог сказать вот что: «Милые мои друзья! Я очень ценю Вас и глубоко Вам предан, но... я должен существовать: существовать литературой в Москве мне нельзя, ибо в Москве нет ни журналов, ни широкой литературной среды. Мне остается покинуть Москву и переехать в Петербург, где благодаря моим литературным связям я мог бы зарабатывать до 300 рублей в месяц; стоит мне переехать в Петербург, и я бы мог с благодарностью отклонить поддержку «Пути», ибо мой труд оплачивался бы вдвое дороже»... А на 150 рублей в месяц я жить не могу, не могу уехать за границу на основании тех же суждений, какие лежали в основе переговоров в «Р. М.» т. е. все дело было в единовременной 1000, которую я работой, чорт возьми, заслужил, ибо 15 печ^атных листов «Романа» + 15 печ^атных листов «Путевых заметок» при нормальной расценке труда = минимум 4000 т. е. году с лишком свободы и независимости. Вместо единовременной тысячи я должен был получить 1/5 ее то есть этого не хватило бы даже на первые дни за границей по причинам, которые я могу изложить тому или другому из Вас *конфиденциально*, но не могу возвестить *urbi et orbi*, ибо у меня все же есть самолюбие³⁰.

Итак с обещанной 1000 «Пути» я потерпел фиаско. А второе фиаско меня ожидало вот в чем: «Мусажет» остался без денег³¹, следовательно на поддерж-

ку «*Мусагета*» я, как задолжавший, и не мог рассчитывать: о плане издания *обеих частей «Голубя»*³², т. е. о своем предложении из за границы, Э. К. Метнер не произнес ни слова (и эта возможность получить аванс отступала в неопределенность). Кроме того: Э. К. Метнер мне решительно сказал, что денег на «*Петербургский Вестник*» Москва не даст, да и я видел, что Москве абсолютно этот «*Вестник*» не нужен, не интересен, как неинтересно, может быть, и то, что я пишу (я же вижу полное равнодушие к себе, как к писателю со стороны ряда близких — равнодушия не заявляемого, но проявляющегося в тысячах мелочах <sic>).

Заявление Э. К. Метнера о том, что в Москве для журнала денег нет = полному краху «*Петербургского Вестника*», которому я дал обещание сохранить роман при условии поддержки. После этого заявления я оказался совершенно свободным по отношению к формальному обещанию: формальное обещание имеет силу пред чем-либо или хотя бы пред тенью чего-либо — пред тем что может быть: без поддержки из Москвы журнал *быть не может*, и формальное обещание мое стало обещанием перед *Grand Néant*³³. Об этом я скорбел 1) как член Редакции нерожденного журнала 2) как подведенный невольной, ибо оставалось *вновь* ехать в Петербург, *вновь* в полной неопределенности начинать сношения с [журналами] редакциями (об этом Э. К. Метнер не подумал — вообще о реальных трудностях, когда они касаются не нас лично, даже друзья думают *слишком поверхностно и отвлеченно*). Хорошо Э. К. Метнеру, имеющему прекрасный кабинет, часы досуга и внешние удобства и кроме того *ответственного романа не пишущего*, отвлеченно исчислять бюджет не студента, а писателя с женой, их жизнью и потребностями бюджет, не принимая в соображение реальных не вполне отчетливо видимых фактов. Словом ему ничего не стоило сказать мне: не будет журнал (*Петербургский Вестник*) и он даже не подумал, что это *значит для меня*, для которого факт существования журнала есть факт свободы.

Легкость, с которой он это сказал, не соблаговоллив выяснить, что *мне* теперь делать с разоряющим меня *пустым* обещанием, привела меня к мысли *спасти свою свободу* от невозможного для меня в то время бюджета в 150 рублей; и я махнул рукой и на обещание Метнера обеспечить меня для журнала, и на свое (сохранить рукопись), ибо хранил бы я ее — для кого?

Теперь *Мусагет* ропщет на то, что я отдал роман, который де был бы украшением «*Мусагету*». Помилуй Бог, какая честь! *Украшением* роман стал лишь тогда, когда произвел он успех среди петербургских литераторов, заявивших интерес хотя бы тем, что они старались познакомиться с его содержанием. За 6 месячную жизнь в *Москве никто из друзей* даже не пытался поинтересоваться, над чем я работаю. Писатель же всегда пишет для *кого-нибудь*. У меня было впечатление, что роман мой, если и интересен кому-либо, то только не мусагетцам, не *Мусагету*. Отсюда мое авторское самолюбие и породило некоторую сдержанность: поймите же — навязывать обе части «*Голубя*» *Мусагету* я не хотел. Сообщая мне о невозможности достать денег для «*Петербур-*

бургского» *Вестника*», Э. К. Метнер не повторил своего предложения издать обе части, а я из чувства деликатности промолчал. И далее: *жить на 150 рублей в месяц я не мог*, одновременно получаемая тысяча пролетела. И никто, никто даже не понял, в какое положение я поставлен. Мне оставалось или *для возможности* окончить роман скорей продать его, или переехать в Петербург и там приискать себе работу.

На основании всего сказанного а) с романом я чувствовал себя свободно всегда на основании *неоднократных заявлений* Редактора *Мусагета*, что я могу пристроить мой роман на стороне. И необходимости его предупредить не было (об этом ниже) б) попытка Э. К. Метнера достать деньги для «*Петербургского Вестника*» или *не была предпринята*, или *не увенчалась успехом*. Во всяком случае: помню его слова: «Денег достать не откуда». И этим формальное обещание мое себе, как члену Редакции и В. И. Иванову само собой *падало*. Обвинения Н. П. Киселева вполне основательны при предположении, что он не знаком с тем, в каком смысле я давал обещание, да и мысль о сохранении романа для журнала принадлежит *мне* с Вячеславом задолго до того, как Э. К. Метнер приехал в Петербург. И потому сторона всего этого дела не та, какой она выглядит из письма Н. П. Киселева.

Теперь, обвиняя меня, Э. К. Метнер какими-то экивоками указывает на реакционность издательства Некрасова: а смысл этого экивока таков: поссорившись с *кадетами* и в пику Струве я пристраиваюсь к правым. В этом освещении личность моя выглядит довольно гнусно: прошу Ал. Сер. Петровского, Н. П. Киселева, М. И. Сизова высказать мнение: похоже ли все это на меня? Сколько я знаю, Некрасов *кадет*³⁴ т.е. помимо возмущающей меня инсинуации в авантюризме тут фактическая неправда (если б я был авантюрист я получил бы 15 тысяч, не сидел на шее у *Мусагета*, и не выслушивал бы попреки в авантюризме).

Как брат и член того же коллектива я спрашиваю Э. К. Метнера: серьезно ли это нареkanie? Если он действительно думает, как написал, наше участие в общем деле — возможно ли?

Дорогие друзья!

Обрываю это письмо, ибо спешим на «*Гибель Богов*». Вагнеровские торжества — единственная роскошь, которую мы позволяем себе, ибо не услышать «*Тристана*», «*Валькирию*», «*Гибель Богов*» с барейтскими исполнителями нельзя³⁵. И вот я ловлю себя на том несоответствии между *строим души* нашей брюссельской жизни, тишиной и какими-то счастливыми знаками, нами слышимыми — с той душной атмосферой, которую вызывают московские письма. По-видимому в Москве что-то есть нездоровое, отравляющее атмосферу. Обрываю письмо, чтоб потом продолжить...

Извиняюсь за бессвязную форму изложения: дело в том, что пишу все это уже во второй раз, ибо по *воле небес* письмо к Э. К. Метнеру пропало. Не за-

ставляйте же меня 3 раз писать все о том же. 3 таких письма = рабочей недели по нервной затрате сил.

Мое свиданье с Некрасовым, после которого до последнего времени все можно было еще изменить ибо окончательного решения пока не было, состоялось перед самым отъездом. Говорить о свидании этом до факта свидания, не хотелось: ибо я даже не думал, что из этого что-либо выйдет. Последние дни мы с Э. К. Метнером не видались, все по той же причине — предотъездной беготни и Masse личных дел (у меня и Аси). Перед отъездом я говорил с Э. К. о разговоре с Некрасовым, и в его лице *не встретил* ни возмущенья, ни решительного настоянья — чтобы я *подумал*. Так что факт его *глубокой обиженности* для меня полный сюрприз. И я сетую: надо было мне в лицо сказать свое мнение; тогда не было бы все этой путаницы. Тогда я бы мог *еще* из за границы что-либо переменить.

Вообще церемониться друг с другом в разговорах с глазу на глаз, чтоб потом осыпать упреками в письмах — этой системы я не понимаю. Она-то и порождает химеры. Отчего Э. К. Метнер не обрушился на меня при прощанье, не выдвинул мне своих оснований; отчего он это сделал в письменной форме. Разговор — имеет начало и конец: недомолвки, даже ссора в личной беседе — открытая гроза. А за всякой грозой — очищение атмосферы. Письменные пререкания — только копят неразразившееся электричество, сеют недоверие между близкими и плодят химеры.

Друзья мои, если Вы считаете себя друзьями, не подавайте повод мне думать, что Вы ищите со мною разрыва. Мое отношение к *Мусагету* и ко всем Вам таково же каков был наш вечер накануне моего отъезда (когда Э. К., М. И. и А. С.³⁶ собрались у меня), а не таково, как рисует *какой-то враль со стороны*. Это ясно: и довольно этого заявления. Подозрения, требования показать *паспорт*, кроме того, что оскорбительно, раздражает. Даже мирно настроенный гражданин после полицейского обыска, становится оппозиционно настроенным. А обыск, совершаемый при помощи сплетен, оскорбителен сугубо.

Неужели это не понятно? Неужели не понятно, что реакция на подозрение в добром чувстве, только одна: охлаждение этого чувства. И в свою очередь после письма Метнера мнительность моя выросла. Это — естественно. Мое отношение хотя бы к «*Трудам и Дням*»: тщетно просил я А. С. Петровского, М. И. Сизова высказать свое мнение о 1-ом номере, тщетно просил Рачинского; тщетно в 4 письмах к Ахрамовичу просил дать реальные сведения о том, какова судьба 2 номера, когда он выходит, какие статьи поступили в Редакцию, написал ли В. И. Иванов статьи, тщетно спрашивал, почему не поступает ко мне в гранках материал 2 номера³⁷.

Гробовое молчание, да несправедливейший разнос первого номера со стороны *соредактора*, который мог видеть в гранках допущенные мной оплошности и вовремя их исправить, а не *сваливать* на сочлена по выходе номера все погрешности³⁸. Естественно, что *гробовое молчание* на мои письма и просьбы

объяснялись мной по своему. И вывод: уже *две недели* как я не предпринимаю никаких шагов к 3 номеру: не пишу в Петербург, ибо у меня *пропала охота быть критикуемым и только критикуемым всякий раз, когда я что-либо активно сделаю в Мусажете*. Не выходить из *Мусажета* я собираюсь, не бросать *Труды и Дни*: я жду, чтоб распалась та психически создававшаяся атмосфера после письма Э. К. Метнера, что *интриган, ведущий в Мусажете политику, добивается чего-то, нарушающего мусажетский status quo*.

Думать о *Мусажете*, болеть *Мусажетом*, редактировать журнал т.е. отвлекаться постоянно от своего личного дела мне становится неодолимо трудным. Друзья мои — чего мне надо? Мне надо — свободы и покоя. *Журнала, редакции* не надо мне. Все это надо, когда есть *общее дело*, когда это *долг*. Самое ужасное для меня теперь слышать, когда мне говорят, что *Мусажет* главным образом для меня. Поймите — мне ничего не надо, кроме тишины и душевной уравновешенности, которой наносит удары всегда — Москва, Москва и Москва. Разве Вы не видели, что после летнего недоразумения с Э. К. Метнером³⁹ я всю зиму только и старался быть дальше от той *клоаки сплетен*, которая образовалась где-то *вблизи от Мусажета*. Я уезжал в деревню, в Петербург, и в *Москве почти не был*.

И злая ирония и тут связывает меня с какими то *мелкими интригами*. Как же не сказать мне: «*Je m'en fiche*»⁴⁰.

Здесь, в Брюсселе, я едва пришел в себя, а меня опять вдогонку, точно нарочно, доканали *мерзостями*.

Друзья мои: если я в *Мусажете*, так это потому, что я с Вами, потому что знаю — что за *Мусажетом* стоит нечто *большее*. И вот я поколеблен *теперь*: если верят интригам, если *какие то мы* <sic> поворачиваются против меня и *забывают, что в 1909 году* было время, когда мне было предложено собрать близких *нашему*, и что из всех я только про себя сказал: «Вот — они». И эти они — Вы, друзья мои. Если все это было, то *значит*, что я Вас люблю, Вам верю, и надеюсь, что чувство это — не *политика*, не Редакция, не *Мусажет*, не *Труды и Дни*. Редакция, журнал, издательство без сквозящего, вечного неизменного за всем — ерунда: и кой черт мне *Мусажет*, если наши отношения могут быть поколеблены *какой-либо злободневной пылью*. Если же злободневная пыль колеблет отношения эти, что я вижу из письма Метнера, из некоторых строк письма Н. П. — если Вы думаете, что я способен интриговать с интриганом и т. д. — я проникаюсь равнодушием к *нашему делу издательскому*, как к сосуду скудельному из которого выдохся дух. И далее: я беру мой посох — и прощайте друзья; Вы меня не увидите вместе: встречайте, ищите *тот свет*, который меня переполнил *когда-то*, которому я не изменил (ибо и ныне ишу и буду искать без Вас — все того же Главного как искал и без Вас до 1909 года).

Все зависит не от меня, а от Вас: корень зла — в Вашей недоверии, а не в моей душе. От Вас будет зависеть, пойдём ли мы и впредь одною дорогой или разойдемся, потому что Вы *напали на меня, а не я на Вас*. Свалок, драк, скандалов и безобразий я не хочу — и их не будет.

При получении впредь чего-либо, оскорбляющего меня, я буду просто *не отвечать: замолчу. Это — мое последнее разъяснение.*

Ибо я не Эллис, и все пререкания отзываются неделями мигреней, нероботоспособностью, а работоспособность моя сейчас — мой насущный хлеб.

Не лишайте же меня моего единственного богатства: внутренней деятельности, и или не пишите мне вовсе, или подумайте как иные неосторожные слова отзываются *больно* в душе.

Привет и мир Вам.

Борис Бугаев.

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 10. Л. 4–12 об.
Конверт. П.ш.: Кельн (7.5.12); Москва (26.4.12).

Письмо было начато не позднее 4 мая, поскольку в этот день в опере «La Monnaie» давали «Гибель богов»; посещение спектакля заставило прервать работу над текстом (см. прим. 33 к этому письму); отправлено оно было, судя по штампу на конверте, три дня спустя.

¹ См. прим. 2 к письму 18. Перечисленные далее пункты обвинений подробно комментируются ниже, при ответах Белого на них.

² См. прим. 8 к письму 24.

³ «Дом песни» — организованный в 1908 г. французским писателем П. д'Альгеймом и его женой певицей М. А. Олениной-д'Альгейм концертно-лекционный центр, в деятельности которого Белый принимал живое участие. Обертонь обиды Метнера становятся понятны из его письма к Вяч. Иванову от 3 апреля 1912 г.:

«Бугаев *продал* роман и *помирился* с Кожебаткиным. Т. е. совершил двойное предательство. Ибо продал (вопреки слову, Вам данному, и несмотря на то, что мы с Рачинским устроили ему большой аванс в *Пути*) консервативному Некрасову всего за 2000 р. (я предлагал ему 1400–1500) с авансом в 400 р., т. е. продал мимо Мусажета, кот<орый> напечатал его тяжелые и убыточные книги, продал не в большое книгоиздательство, а в такое же, как Мусажет. Примирение с Кожебаткиным (упорное искательство этого примирения во имя того, что оба они, видите ли, имеют основание быть недовольными Мусажетом) положительно ничем не объяснимо или же морально очень скверно для Бугаева. Сам же он заварил кашу, требовал от меня удаления Кожебаткина от должности секретаря, а когда я, внимая его просьбе и желая восстановить мир в редакции, нарушаемый истерическими реакциями Бугаева на хамоватый деспотизм Кожебаткина, решил соединить это секретарское *coup d'état* с намеченной мной ревизией мусажетских дел (через комиссию: мой отец, Рачинский, Киселев) и направить все дело в парламентское русло во избежание личных, слишком личных осложнений и оттенков, — Бугаев не вовремя, не дождавшись конца им самим затеянного дела, сбегал за границу (это еще извинительно, т. к. ему в Москве негде было жить и работать) и перед отъездом подложил грандиозную свинью мне, помирившись с Кожебаткиным и даже заключив с ним теснейшую дружбу на почве «общего недовольства Мусажетом».

Я не стану <излагать> подробно всех обстоятельств, сопровождавших эти шаги Бугаева, как он целую неделю перед отъездом (которую я провел в городе) избегал меня, не советовался со мною об этих шагах, как он мне о них смущенно рассказал только на вокзале, и многого другого. Скажу только, что в результате в литер<атурных> кругах Москвы говорят о разрыве Бугаева со мною и об уходе Бугаева из Мусажета. Брюсов <зло>радствует. Кожебаткин в моем отсутствии <гово>

рит о том, что все улажено и все <текст поврежден> по-прежнему. Все страшно смущены происшедшим. И в *Мусагете*, и в *Пути*. Многие небезосновательно подозревают, что Бугаев действовал по наущению Петра Ивановича д'Альгейма (ярого врага Метнеров и Мусагета), под влияние которого он вновь подпал благодаря Асе. Избегнуть продажи романа Бугаев мог бы, если уж ему нужны были деньги сверх того, что он получил из Пути (1000 р. авансом ежемесячными взносами по 200 р.), заложив имение; но тут он не проявил того же упорства, как в продаже романа и в искательстве примирения с Кожебаткиным, а наоборот, непонятным образом (несмотря на наличность всех документов) решил отложить дело до осени и (зря совсем) отправить на место своего quasi-тестя Кампиони, вероятно, чтобы дать ему нажить. Одним словом, тургеневское болото, дом песни <так!> с его интригами, эгоизмом, возмутительным беспорядком и беспринципностью... 10 лет исполняется нашей дружбе, которой Бугаев сам так добивался, Вы знаете меня; я туго схожусь с людьми; но зато я люблю по-настоящему тех, кого люблю... И вот Бугаев в Доме Песни недавно ругал всех своих друзей... Это все между нами; это не сплетня; я знаю это... Мне очень, очень тяжело, но все кончено; никогда уже Бугаев не войдет больше в мое сердце. Я знаю также, что Ася терпеть меня не может, а она выученица д'Альгейма, этого интригана, иезуита и деспота» (*Богомоллов Н. А. Addenda et errata к публикации переписки Вяч. Иванова и Э. К. Метнера. Электронная публикация на сайте «Исследовательского центра Вяч. Иванова в Риме»*: http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2012/12/bogomolov_addenda_et_errata_2012.pdf).

Ср., кстати, в письме Белого к Метнеру от 9/ 22 апреля 1912 г. (дата — по п.ш.):

«О П. И. д'Альгейме, успокойтесь: все Вами рассказанное столь же химерично. В угоду Вашей подозрительности не рвать же мне житейских отношений с людьми, близкими мне через жену. И тут у меня одна просьба: у нас с Асей так уж сложился быт жизни, что мы читаем письма друг друга: я распечатываю попросту ее, она — мои. И вот случилось, что без меня без всякой задней мысли Ася прочла Ваше письмо, в котором ее *дядя*, которого она горячо любит, назван *авантюристом*» (РГБ. Ф. 167. Карг. 2. Ед. хр. 57. Л. 6 об.).

⁴ Имеется в виду письмо Белого от 9/ 22 апреля 1912 г. (дата — по п. ш.); вопреки сказанному далее, оно благополучно добралось до Москвы (московские штемпели — 12 и 13 апреля) и сохранилось в архиве адресата: РГБ. Ф. 167. Карг. 2. Ед. хр. 57.

⁵ Это письмо, вероятно, утрачено.

⁶ Вероятно, это то же, утраченное ныне, письмо.

⁷ Подробности допечатных мытарств романа «Петербург», которые не закончились с его продажей Константину Федоровичу Некрасову (1873–1940) тщательно описаны; см., напр.: *Долгополов Л. К.* Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // Андрей Белый. Петербург. М., 1981. С. 557–566 (некрасовский сюжет) и далее.

⁸ В письме, которое Белый счел пропавшим, этот эпизод комментировался так:

«Вы пишете, что Кожебаткин мой друг, что я настойчиво ходил к нему перед отъездом, был три раза, жаловался на *Мусагет*. Слушайте: я кричу Вам — не смейте говорить вздора! У Кожебаткина был 2 раза, когда должен был через 2 дня уехать, и надо было наскоро узнать, какие статьи он привез из Петербурга. Путаюсь в канцелярии губернатора и еду на свидание с Некрасовым, я случайно оказывался недалеко от него: и так как я знал, что он возвращается из Петербурга такого-то числа, я и зашел к нему, но его не застал, ибо он не приехал. Тогда я поднялся наверх к Ахрамовичу и переговорил о делах. На другой день, будучи на Тверской, я опять зашел, ибо уезжал через день и думал, что его уже не увижу, а зная реальное содержание 2 номера мне надо было, как надо было говорить о «*Путевых Заметках*».

Прочие часы были расписаны. И на этот раз я его не застал. Ваши слова есть полнейшая белиберда. Встретился я с Кожебаткиным случайно в Мусагете на другой день, говорил пять минут и так как перед отъездом мне хотелось быть в мире со всеми, а я был всю зиму очень сух и подчас груб с Кожебаткиным, то я и сказал, что хочу проститься с ним в мире» (Письмо от 9/ 22 апреля 1912 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 57. Л. 3 об.).

- ⁹ Краткий свод взаимоотношений Белого и Кожебаткина см. в предисловии Дж. Малмстада: «Кожебак!.. Да ведь это хуже, чем гусак!!!». С. 127–132.
- ¹⁰ Белый и А. А. Тургенева выехали из Москвы в Берлин именно 16 марта 1912 г. (ст. ст.).
- ¹¹ Белый особенно гордился приглашением Николая Владимировича Недоброво (1882–1919) в «Труды и дни»; ср. в письме к Метнеру от 9/22 апреля 1912 (дата — по п. ш.): «Вы просите меня быть построже: но, дорогой, авторы народ обидчивый: и приглашая в журнал *избранных*, аристократов духа, как Недоброво, нужно помнить, что нельзя их заставить *маршировать по команде*. Я по крайней мере умею создать атмосферу согласия, стараюсь натолкнуть на мысль» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 57. Л. 2 об.). Деловые контакты Белого с историком литературы и журналистом Евгением Александровичем Ляцким (1868–1942) в основном складывались вокруг публикации «Путевых заметок» в журнале «Современник» (см.: *Андрей Белый*. Письма к Е. А. Ляцкому / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 г. Л., 1980. С. 218–230).
- ¹² Канцелярия генерал-губернатора располагалась в Чернышевском переулке; Кожебаткин жил в Трехпрудном.
- ¹³ Жанна Евгеньевна Кожебаткина (? – 1938); иными сведениями о ней не располагаем; добавим лишь ее характеристику как «милой и приветливой» (инскрипт С. Есенина; см.: *Юсов Н. Г.* «С добротой и щедротами духа...»: Дарственные надписи Сергея Есенина. Челябинск, 1996. С. 106).
- ¹⁴ «Путевые заметки» Белого готовилась к изданию в «Мусагете»; медлительность их судьбы вызывала у автора нарекания, не утихшие и много лет спустя: «<...> Метнер а ргіогі невзлюбил “Путевые заметки” (их кисло, медлительно набирали года, чтобы после сбывть “Сирину”) <...>» (*Андрей Белый*. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 665). Ср., кстати, в письме Метнера к Блоку от 6 декабря 1912 г.:
«Путевые заметки хорошо бы пристроить в *Сирине*, кот<орый> имеет возможность издать их с большою роскошью; для них необходима очень хорошая бумага, т. к. рисунки Аси Тургеневой (очень удачные с натуры) должны быть среди текста и не на отдельных листах; те рисунки необыкновенно удачно дополняют текст своей острой (хотя и не совсем уверенною) графичностью. — Мусагету труднее будет справиться с этой задачей... Книга выйдет на славу!» (Неизданная переписка А. Блока и Э. Метнера / Публ., предисл. и коммент. А. В. Лаврова // Российский литературоведческий журнал. 1997. № 9. С. 105).
- См. также прим. 10.
- ¹⁵ Белый использует здесь и далее розенкрейцерский знак: крест, вписанный в круг; ср. в письме к М. К. Морозовой, написанном около 28 августа / 10 сентября 1912 г.:
«К кресту + присоединяется Rosa, т. е. Lumen Coeli Sancta Rosa. Т. е. то, о чем Вл. Соловьев писал:
«Подруга Вечная, Тебя не назову я,
Но Ты пойми мой трепетный напев».
Rosa есть мир и просветленная земля до Афродиты Небесной, т. е. Святое Человечество, Св. Плоть, Церковь. Символ Розы — полнота, совершенство, т. е. круг: О; итак, символ Розенкрейцерства или роз. И этот знак носят на себе все “теософы”, идущие за Штейнером» (*Андрей Белый*. «Ваш рыцарь». Письма к М. К. Морозовой. С. 199–200).

- ¹⁶ Большая часть излагаемых далее сведений документируема и иными источниками, см.: *Долгополов Л. К.* Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург». С. 557–559.
- ¹⁷ Очерк «Египет» был опубликован в журнале «Современник» (1912. №№ 5, 6, 7).
- ¹⁸ Книга, принятая и авансированная «Мусagetом», напечатана там так и не была (см. прим. 6 к п. 24).
- ¹⁹ В газете «Речь» (с ее весьма значительными гонорами) Белый напечатал в 1911 году цикл путевых заметок (перечислены в коммент. Дж. Малметада: «Кожебак!.. Да ведь это хуже, чем гусак!!!»). С. 155).
- ²⁰ Брюссельский гравер Мишель Огюст Данс (1829–1929), у которого А. А. Тургенева брала уроки гравировального искусства. Ср. в письме Белого к М. К. Морозовой от 3/16 апреля 1912 г.: «<...> от Данса, Асиного учителя, я прихожу в совершенный восторг: это какой-то патриарх, седобородый, добрый и одновременно строгий с учениками. По правде сказать, мне думается, что он — ископаемый человек и что в Европе теперь таких людей уже нет» (*Андрей Белый.* «Ваш рыцарь»). Письма к М. К. Морозовой. С. 183).
- ²¹ Белый прожил на «башне» Иванова с 21 января по 28 февраля 1912 г. (*Андрей Белый.* Хронологическая канва жизни и творчества / Сост. А. В. Лавров // *Андрей Белый: Проблемы творчества.* М., 1988. С. 786).
- ²² Это письмо нам неизвестно.
- ²³ Белый упоминает издание, которое появится только в 1914 г.: *Беме Я.* Аурога или Утренняя заря в восхождении / Пер. А. Петровского. М., 1914. При этом сама книга числится среди уже оплаченных к 1912 г. См.: РГБ. Ф. 167. Карт. 17. Ед. хр. 20. Л. 3.
- ²⁴ См.: *Долгополов Л. К.* Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург». С. 557.
- ²⁵ Деньги были обещаны Белому московским книгоиздательством «Путь» в качестве аванса за монографию о поэзии Фета (см.: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Символисты вблизи. Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 103–104); замысел этот остался неосуществленным.
- ²⁶ Подразумевается замысел литературного журнала, обсуждавшийся А. Блоком, В. Пястом и Е. Аничковым зимой 1910–1911 г.; первичный свод данных о нем см.: *Соболев А. Л.* К истории журнала «Дневники писателей» (1914) // Федор Сологуб. Разыскания и материалы. М., 2016. С. 555–558.
- ²⁷ Букв.: «точка зрения» (*нем.*).
- ²⁸ Эта телеграмма, датированная 16-м февраля, сохранилась: *Богомолов Н. А.* Addenda et errata к публикации переписки Вяч. Иванова и Э. К. Метнера. С. 3. Точные даты пребывания Метнера в Петербурге неизвестны, но ср.: «Вы прожили 2 дня в Петербурге и пришли в ужас, устали. *Я Вас ждал* две недели в этом “ужасе”» (Письмо Белого к Метнеру от 9/22 апреля 1912 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 57. Л. 2 об.–3); следовательно, речь, вероятно, идет о первых числах марта.
- ²⁹ Это название несостоявшегося журнала несколько раз появляется в документах; ср.: «Роман пытался пристроить с согласия Мусagetа в Петербурге и разорвал переговоры 1) благодаря “Петербургскому вестнику” (существование коего зависело от нескольких тысяч в Москве)» (Письмо Белого к Метнеру от 9/22 апреля 1912 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 57. Л. 3); «<...> связан я словом был с проектом “Петербургского Вестника” и В. Ивановым, а не с “Мусagetом” <...>». — Письмо к М. К. Морозовой около 28 августа / 10 сентября 1912 г. (*Андрей Белый.* «Ваш рыцарь»). Письма к М. К. Морозовой. С. 197). Ср., кстати, в письме Вяч. Иванова к Метнеру от 3 июля 1912 г.: «О романе Белого. Все это было неприятно узнать. Тяжело и похоронить мечту о журнале, где бы мы дружно и действенно, властно и реально заговорили с обществом не о лаборатории,

а о жизни». — В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров / Вступит. ст. и публ. В. Сапова // Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 344.

- ³⁰ Нужда, о которой Белый не хотел говорить публично, по всей вероятности — долг А. А. Тургеневой Дансу, учителю графики; ср. в письме Белого Метнеру от 9/22 апреля 1912 г. (по п. ш.): «<...> обнаружилось в Брюсселе, что Ася должна Дансу более 200 руб. + платья ей, верхняя одежда мне, костюм, табак, месячная плата Дансу <...>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 57. Л. 4 об.).
- ³¹ Сведения об операционных убытках «Мусагета» Белый получил немедленно по возвращении в Москву; ср. в письме к Блоку от 8 или 9 марта 1912 г.: «Приезжаю в Москву — сюрприз: Метнер говорит, что 1) денег не будет (журнал пролетает), 2) *Мусагет* получил до сентября вдвое меньше, чем ждал, и не может дать аванса под роман, который в 1913 году печатается» (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. С. 445).
- ³² Первоначально «Петербург» задумывался как продолжение «Серебряного голубя».
- ³³ Великое Ничто (*фр.*). Это выражение имеет почтенную историю (включающую в себя выразительные примеры его русской рецепции), но подробное ее изложение увело бы нас чересчур далеко.
- ³⁴ К. Ф. Некрасов действительно избирался в Государственную думу I созыва (1906) от кадетской партии.
- ³⁵ Ср. в письме к Блоку от 1/14 мая 1912 г.: «После нашей болезни и совершенно на время забытого сна мы были на трех Вагнеровских спектаклях с байретскими исполнителями (“Лоэнгрин”, “Тристан”, “Валькирия”»)» (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. С. 455); ср. в письме к матери от 10 мая 1912 г. (н. с.): «Перед этим <поездкой в Кельн> слушали “Гибель богов” с байретскими исполнителями <...>» («Люблю Тебя нежно...»). Письма Андрея Белого к матери. С. 152). Белый и Тургенева слушали Вагнера в театре La Monnaie; «Лоэнгрин» в 1912 г. давался 6, 5 и 20 апреля; «Тристан» — 23 и 25 апреля; «Валькирия» — 30 апреля; «Гибель богов» — 4 мая (справка Л. Р. Тиняковой).
- ³⁶ Э. К. Метнер, М. И. Сизов, А. С. Петровский.
- ³⁷ Ни одно из упомянутых писем не разыскано (несмотря на хорошую сохранность переписки с Петровским). Во втором номере «Трудов и дней» (1912. Март–апрель) статей Иванова нет; о причинах этого сам автор писал Э. К. Метнеру 3 июля 1912 г.: «Кроме того, мне хотелось, чтобы № 2 вышел без моего участия; “во 2 № не пиши”, шептал мне мой Daimōn» (В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров. С. 340); в этом письме он благодарил Метнера за присланные корректуры того же второго номера, что заставляет предположить, что задержался он с печатанием более чем ошутимо.
- ³⁸ Это письмо с упреками, кажется, не сохранилось.
- ³⁹ Вероятно, имеются в виду финансовые пререкания с Метнером весны — лета 1911 года, лучше прочего видные по письмам Белого к Петровскому; они после попытки примирения увенчались письмом Белого к Метнеру от 17 июля 1911 г., где претензии были суммированы (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 43).
- ⁴⁰ Мне наплевать (*фр.*).

20. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

24 апреля / 7 мая 1912. Кельн

Дорогой Николай Петрович!

Спасибо Вам за письмо: лично Вам отвечаю подробно на днях. Передайте нашим мою любовь и мою неуклонную веру в душевную близость.

Пишу из Кельна после лекций Штейнера¹.

Крепко жму руку Вам. Борис Бугаев.
Мой привет Мих. Иван., Алекс. Серг. и Эмилию Карл².

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 11. Л. 4.

Открытка с видом кельнского собора. П.ш.: Кельн (7.5.12); Москва (27.4.12).
Помета адресата: «Получено 27/IV 1912».

Письмо написано в тот же день, когда было закончено предыдущее (коллективное), но, вероятно, отправлено вечером, поскольку добралось до Москвы днем позже. Резкая смена тона по сравнению с предыдущим была связана со знакомством с Р. Штейнером; ср. примирительные интонации написанного два дня спустя письма Метнеру:

«Итак я считаю, что сделал ошибку, пославши длинное послание “друзьям”... Если то, о чем я пишу там окрепло, то ведь не в письме проявится оно – в деле. Зачем слова, и слова на бумаге, и слова на бумаге, доходящие по адресу через много дней, когда эмоция, вызвавшая то или иное резкое слово уже угасла и душа светит душе и улыбается душе: слыша в пространстве хорошую мысль о друге, укрепляешься: а письмо, не выражающее сущности переживания моего, в момент получения ложится гибельной неправдой. <...> Я пишу сейчас, усмирённый, с любовью глядя сквозь дым и чад, отделяющие нас: Вы же еще не получили моего отчаянного письма, вызванного действительным душевным страданием: после написания того письма пролетели огненным метеором наши Кельнские дни, разговор со Штейнером — конспективно-общий (я начал, Ася кончила). Вот все это прошло, я вернулся с огромным просветлением: годы, казалось, прошли в эти 3 дня» (Письмо от 10 мая 1912 г. (дата по п. ш.)//РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 60. Л. 1–1 об.).

«Слова на бумаге» один раз подчеркнуты дважды, второй — трижды.

¹ Ср. в письме к матери от 10 мая (н. с.): «<...> мы 2 дня были в Кельне (Кельн от Брюсселя в нескольких часах пути). Мы слышали 3 лекции Штейнера и даже познакомилась с ним. Прекраснее и сильнее этого человека я не видал никого» («Люблю Тебя нежно...»). Письма Андрея Белого к матери. С. 152). Белый и А. А. Тургенева были в Кельне 6 и 7 мая (н. с.; останавливались в отеле St. Paul; см. факсимиле письма Белого к М. Я. Сиверс от 6 мая 1912 г. на почтовой бумаге отеля в кн.: Andrej Belyj: Symbolismus, Anthroposophie, ein Weg. Texte — Bilder — Daten. Dornach, 1997. P. 38; текст письма: *Снивак М. Л.* Андрей Белый — мистик и советский писатель. М., 2006. С. 42); вернулись в Брюссель 8-го вечером. Встреча с Штейнером произошла 7 мая; ср. поздний конспект: «Разговор шел о феноменах в Брюсселе, как быть; об ~~Ф~~; о моем отношении к А. Р. <Минцловой>; о возможности или невозможности учиться у Доктора» (*Андрей Белый*. Свидания с Доктором / Публ. Д. Мальмстада // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 9. М., 1992. С. 471).

² М. И. Сизов, А. С. Петровский, Э. К. Метнер.

21. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ, Э. К. МЕТНЕРУ, А. С. ПЕТРОВСКОМУ, М. И. СИЗОВУ*

Около 7/20 мая 1912. Брюссель.

Николаю Петровичу, Эмилию Карловичу, Алексею Сергеевичу, Михаилу Ивановичу.

Дорогие мои друзья!

Пишу это письмо не для пререкания, а для мира и согласия в будущем. Для этого мне нужно очень отчетливо выявить свои грани, чтобы позиция моя была ясна для Вас. Это тем более необходимо, что теперь, после поездки

в Кельн, свидания и разговора со Штейнером, которому я предложил ряд вопросов, просто решающих, мое отношение к Нему и его делу, Вам, должно быть, важно знать, где я и в чем я.

Еще осенью я твердо решил, что буду ждать *только до мая*, что томление неопределенности, отсутствие продолжения раз начатого пути, путаница с лекциями¹, обрывочность указаний, как быть с ними, действует разлагающим образом на меня, на каждого из нас, на весь наш дружеский коллектив, проявляясь и во внешней деятельности (хотя бы в «*Мусагете*») нерешительно, без инициативы (что говорить — истекший сезон был нудный, вялый сезон: что-то было *неладное* между нами — Кожебаткин ведь лишь эмблема неладицы, ларва, паразитировавшая на нашей путанице, и *только*). Скажу еще более: в Москве я просто физически задыхался все время. Вы спросите о причинах: причины таковы. Я считал, что раз мы *коллектив*, то и во внешнем, в журнале, должна быть общая платформа, что я должен быть выразителем равнодействующей нас всех. В «*Весах*» я действовал за свой страх: как символист *врубался* в ряды петербургских писателей, наделал ошибок, быть может: но все тут было *четко* и *ясно*. Все лично мной платформировано: между статьей общего характера и последней рецензией было единство. В «*Мусагете*» я стал в высшей степени нечеток, ибо считал своим долгом, не предавая позиции Эмилия Карловича, не предавать позицию Алексей Сергеевича и вместе с тем не предавать «*Пути*», не предавать Блока, Иванова. Вышло — какое-то кадетство: как согласовать 1) «*Логизм*» Гессена 2) «*Оккультизм*» Киселева 3) «*Направленчество и Россию*» Блока 4) «*Символическую школу поэзии*» Иванова 5) «*Символизм, как мирозозерцание*» мой 6) «*Культуру*» Эмилия Карловича^а 7) Заглядывание к Штейнеру Алексея Сергеевича и Михаила Ивановича². Едва я напирал на «*логизм*», морщились: Алексей Сергеевич, Михаил Иванович, Николай Петрович, В. Иванов. Едва я стал напирать на «*символизм*», как заморщились: Степпун, Яковенко³ и я получил критику первого номера от Э. К.⁴ И все забывали *филантропичность* моей позиции: корчась от логосовских статей, Алексей Сергеевич не сказал своего веского, определенно выраженного слова. Сотрудничество есть *со-действие*. *Со-действия* в деле не было со стороны большинства мусагетцев. За исключением Э. К., я должен отметить ужасающую пассивность в деле со стороны например М. И. Сизова, Алексея Сергеевича. Эмилий Карлович то уезжал, то был <в> деревне так же, как и я, и мы встречались редко по независящим от нас обоим обстоятельствам. Отсюда естественная недоговоренность. Далее *со-трудничество* в смысле идейного *со-действия* абсолютно не встретил я в ряде членов «*Мусагета*» в столь любимой мне области: в литературе и искусстве. Никакого идейного общения, никакого волнения о предметах искусства в М. И. Сизове и А. С. я не встретил:

^а Слова «“Культуру” Эмилия Карловича» подчеркнуты синим карандашом; внизу страницы — исчезающая карандашная пометка рукой Н. П. Киселева: «Отметки синим — Э. К. Метнера».

наоборот — искусство последних десятилетий было объявлено гнилым, мне советовалось писать à la Крыжановская⁵. Должен сознаться, что единственно с кем я от времени до времени (за исключением Э. К.) говорил в «*Мусагете*» о искусстве, это был... Кожебаткин!

Мы вот завели *символический* журнал, а ведь для большинства мусagetцев символизм почти ненужное слово: ну кто разбирал, соглашался или хотя бы полемизировал с моим мнением о символизме? Ведь «*Эмблематикой Смысла*» занялся разве что... В. Иванов из Петербурга⁶. Я имею основание думать, что *реально* моя позиция относительно символизма, мой разбор символизма попросту друзьям неизвестен, не нужен. Иначе у некоторых друзей не было бы столь большой *apatии* к животрепещущим вопросам искусства. Все, что я писал как теоретик, как практик (ритм), было вне плоскости большинства товарищей по Редакции. Моя статья о *Мистике* например была принята не как стремление от чисто созерцательной мистики к практическому пути, а как озорство этого Бориса Николаевича, которого нужно опекать неизвестно *от чего* и *во имя чего*⁷. *От чего* меня опекали? От жажды к деятельности? *Во имя чего?* *Во имя того*, к чему прикоснулись некогда ритуально через меня?

Мое недоумение, как всем нам быть, как гармонически в своей личности преломить разноустремленность нас всех, *я знаю*, понималось (например, Эмилием Карловичем^а) как беспринципность. Друзья мои: блудя ради нас несуществующее *status quo*, я превратился из льва в верблюда⁸: нагрузился степпуновским скарбом от «*Логоса*»⁹. Стоило мне сделать шаг, как появлялось за спиной моей опекающее мнение. Словом, шаткость, неопределенность, недоумение, неуверенность этого года происходили во мне из доброго чувства, из желания не разворачивать своего личного знамени — знамени Андрея Белого — во имя все чаемого знамени целого кружка людей.

А где это знамя? Чего идейно хочет коллектив? Куда плывет «*Мусагет*», как целое? Ясна ли позиция: разрублен ли гордиев узел разноустремленности?

Уезжая из Москвы, я был полон желания продолжать и впредь со всеми считаться, всех опрашивать, обивать все пороги: аллегорически начинать день в беседе с Ахрамовичем в стенах редакции, далее забегать к Ник<олаю> Петровичу, чтоб продолжить день с Эмилием Карловичем и окончить в беседе с Наташей¹⁰ и Асей все о том же, о «*Мусагете*», о надеждах и опасениях, ибо я люблю «*Мусагет*». Для «*Мусагета*» я тащился в Петербург, там выслушивал критику Вячеслава, защищал «*Логос*», чтоб потом в Москве спорить у Степуна, защищая Вячеслава. Помню разговор с Гершенсоном <sic>, когда он нас всех укорял лишь в «*гутировании*»¹¹ мистики, ибо «*центра не видно у Вас*» (слова Гершенсона); «*будьте оккультистами, будьте религиозными проповедниками, но не будьте людьми, равномерно ценящими и понимающими все*» (слова Гершенсона)¹². Я часами сражался за «*Мусагет*» и в «*Петербурге*», и в «*Пути*».

^а Слова «*например Эмилием Карловичем*» подчеркнуты синим карандашом; над ними рукой Метнера написано: «Эллисом!».

А когда я в «*Musagete*» отстаивал «*Путь*» Эмилий Карлович меня заподозрил в желании^a перебежать в «*Путь*» (летняя переписка)¹³. Словом: большего идейного самопожертвования во имя *коллектива* (иные члены которого уже год относительно идейной платформы в рот набрали воды) *быть не может*.

И вот, уезжаю я — мне в спину летит обвинение в неверности «*Musagete*».

Это было последнею каплей: я не сержусь — но видит Бог, две недели я ходил, как будто меня облили ведром холодной воды.

Параллельно с этим уже с месяц у нас с Асей ряд знамений, требующих разрешения¹⁴: есть минуты, когда человек бежит на исповедь: только *старец* или *ведающий* может дать совет, как быть. Такие странные знаменья вплоть до встреч и *странных явлений* настолько участились для нас, начиная с нашей болезни и с общего сна (я и Ася увидели во сне Штейнера одновременно¹⁵ — после все и началось). Словом «*сидеть у моря и ждать погоды*» было уже невозможно: *час приходил...*

Передряга с Москвой разрешила меня от последнего замедления^b. Моя политика выжидания принята, как беспринципность. Моя *филантропичность* безжалостно раскритикована, друзья мои (некоторые из друзей *биографически* забыли наши отношения: если бы они вспомнили годы нашего знакомства, я не был бы для них «*объектом опеки*»). Недоверие ко мне, первому и последнему в коллективе, показало мне, что *коллектива* в специфическом смысле уже нет, и что я свободен. Когда я писал первое свое письмо ко всем Вам, и потом ходил по улицам Брюсселя, я чуть не плакал от незаслуженного недоверия. За помощью мы поехали к Штейнеру, и да: *получили ее*. Считаю долгом сказать: с июля я в Мюнхене *при Штейнере*; что он велит, то и будет. Пора и мне позаботиться *лично о себе*, где мне учиться, дабы в будущем, Вы, друзья мои, не упрекали меня в отсутствии четкости.

Теперь скажу каждому из Вас то, что накопилось у меня.

Эмилию Карловичу.

Эмилий Карлович, старинный мой друг: Вам я обязан более, чем кому-либо! Вы некогда раскрыли мне многие тайны музыки; Вы реально познакомили меня с благородством германской души, Вы приблизили Ницше, образ Гете звучал магической симфонией — забуду ли Вас? Никогда, никогда. Далее: мы вместе глядели на одни зори, подавали друг другу руки, как братья-рыцари. Разбитый, усталый я припелся к Вам в Нижний, и Вы успокоили меня¹⁶. Далее: не раз Вы оказывали мне дружеские услуги, которые забываются только со смертью. Выходя из *коллектива*, я считаю, что я остаюсь лично с Вами.

Но вот мои грани различия с Вами: я более, чем Вы, русский, русская Душа, русский надрыв, русский народ, плачущий, по выражению Штейнера, «*дет-*

^a Слова «*заподозрил в желании*» подчеркнуты синим карандашом; внизу рукой Метнера написано: «не потому!!».

^b После «*замедления*» синим карандашом поставлена звездочка; на полях рукой Метнера написано: «Эллисом!»; под страницей: «А моя политика выжидания именована «голова в коконе»!»

*скими слезами*¹⁷, в Вас подчас вызывает брезгливость, а русского «мужичка», с которым я часами просиживаю, как с своим-братом, Вы обегаете, лишь увидите издали. Тут я не с Вами, а глубоко с Блоком: Вы боитесь хаоса, забывая подчас, что хаос есть реальная плоть Космоса: *кто не войдет в гущу хаоса, тот не сумеет этой гущи организовать*. Мое принятие Штейнера идет и по этой линии против Вас, ибо он *бóльшие Вас чует в безобразии настоящей России нетленную красоту России грядущей*. Я иду к нему в надежде вернуться некогда в Россию служить ей полезным работником. По другой грани мы расходимся тоже: Вас шокирует Штейнер, что из Гете он делает *средство* пропаганды; соглашаюсь, Гете громаден: и нельзя им жертвовать: о, искусство до последнего издыхания буду я оберегать от всех теософов, оккультистов, оберегать даже от иных мусagetцев¹⁸. И Штейнеру я искусства не отдам. Но — Вы забываете, что есть вопрос, о котором *прямо* мы никогда не говорили (а вот пришло время начать с него в коллективном послании). Это вопрос о Христе. *Гете* или *Христос*? Допустим, что такой альтернативы не может быть. Но если бы была, то я *со Христом* против *Гете*. Я не *пантеист*: я был, есмь и буду исповедующим имя Христово и реально чувствующим *Его Приближение*. Вместе с тем я не могу быть во внешней Церкви, изжил позицию Мережковского¹⁹, знаю, надо теперь становиться под определенное знамя Христово: полтора года ждал призыва — и нет его. И потому я теперь иду к Штейнеру: Христос и Россия! О том и другом говорит мне Штейнер. И верю — культура, искусство приложится. А у нас вот хранят глубокое молчание о Христе и России (в Мусagetе), о культуре же много говорят. Я говорю: я — с культурой. Но если бы встало противоположение: быть с культурой в пассивности, или стать активным солдатом подготавливаемого Крестового Похода и быть вне плоскости культуры, я бы стал крестonosцем. Я понимаю, *о последнем* не говорят, но есть моменты, когда не сказать о *последнем*, значит отречься: если бы встретилась альтернатива — «метать бисер» «между водкой и селедкой» с одной стороны и «отречься от Христа» простым молчанием, я стал бы между водкой и селедкой метать бисер, чтобы не отречься молчанием.

А Гете, культуру, корректность и космичность (не хаотичность) приемлю во всех тех пунктах, где они не умалчивают о Христе там, где иной раз уже молчать становится невозможным. Поймите, друг: у меня бывают минуты *знания, ощущения* того, что Штейнер говорит о Приближении. Как же я могу не идти на голос об этом, особенно видя, что в атмосфере московского *перевоздержания*, осторожности и мусagetской боязни сказать свое последнее *credo*, как веруем, — в этой атмосфере *цветы не цветут, сплетаются сплетни и братья начинают коситься на братьев*. Оттого то мы с женой и поехали в Кельн.

Николаю Петровичу.

Николай Петрович! К Вам моя любовь, мое уважение — уважение глубокое и стремление слушать Ваше строгое и правдивое слово. Не понимаю я в Вашей позиции следующего. Вы вместе с Эмилием Карловичем против Штейнера: но вы считаете себя православным и Ваше Главное, насколько я Вас понимаю, есть православный Путь. Как же Вы примиряете в себе наш общекультурный

путь с неуклонно узкой и глубокой линией православия? Если сумеете научить, научите: я вот измучился, изошел кровью между нашим знаком²⁰ и философией, между Востоком и Западом, Москвой и Петербургом, Россией^а и Европой: скажите — в итоге этих восемнадцати месяцев²¹ нашли ли Вы равновесие, считаете ли Вы, что все между нами благополучно; если *да*, скажите в чем наше преимущество перед всеми; если *нет*, то... куда идти? Вам, как Церковнику, я скажу: были года, я искал в Церкви внешней *слов поучения*, и я нашел лишь красноречивое молчание, полное и смысла, и вместе многосмыслий: лучшее в Церкви молчит. Мы гибнем, а *они* всё молчат: заговори *они*, я был бы не со Штейнером, а *они* молчат, молчат, все молчат, пока несведущие (вроде путейцев²²) предлагают лишь схемы. Вы то хотите быть и во внешнем круге видимой Церкви, а она Вас не приемлет: она Вас отлучит за Ваши эстетические вкусы, за Ваши увлечения алхимической литературой. Я не рву с Церковью, но я вынужден вне очертания церковной ограды искать ответа на вопросы мои. Они *не знают о Христовом Приближении*. И радость Воскресения во Плоти^б им чужда. Словом, они хотят Креста: Розы никогда не примут они. Выходя из коллектива, я протягиваю с любовью и благодарностью руку Вам: будемте друзьями и впредь. Я же не могу оставить плоть, общество, искусство, жизнь: я не могу быть без Розы.

Оттого то мы с женой поехали в Кельн.

И еще. Штейнера все христиане подозревают в люциферизме и предвзятом толковании Христа. Я должен заявить, что слышал лекцию Штейнера «Христос и XX век»²³. Эта лекция была точно нарочно для меня прочитана: все мои сомнения в его понимании Христа *рассеяны* этой лекцией. Его понимание не посягает на *символ веры*, ни на православное *раскрытое в разуме* учение, а углубляет, говорит о еще не раскрытом в истории («Многое имею еще сообщить Вам», но ... «а когда придет Утешитель»²⁴). Отрицая принципиально углубление символизма о Христе, Вы должны отрицать и учение Соловьева о догматическом развитии. Мои лично сомнения о Христе этой слышанной лекцией сняты. Из всех тем, именно эта была для меня наиспорнейшая в Штейнере. Неслучайно он ее при мне читал. Отрицание Штейнера должно быть основано на реальном знакомстве с ним, на свиданиях и разговорах с ним, а не на подозрении. После *реального* соприкосновения с ним в ореоле знамений, мы решили хотя бы два месяца пожить *при нем*, чтобы ответить на вопрос, что есть Штейнер. И мое главное пожелание видеть Вас в Мюнхене на августовском курсе в качестве эксперта от Москвы²⁵, где много говорят против Штейнера и где мало соприкасались реально с его личностью. Приезжайте: предупреждаю Вас, Штейнерьяда отныне в Москве усилится, и Вам все равно

а Над словом «Россией» поставлен знак вопроса; сверху написано синим карандашом рукой Метнера: «в кот<орой> не верят Штейнеру».

б Слова «Воскресения во Плоти» подчеркнуты синим карандашом, рядом поставлен знак вопроса.

придется когда-нибудь ехать к нему, хотя бы для того, чтобы уметь в будущем бороться с все растущим его влиянием.

Алексею Сергеевичу.

Алеша, брат мой! Тебе ли писать о том, что нас разделяет, когда Тебя ощущаю воистину братом! Мне ли забыть многое, многое за 10 лет нашей близости²⁶! Знай только, помни — Ты мне брат: и все имеющиеся между нами «разногласия» и «при» не относи к себе лично: помни — я говорю о сегодняшнем непонимании наших отношений, свято неся вечную ношу нашей неразрывной близости. Так и помни. А теперь позволь мне для будущей ясности облегчить душу.

Линия моего непонимания Тебя заключается в том, что вижу иногда у Тебя желание *опекать* там, где никакой *опеки* быть не может. У Тебя есть много чисто-отеческого желания снисходить, понимать, оберегать, помогать. Это Твоя прямо *жемчужная* черта прекрасна, я ей преклоняюсь, но... с некоторого времени тут что то не так: ты снисходишь... почти до слепоты. Для Тебя слово *увлечение* есть почти страшное слово. Ты безмерно спокоен, или желаешь казаться таковым. И часто Ты в этом кажешься *слепым*. От этого Ты начинаешь производить впечатление человека, у которого выдохлись все интересы. Искусство Тебе не дорого: ты уже даже перестаешь понимать искусство. Мне иногда зимой было трудно с Тобой говорить, ибо на все у Тебя одно: «Э, да что там!»... Смотри: за «э да что там» как бы Ты не просмотрел, что совершается в душах близко от Тебя стоящих людей. Помнишь наш разговор в Бобровке²⁷, когда я кричал: «Говоришь, говоришь, вопишь, а не слышат!» Ведь это я Тебе говорил, но и тогда, в Бобровке Ты меня не услышал. Вы все под моим молчанием и моей видимой растерянностью просмотрели линию моего выхождения из *коллектива*. Уже полтора года, с Каира²⁸, я пытаюсь каждому из Вас что-то сказать, и у меня впечатление будто Вы не слышите меня, погрузились каждый в себя и из этой Нирваны равнодушно, *без увлечения* судите, взвешиваете, режете по живому, говорите о *коллективе*, но это — звук пустой. Алеша, опомнись: протри глаза — не Тебе меня опекать; решать за другого, что ему нужно: вспомни: я всегда был с именем Христовым, я никогда не менял круто основной линии пути; а Ты? На первом курсе я с Тобой сражался за *Главное*, и конечно *Главным Главного* было имя Христово. На втором курсе Ты круто повернул, и я, доходивший почти до бешенства в спорах с Тобой за *все святое*, в два месяца был заподозрен Тобой в антихристианстве?²⁹ Ты пошел в Академию³⁰. И настали года, когда я уже был опять-таки более христианином в исповедании чем Ты. Никогда не рисовал я ломаных линий, каким был, таким стал. Я упрекаю Тебя в том, что вижу, как Ты забываешь вчерашнее. Как бы я ни менял *тактику*, я не есмь тот, кого опекают. Всю эту зиму при попытках говорить ребром у Тебя я встречал «э, да что там». Алеша, бойся страшного паралича в развитии личности, имя которому «*благодарушие и равнодушие*».

Милый брат, целую Тебя. Помни: эти слова мои не обвинение, а только до *nes plus ultra*³¹ подчеркивание одной едва звучащей в Тебе ноты; если она

завучит громче, Тебе грозит остановка. Этой нашей общей остановки боюсь я: мы из *коллектива* превратились в *коллегию* друг друга опекающих и друг за другом ходящих дозором вплоть до наведения справок и сыска. Сторож коллектива, оберегая *коллектив* от увлечений, гневов, восторгов, как бы не стал Ты оберегать общее и от «*звуков сладких и молитв*»³². Побольше Тебе истерики, безумия, вдохновения — побольше «*эллисовщины*», иначе сетования Эллиса о Вашем с Мишей кадетстве превратятся в сетованья реальные. Боязнь *увлечения*, желание, чтобы все было благополучно часто обертывается окаменением и утратой огня, а с огнем угашаются в сердце все интересы.

Огня интереса к реально происходящему в душе ближнего я желаю Тебе. *Михаилу Ивановичу.*

Миша, милый: Ты не думай, что я забыл ту особую линию наших с Тобой отношений, которая началась с прихода в гости ко мне «*Всаднику Белому*» Тебя «*Всадника Рыжего*»³³. С этого дня я Тебя особенно нежно полюбил; я всегда был с Тобою, и когда мы встречались, и когда не встречались. Твоего письма из Ялты в трудные для меня дни я тоже не забыл³⁴: все знаю, все помню. С той поры много изменилось — Ты возмужал, углубился: я уважаю глубоко Твою выдержку, твердость воли, постоянство в намеченной цели, и систематичность. Уже давно — мы братья. И выходя из *коллектива*, я не только жму руку Тебе на прощание, я жму руку Тебе, как путнику на параллельном и мне близком пути. Что же я имею против Тебя? Против Тебя я немного имею, но уж буду до конца четок. Буду намеренно углублять мои недовольства. Алексей Сергеич снисходительно опекает и притом часто не видит, что он опекает, и во имя чего в данном случае опекать: опекает и снисходит *так вообще*; и потому иногда бывает *слеп*: получается *путаница*. Ты же часто уходишь, Твоя опасность: «Мое дело сторона». «Вы — Мусaget, вы <?> — штейнерист». Ты подчеркиваешь иногда свою неприкосновенность в том, в чем мы сообща *барахтались этот* сезон, думая, что соблюдаем какое-то *status quo*. Тебе я скажу прямо: Когда мы в Брюсселе встретились с Эллисом³⁵, Эллис мне сказал: «Жму Тебе руку за то, что Ты всю зиму твердо держался в стороне от Штейнера. Я даже против Тебя старался организовать в Москве кружок, но я на Тебя не сердился, ибо лучше Штейнера проклинать, чем заглядываться на него».

Так вот: *крайний левый* штейнерьянец подал бывшему *крайнему правому* (с его точки зрения) свою левую руку, осуждая кадетскую тактику М.И. Сизова и Петровского. Я знаю, что это не так, но считаю нужным заявить, что я не был в Штейнеровском *бунде*³⁶, ожидая *времен и сроков*. Относительно себя я соблюдал *во имя всех нас* (как носитель лозунга) строжайший нейтралитет: на Штейнера, как *мне временно* запрещенное, не заглядывался и даже вызывал с Вашей стороны нарекание в индифферентизме. Но моя нерешительность, боль, молчание, убежание в сторону, надеюсь, были красноречивыми показателями, как мучительна для меня остановка в *Пути*. Вы этого не поняли.

Поймете ли Вы меня теперь? Я не знаю. Что касается меня, я себя понимаю прекрасно. В день, когда я счел *необходимым* в виду отсутствия ясности наших

отношений выйти, я столь же определенно и решительно, с «увлечением» так сказать, поехал в Кельн предложить Доктору прямой вопрос, как мне быть *далее*. И когда вместо ответа Доктор нас позвал, я не счел нужным говорить о том, что пути наши не сходятся (какие это у нас пути — «*сидеть у моря и ждать погоды*» до смерти?). Я определенно заявил Штейнеру, что согласен: и теперь если потребует тактика движения, я поступлю в какие угодно «*теософы*» и в какие угодно «*тетки*»³⁷, раз прикажет тот, кому я доверяю. То, что я знаю о Гельсингфорсе (а я все знаю³⁸) заставляет меня надеяться, что и Вы с Алешей отныне придете прямо к Штейнеру, а не станете «*так сказать*» Штейнерьянцами.

Милый друг, вот сказал, как умел.

Дорогие друзья, еще раз прошу верить моей любви, преданности к каждому. Да хранит Вас Господь.

Б.

P. S. Если Алексея Сергеевича это письмо мое уже не застанет, то по прочтению оного Э. К. Метнером, Н. П. Киселевым и М. И. Сизовым я *очень* прошу переслать и А. С. Петровскому по его летнему адресу.

P. S. Друзья мои! Первый акт моей самостоятельности — мой отъезд в Кельн к Штейнеру. В виду того, что я *ощутил* потребность быть в мире и истине, что на *Москву, посылающую лишь душевные сплетни* я махнул рукой, в виду того, что без ~~ф~~ жить я не хочу, не могу, я спешно на 3 дня выезжаю в Кельн, к Штейнеру.

Кольцо оставлено *не нам*, а **мне и через меня** Вам. В своих подозрениях Вы забыли, что А. Р. **мне** было сказано³⁹. Ритуально я был *первый и последний при ней*.

Кольца я Вам не отдам.

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 10. Л. 14–20 об.
Конверт. П.ш.: Брюссель (20.5.12); Москва (10.5.12).

¹ Слово читается нечетко; дословно: «ледидциями». Если это описка и имеется в виду именно «лекциями», то см. прим. 5 к п. 17.

² М. И. Сизов и А. С. Петровский подпали под влияние идей Штейнера раньше, чем Белый; ср.: «В то время <лето 1910> Сизов и Петровский примкнули к учению Штейнера; мне то не нравилось; но Петровский решил ехать в Берн, на курс Штейнера <...>» (*Андрей Белый*. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 366). Термин «кадетство» для характеристики их образа мыслей и поведения впервые употребил, кажется, Эллис; ср. в его письме к Киселеву от 6 августа 1912 г. (н. с.; дата по п. ш.):

«Но московские теософы — просто кадэты <sic>. Оккультизм! Во что обратился Миша? Я не могу с ним двух слов сказать. Чем стал бывший ницшеанец Э. Метнер со своей “культурой”, гетеанством и кантианством, с “Логосом без *λογος*’а”? *Куда все ушли, где все?* И в то же время — разложение Бальмонта, проституционное кадетство В. Брюсова, самоубийство В. Гофмана, болезнь Сережи Соловьева, ужасная смерть Сапунова, эротомания гениального Скрябина, петербургский “цех” поэтов, мертвое стояние “Мусагета”» (РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 2. Л. 35).

- ³ Из первого номера «Трудов и дней» была по настоянию Белого исключена статья близко стоявшего к «Мусагету» философа Бориса Валентиновича Яковенко (1884–1949); см.: Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 394–395; здесь же — о коллизии, которую подразумевает Белый в комментируемых строках.
- ⁴ Это письмо, кажется, не сохранилось.
- ⁵ Имеется в виду плодovitая романистка, пишущая на оккультные темы, Вера Ивановна Крыжановская (псевд.: Рочестер; 1857–1924). Этот обидный совет, авторство которого нам неизвестно, запомнился Белому надолго; ср.: «<...> Вячеславу Иванову, Аничкову и ряду других петербуржцев обязан я — не Москве, не друзьям “мусагетским”, где мне советовали писать романы в духе Крыжановской <...>» (Из литературного наследства Андрея Белого / Публ. К. Н. Бугаевой // Литературное наследство. Т. 27/28. М., 1937. С. 456).
- ⁶ «Эмблематика смысла» — название ключевой статьи самого Белого, вошедшей в его сборник «Символизм» (М., 1910); вероятно, здесь подразумевается дискуссия с Вяч. Ивановым о символизме, развивавшаяся в 1908 г.
- ⁷ Имеется в виду статья Белого «Нечто о мистике» (Труды и дни. 1912. № 2. С. 46–52).
- ⁸ Образ из «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше: «Три превращения духа называю я вам: как дух становится верблюдом, львом верблюд и, наконец, ребенком становится лев» (Пер. Ю. М. Антоновского).
- ⁹ Об издаваемых «Мусагетом» сборниках «Логос» см. прежде всего кн.: «Логос» в истории европейской философии. Проект и памятник / Под ред. Н. С. Плотникова. М., 2006.
- ¹⁰ См. прим. 2 к п. 12.
- ¹¹ Вероятно, от *фр.* *gouter* — попробовать, смаковать.
- ¹² Этот разговор мог состояться в мае 1910 г., когда Белый принес М. О. Гершензону сразу несколько образцов продукции «Мусагета»: «Тороплюсь: сейчас пришла Ал. Ник. <Чеботаревская> (она со мной как всегда, не обижена), а вслед за тем А. Белый: принес мне Логос, Серебр<яный> голубь и Гиппиус. Они сидят у Е.Н. <Орловой> и ждут меня чай пить» (Письмо М. О. Гершензона к жене от 19 мая 1910 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 21. Ед. хр. 19. Л. 1–1 об.). Ср., кстати, характеристику Гершензона, данную Белым при обсуждении будущих сотрудников «Трудов и дней»: «Гершензон (не жид, а еврей, знаток эпохи 30-х годов, честный, часто интересный, благородный — *очень полезен*)» (Из письма Метнеру конца лета — начала осени 1909 г. // РГБ. Ф. 169. Карт. 2. Ед. хр. 4. Л. 4).
- ¹³ Ср., напр., в письме Метнера к Белому от 19 июля 1911 г.: «Вы <...> не в состоянии быть русским европейцем и мечетесь от западничества к славянофильству и обратно; <...> Вы <...> не в состоянии быть в дружбе с мистикой, не ссорясь с общественностью (и обратно) <...> Вы летите от *Мусагета*, в кот. видите слугу гнилого Запада, и *Орфея*, в кот. усматриваете руководителя мистических миазм, в *Путь* или еще какой-н. петербургский орган, кот., по-вид<имому>, нарождается усилиями Блока и др.» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7. Л. 20).
- ¹⁴ Череду этих знамений Белый описывает в письме к Блоку из Брюсселя от 1/14 мая 1912 г.: Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. С. 454–457.
- ¹⁵ Этот сон подробно описан в том же письме к Блоку: «Оба засыпаем — оба видим один сон: зала, по зале проходит Штейнер, окруженный толпою; у Штейнера другое, не штейнеровское лицо; вот что мы видели оба; я более детально не видел; Ася видела все подробнее. Она видела, что Штейнер не Штейнер, а какой-то другой с островыраженными чертами лица; через мгновение лицо его сменилось другим лицом, а голос сказал: “Что Вы все ищите Штейнера, когда он тут”. Это тут звучало, как: “Тут — в Брюсселе”... Когда мы проснулись и пересказали друг другу сны, то мы не удивились: общие сны уже не раз случались у нас. Удивительно прозвучал лишь невыразимый в словах темп сна» (Там же. С. 454–455).

- ¹⁶ Имеются в виду события середины марта — начала апреля 1904 г., когда Белый, угнетаемый личными переживаниями, спешно выехал из Москвы в Нижний Новгород к Метнеру.
- ¹⁷ Эти слова Штейнера Белый приводит в письме к Блоку от 1/14 мая 1912 г., ссылаясь на эпистолярное сообщение одного из русских слушателей его Гельсингфорских лекций: «В эти дни (по письмам из Москвы я узнал впоследствии) в Гельсингфорсе двое из наших встречали со Штейнером русскую Пасху, разговлялись вместе (в Гельсингфорсе были лекции Штейнера); в эти же дни тайно от немцев (чтобы их не обидеть) Штейнер говорил долго о значеньях и судьбах России кучечке русских, приехавших к нему из Москвы; о содержании лекции писали мне, что его передать невозможно, что *“будущего России нельзя ждать, что это — чудо, можно лишь его призывать”*. И еще вот его слова: “Она (Россия) так долго плакала детскими слезами, и еще ей предстоит этими слезами столько же проплакать...” С этими словами он подошел к окну, взял портрет Вл. Соловьева и долго в задумчивости смотрел на него...” (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. С. 455).
- См. также прим. 34 к этому письму.
- ¹⁸ Из этой оговорки вырастет масштабная полемика автора и адресата письма, запечатленная в двух книгах: *Метнер Э.* Размышления о Гете. Кн. I: Разбор взглядов Рудольфа Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма (М., 1914) и ответ на нее: *Андрей Белый.* Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности (М., 1917).
- ¹⁹ Один из центральных пунктов религиозного быта Мережковских — вопрос о молитвенном размежевании с официальной церковью; Белый, участвовавший в их домашних богослужениях, хорошо представлял себе их позицию в этом вопросе.
- ²⁰ Т. е. розенкрейцерством.
- ²¹ Белый подразумевает время, прошедшее с осени 1910 г., когда он сам, Метнер, Петровский, Сизов и Киселев, инициированные А. Р. Минцловой, начинают обсуждать практические аспекты розенкрейцерства (см.: *Серков А. И.* Предисловие // Киселев Н. П. Из истории русского розенкрейцерства. СПб., 2005. С. 34–35). Ср., кстати, ретроспективный взгляд: «<...> ее посредничество между интимным кружком и учителями, долженствовавшими среди нас появиться, превратилось в хроническое состояние ожидания, во время которого на наших глазах нарушилось равновесие Минцловой; ее первоначальные ценные указания и уроки (позднее обнаружилось, что эти уроки — материал курсов Штейнера) все более и более отуманивались какими-то не то бредовыми фантазиями, не то кусками страшной действительности, таимой ею, но врывавшейся через нее в наше сознание и заставлявшей меня и Метнера чаще и чаще ставить вопрос о подлинности того *“братства”*, которого представительницей являлась она <...>» (Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 453).
- ²² Т. е. религиозных философов из круга издательства «Путь» (Н. А. Бердяев, В. Ф. Эрн, Е. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков и др.).
- ²³ Эту лекцию Белый и Тургенева слышали 6 мая в Кельне (см.: *Снивак М. Л.* Андрей Белый — мистик и советский писатель. М. 2006. С. 42).
- ²⁴ Ин. 16:12, 15:26.
- ²⁵ Имеется в виду курс из восьми лекций на темы: «Об инициации. О вечности и мгновении. О духовном свете и жизненной тьме», прочитанный Штейнером в Мюнхене с 25 по 31 августа 1912 г. Киселев выполнил пожелание Белого; последний писал матери 14/27 августа: «Здесь до 30 человек русских. Из Москвы здесь: Петровский, Сизов с женой, М. И. Сизова, Викентьев, Киселев, madame <Е. Ю.> Недович, Волошина, Григоров с женой и др. Из Петербурга приехала Сер<афима> Павл<овна> Ремизова, жена Алексея Михайловича» («Люблю Тебя нежно...»). Письма Андрея Белого к матери. С. 159).

- ²⁶ Белый и А. С. Петровский приятельствовали с 1899 г., когда оба поступили на отделение естественных наук физико-математического факультета Московского университета; см.: *Малмстад Д.* «Мой вечный спутник по жизни» // Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. С. 6 и сл.
- ²⁷ Вероятно, подразумевается разговор конца февраля — начала марта 1909 г., когда оба приятеля гостили в имении Рачинских, или конца марта — начала апреля 1910, когда с ними там была А. Р. Минцлова (см. их общее письмо к Вяч. Иванову от 7 апреля 1910 г. (Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова (1904–1920)). С. 58–59; дата отъезда, вопреки установившимся сведениям — 26 марта, ср.: «Вчера мы уехали с Б. Н. в Бобровку. Я заходил днем с тобой повидаться и проститься, но не застал: постучал и ушел. Думаю пробыть, пока не будут кончен Рэйсбрук и Бодлэр, которого отдал в печать наполовину». — Письмо Петровского к Киселеву от 27 марта 1910 г.: РГБ. Ф. 128/III. Карт. 18. Ед. хр. 46. Л. 5 об.).
- ²⁸ Белый был в Каире с середины марта до начала апреля 1911 г.; см., в частности, п. 15.
- ²⁹ Подборку сведений, составляющих контекст этой фразы, см.: *Малмстад Д.* «Мой вечный спутник по жизни». С. 6–7.
- ³⁰ В конце лета 1903 г. Петровский резко переменял свою жизнь и поступил в Духовную Академию (см.: Там же. С. 21–22 и сл.).
- ³¹ До крайних пределов (*лат.*).
- ³² Из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа» (1828).
- ³³ Намек на эсхатологическую презентацию Сизова (вкупе с собственным соответствующим метаописанием); ср., напр., в письме к Блоку от 6 февраля 1905 г.: «Мы сидели молча с рыжим апокалипсическим всадником (Сизовым). Мы молчали. Рыжий всадник кротко возразил Култышко на тему об “общине”. После мы шли с рыжим всадником. Была тишина. Весна. Ласка искристых фонарей... Он говорил: “Смотрите, повторяется. Она опять близко”...» (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. С. 197; Култышко неопознаваем). Об инфернальных ассоциациях рыжего цвета у Белого см.: *Бойчук А. Г.* О «Кубке метелей» Андрея Белого. М., 2015. С. 81. Об обстоятельствах знакомства с Сизовым см.: Лавров А. В. Символисты и другие. С. 449.
- ³⁴ Среди сохранившихся писем Сизова к Белому, помеченных Ялтой нам не попалось, но есть два письма 1905 г. из Алушты (РГБ. Ф. 25. Карт. 22. Ед. хр. 26. Л. 40–43 об., 48–49 об.).
- ³⁵ Встреча с Эллисом произошла буквально за несколько дней до этого момента; ср. в письме Белого к матери от 5/18 мая 1912 г.: «Мы вернулись в Брюссель <из Кельна> точно во сне. Написали Эллису в Берлин о нашей встрече со Штейнером. Через два дня к нам прилетел Эллис, взявший отпуск у Доктора, и провел с нами 3 дня. Эллис очень окреп, очень помолодел, изменился к лучшему. Он — бритый, и ему это очень идет. Мы читали дневник Эллиса (записанные им беседы со Штейнером: это нечто удивительное)» («Люблю Тебя нежно...»). Письма Андрея Белого к матери. С. 154); исключительно подробно эта же встреча описана в письме к Блоку от 19 мая / 1 июня 1912 г. (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. С. 464–467); судя по нему, Эллис приехал в Брюссель утром 2/15 мая. Об этом же свидетельствует написанное в тот же день (судя по почтовому штампу) письмо Белого к Метнеру: «Пишу Вас не по личному делу, а по делу Эллиса. Дорогой друг, извините если я вмешиваюсь в отношения между Конторой “Мусагета” и Эллисом (Эллис у меня в Брюсселе), но: контора “Мусагета” ужасно с ним поступает. Эллис всю ту зиму *го-ло-дал*. И мой долг вмешаться» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 61. Л. 1). Ср. впечатление Эллиса, высказанное в недатированном письме к Киселеву: «Мое свидание с Белым в Брюсселе было ознаменовано несомненными, редчайшими и благословенными

явлениями: был сильный запах невидимых роз, световые явления и звуки» (РГБ. Ф. 128/ III. Карт. 12. Ед. хр. 2. Л. 16).

- ³⁶ Бундом Белый иронически называет «Антропософское общество»; ср. в письме к А. С. Петровскому от 27 июня /10 июля 1912 г. «Я в *Т<еософское> О<бщество>* не поступлю, а в *Бунде* с Асей конечно будем» (Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. С. 216–217).

- ³⁷ Этот термин был разъяснен самим Белым:

«<...> соединение сектантства с поразительным отсутствием интересов к чему бы то ни было, кроме Штейнера, характеризовало тот тип теософов, которые были прозваны “*теософскими тетками*”; и характеризовала тот тип удивительная любовь к сплетням (мистическим, оккультическим, просто житейским).

Да, “*тетка*” есть тип: подавлял он количеством; придя в общество, не разглядели б сразу вы действительно замечательных, образованных, углубленных людей (они были — не в малом количестве; и они доминировали морально); но “*тетка*”, так сказать, выступала наружу при первом знакомстве с движением Штейнера: она первая к вам подсказывала, начинала учить, агитировать, ставить отметки вам, даже за вами подглядывать; с беззаветным усердием “*тетка*” готова была наставлять вас, расстраивать даже семейную жизнь. Вид этой тетки? Бледна, зелена, некрасива, немолода, худа, часто в очках, часто стриженная, в яркой тунике, в яркой столе, не гармонирующей с цветом туники, с преогромным крестом на груди, с острым носом <...>» (Андрей Белый. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 781).

- ³⁸ Имеется в виду встреча русской Пасхи 1912 г. в Гельсингфорсе Штейнером и его учениками (см. прим. 17 к этому письму): предшествовавший ей цикл лекций слушали М. И. Сизова, В. М. Викентьев, К. П. Христофорова, М. И. Сизов, А. С. Петровский, Б. А. Леман и Эллис; главным информантом Белого, судя по всему, был последний; ср. резюме:

«Любопытные вещи Эллис рассказывал про Гельсингфорс (где у Штейнера был, между прочим, и Леман), но Леман не присутствовал на русской встрече Пасхи. А говорят, это было нечто незабываемое. Было всего 17 русских и с ними Штейнер. Когда он разрезал кулич и роздал, то вдруг наступило молчание, продолжавшееся 20 минут, во время которого поднялась такая буря астрального света, что нельзя было выдержать (ежегодно около Штейнера по несколько случаев сумасшествия: не выдерживают страшной напряженности в атмосфере буквальных чудес в его окружении — кстати: сейчас около него начинает видеть слепой, у которого разрушилась уже клетчатка глаза). После этого он встал и ушел. За ним бросились все русские и отнесли ему цветы. Эта встреча в Гельсингфорсе была первой встречей Доктора <с> Россией, и первым реальным его приближением к России, за которой последуют и другие встречи» (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. С. 464).

Обращение Штейнера к русским слушателям его лекций в Гельсингфорсе, произнесенное 11 апреля 1912 г., сохранилось и напечатано: *Штейнер Р. О России. Из лекций разных лет.* СПб., 2013. С. 11–22.

- ³⁹ Речь идет о кольце с розенкрейцерским символом (крест, вписанный в круг), которое А. Р. Минцлова отдала Белому накануне своего таинственного исчезновения 17 августа 1910 года: «<...> Минцлова, уезжая, дала мне кольцо свое; и сказала: — когда к Вам придет человек, произнеся текст (такой-то), вы вынете кольцо и ответите ему текстом (таким-то); и после того он откроется вам, объяснивши, что он — розенкрейцер; то будет — чрез год, в то <же> время или — в сентябре. И тогда, если вы захотите, вы можете говорить о “*пути посвящения*” с ним» (Андрей Белый. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 643).

Просящиеся на перо коннотации с узловым сюжетом эпопеи Д. Р. Р. Толкиена вряд ли будут уместны на этих страницах.

22. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

Около 19 мая / 1 июня 1912. Брюссель.

Дорогой и близкий мне Николай Петрович!

Вчера получил Ваше хорошее письмо. Спасибо за ответы по пунктам. Я хотел бы лишь написать Вам, что многое в моем письме (коллективном) вероятно эмоционально несправедливо, и я искренно прошу меня извинить. Но этот эмоциональный тон, повторяю, вызван письмами Э. К., неоднократно писавшего мне в таком тоне, что у меня не оставалось сомнения: я принужден был думать, что Вы, друзья мои, считаете, что я совершил какую-то измену. Я просил убедительно Э. К. писать в более спокойном и корректном тоне; и в ответ получил еще более нападающее письмо, мелочность обвинений (если бы они и были справедливы), высчитывания количества прегрешений и т. д., размазанное на 25 страницах большого формата¹, вместе с тем молчание Миши и Алеши, которым я писал² — все это и вызвало с моей стороны коллективное письмо. Так что Ваше письмо и письмо Ал. Сергеевича³, полученные впоследствии, мне показали, что Э. К. *больной расстроенный* человек, и я пожалел, что поднял такой шум на истерические многостраничные письма. Тщетно я умолял Метнера *не писать* мне длинных нападательных писем (после каждого у меня пропадало <sic> часть охоты иметь реальное сопр<яжение> с *Мусагетом*). Я и теперь получаю громадные письма, где *отражаются последние мои* разъяснения и т. д. Чего Э. К. хочет так истерически *воля* 2 месяца, не знаю⁴. Я же отказываюсь ему отвечать по пунктам, жалею, что написал оба коллективных письма, свидетельствую Вам свою искреннюю неизменную любовь и преданность. Мой адрес: France. Bois-le-Roi. Seine et Mame. Chez Monsieur Pierre d'Alheim⁵. Мне.

Мой привет Вашей супруге. От Аси привет. Искренне преданный Борис Бугаев. Из Bois-le-Roi напишу.

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 10. Л. 1–2 об.
Конверт. П.ш.: Брюссель (1.6.1912); Москва (22.5.1912).

¹ Письмо это, кажется, не сохранилось.

² Из майских писем к М. Сизову и А. Петровскому, касающихся этого сюжета, сохранилось только послание к последнему от 11/24 мая (Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. С. 201–205).

³ На сегодняшний день — не разыскано.

⁴ На одно из этих писем (по большей части ныне утраченных) Белый отвечал:
«Сейчас получил Ваше письмо длинное. Прошло около месяца после отправки моего письма до Кельна, до ряда событий невероятных в нашей жизни с Асей. И ответ Ваш через месяц повергнул меня в грустное чувство: *когда же все это кончится!* Вот два уж месяца, как хочу я Вам написать о целой *эпохе*, нами пережитой, но Ваши письма отнимают *какую бы то ни было возможность психически* иметь с Вами общение духовное вне *Кожебаткина* и продажи *романа*, который, кстати сказать, я не мог писать около 3 недель из-за писем Ваших» (Письмо от 19 мая / 1 июня 1912 г. (по п. ш.)// РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 62. Л. 1–1 об.).

Всего четыре дня спустя Белый отвечал на, вероятно, новое письмо:

«Что Вы все толкуете о моих поступках, стоите над душой и два месяца не даете мне покоя. Вы мне сорвали мою работу, измучили — и гвоздите, гвоздите, гвоздите. Убедительно прошу Вас, дорогой друг, что лучше вообще не писать мне, чем безрезультатно препираться и попирает меня и самому препираться о мои письма, которые суть лишь самооборона» (Письмо от 23 мая / 5 июня 1912 г. (по п. ш.) // РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 63. Л. 1 об.–2).

Впрочем, вскоре тон писем изменился: «Позвольте мне через раздирающую наши отношения полемику принести мои искренние извинения в резком тоне всех моих отповедей Вам» (недатированное (июнь 1912?) письмо // РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 64. Л. 1).

- ⁵ Имение П. И. и М. А. д'Альгеймов недалеко от Фонтенбло, куда Белый отправился в начале июня (н. с.); ср. в письме к матери от 20 мая/11 июня 1912 г.:

«*Bois-le-Roi* нечто вроде дачного места под Парижем. Кругом леса, идущие в Фонтенбло <так в книге>. Я устал в Брюсселе; и когда наступила жара, то не мог работать. Ася меня отправила работать одного в *Bois-le-Roi*, а сама осталась на неделю в Бельгии оканчивать работу у Данса (переехала к нему). Завтра она приезжает. <...> Живу в милом домике с громадной библиотекой очень редких и ценных книг. Жду с нетерпением Асю. Мы пробудем в *Bois-le-Roi* до начала июля» («Люблю Тебя нежно...»). Письма Андрея Белого к матери. С. 156; в публикации Д. Мальмстада злосчастный топоним читается «Фонтенебло»; вместо «наступила жара» — «наступили жары» (последнее кажется, кстати, естественнее); см.: Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 121).

23. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

4/17 июня 1912. Кельн

Дорогой друг!

Спасибо за присылку «*Инкунабул*»¹. Просмотрел и увидел, что должно быть много было труда.

Еще раз спешу заверить Вас в моей искренней любви и просить Вас извинить меня за всю хаотическую сложность моих «*посланий*». Продолжаю чувствовать «*Коллектив*» вопреки письмам. И да — *он есть*. Продолжаю чувствовать *связующее нас Главное*. Кроме личной привязанности и дружбы, кроме Главного есть еще мотив быть нам вместе: *нас так мало; и мир нас не любит*. Никакая *пря* нас не разъединит.

Милый Николай Петрович! приезжайте же в Мюнхен². Право, будет хорошо для нас всех и для Вас *даже в случае* если Ваш приговор Штейнеру будет отрицателен. Все-таки *это надо видеть и не раз, и не два: такого второго явления нет в мире*. Надо не на основании личных догадок *решить*, что всем нам вместе и каждому порознь делать с явлением этим. Скоро буду Вам писать о *тысячи и одной ночи* происходившей с нами все два месяца нашей брюссельской жизни³. Итак крепко жму руку и обнимаю Вас. Любящий Б. Бугаев. Ася приветствует Вас.

<Примиска:> Адрес до 20-х чисел русского июня. France. Bois-le-Roi. Seine et Marne. Chez M. Piesre d'Alheim. Мне.

- * РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 11. Л. 5–6 об.
Конверт. П.ш.: Кельн (17.6.12); Москва (8.6.12).
- ¹ Имеется в виду первая часть труда Киселева: Каталог инкунабулов Московского Публичного и Румянцевского музеев. Вып. 1. Инкунабулы «Румянцевского музеума» / Сост. Н. П. Киселев. М., 1912.
- ² Киселев действительно присутствовал на августовском курсе Штейнера в Мюнхене (см. прим. 23 к п. 21), что, впрочем, отчасти могло быть и почти случайностью: он был командирован в Германию Румянцевским музеем для изучения библиотечного дела. Ср., впрочем, упоминание про «несколько очень больших разговоров», состоявшихся между Белым и Киселевым в Мюнхене (Из письма Белого к Петровскому от 24 сентября / 7 октября 1912 г. // Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. С. 220).
- ³ Имеется в виду череда мистических явлений, связавшихся для Белого с предстоящим визитом к Штейнеру (см. прим. 14–15 к п. 21).

24. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ИЗДАТЕЛЬСТВУ «МУСАГЕТ»*

Август 1912. Мюнхен.

«Мусагету».

В виду всевозможных осложнений в прошлом и для пресечения взаимного непонимания в будущем я суммирую то, что имею сказать «Мусагету» (редактору-издателю или той корпорации лиц, находящихся в Москве и связанных с Издательством, которая составляет идейную группу «Мусагета»).

Разделяю мои пункты на пункты теоретического порядка, предложения, недовольства.

1. Пункты теоретического порядка.

Здесь определяю свой взгляд на «Мусагет».

1) Предполагаю, что «Мусагет», если помнить историю его возникновения, не есть только издательство, но издательство, имеющее идейные цели.

2) Предполагаю, что я член Редакции, более того, член Редакции — проводивший реально свои взгляды в «Весакх». И потому считаю возможным вмешиваться во все детали издательства. (Если оба мои предположения не разделяются редактором-издателем или коллегией лиц, составляющих «Мусагет», прошу меня своевременно вывести из заблуждения).

3) Я считаю, что «Мусагет» не есть только полезное Книгоиздательство, но и живое дело, формы проявления которого разнообразны, гибки, текучи; как живое дело, «Мусагет» не может руководиться застывшим Кодексом Кодификации и параграфов. Как живое дело, «Мусагет» должен более заботиться о тактике и выявлении себя во времени: слышать «шум времени»¹, ибо само собой разумеется, что Члены Редакции «Мусагета» относятся с уважением к Прекрасному, Вечному, неизменному во все времена². Но на вечном и прекрасном в этой плохой современности не построишь живого дела: культурные

ценности или *творяются* или культурные ценности являются предметом разговора. Я понимаю *Мусагет*, как самое творчество того, что впоследствии будет объектом рассуждения, *культура* он или нет, и не довольствуюсь пониманием «*Мусагета*», как учреждения, заключающего культурные ценности всех веков и народов в переплете с изображением марки «*Мусагета*».

4) То есть: «*Мусагет*» не музей, а храм, а — живой алтарь.

5) Алтарь служения русскому и не русскому символизму (в предположении, что символизм само собой разумеется есть *культура*).

6) Есть творчество культуры: и есть констатирование культурных ценностей. Есть буддийская, христианская, арийская и т.д. культуры и есть Будда, Христос, Зигфрид и т.д. Не знаю, был ли культурен Господь наш Иисус Христос, но знаю, что он создал культуру. Хотел бы, чтобы «*Мусагет*» служил тому, что впоследствии может быть рассмотрено, как новая культура. В словах «*мистерия*», «*религия*», «*посвящение*» слышу нечто, часть чего впоследствии бывает всецело *культурой*. Не знаю, культурен ли я, утверждая, что *культура* есть остывание *лавы* творчества; а сама *лава* творчества продукт посвяжительного религиозного огня. Не полемизирую со словом *культура*, но в своем личном деле в оном не нуждаюсь, предоставляя оформливать <sic> уже со стороны, культурна ли моя литерат<урная> деятельность или нет.

7) «*Мусагет*» отсюда для меня — алтарь служения Ведомому мне Богу: форма же проявления служения этому Богу сообразна с «*шумом времени*». Признаю лишь *до некоторой степени* (но признаю всецело), что иногда время определяет эти формы так, что Ведомый Бог в этих формах является, как Неведомый, т.е. в маске за подписью «*Культура*». Этому Богу служу с ограничением (но служить могу).

8) В этом смысле для меня *Маской* божественного дыхания был символизм, и я лично в слове *Культура* не нуждался: если в этом слове нуждаются мои сотоварищи по Редакции, протестовать я не буду, но буду стремиться акцентировать иные слова: *мистерия*, *Бог*, и наконец *Символизм*...

9) Алтарем «*неведомому богу*» (в сущности ведомому) был для меня Символизм, в тайном своем предчувствующий «*новую землю и новое небо*». Эта нота звучала в Вл. Соловьеве: но в *символизме* специально это предчувствие внесли В. Иванов, Ал. Блок и я.

10) Как один из трех, собственно двух, теоретиков русского символизма я в *Мусагете* не могу допустить, чтобы эта нота [моего идейно-литературного] *не была уважена*, т.е. чтобы со мной не считались.

11) Символизм был лишь вопросом, осознанием первоисточника великой культуры грядущего чрез *ars* в *mysterium*.

12) Реальным раскрытием символизма для меня является *розенкрейцерство*. Отношение к *розенкрейцерству* не минуешь при осознании реальных путей *культурной* работы в «*Мусагете*».

13) Слово «*окультизм*», стоящий <sic> в программе моего товарища по Редакции Эллиса вызывает ряд недоразумений (есть *окультизм* и *окультизм*)³. Будучи до сих пор согласен с товарищем Эллисом я заявляю, что под

окультизмом разумею я некоторые стороны развития, бессознательно затронутые символизмом и реально осознанные в *розенкрейцерстве*. В этом смысле розенкрейцерский оккультизм лишь углубляет *тайное чаяние русского символизма* и не становится в отношении антинормы с моим пониманием «Культуры». Я считаю единственно реальным углублением символизма в ~~ф~~: я с ~~ф~~ не вопреки моей литер<атурной> деятельности, а *благодаря*.

14) Не знаю, «Культура» ли мои *симфонии*, но писал я их с иным чувством, нежели чувство культурного служения; я писал их, как реальное предчувствие космических событий будущего, а не как *образы* на потребу культурного созерцания.

15) Не удивительно, что единственным продолжением моего пути есть то течение, в котором слышу я прямой ответ на чаяния, отображенные в моих произведениях; и мой путь не может быть связан констатированием, что и эти чаянья тоже «культура», что и им есть местечко в этнографическом музее Культур всех веков и народов.

16) Я — писатель идейный: и идейное вмешательство мое в идейный путь «Мусагета» неизбежно, пока я состою Членом Редакции «Мусагета».

17) Или напротив: если мой путь реализации культуры будущего и служения культуре будущего в ~~ф~~ символизме и в ~~ф~~ оккультизме признается реально нарушающим *Status quo* понимания культуры «Мусагетом», я прошу не о<б>ращаться ко мне с вопросами идейного порядка.

18) И в последнем случае Мусагет остается для меня чрезвычайно нужным книгоиздательством, с которым я могу быть периферически связан идеями и кровно связан практически, как писатель, нуждающийся в дружеском издательстве.

19) Все пункты, намеченные здесь, касаются не вопроса моего об участии в Мусагете, а вопроса о том: емь ли я, как и Эллис, один из руководителей издательства.

20) Если мы с Эллисом признаемся действующими членами Редакции, я просил бы считаться с нашими мнениями хотя бы в такой мере, в какой считались с нашими мнениями 2 последних года существования «Весов», где мы делали реально политику «Весов», хотя и не были во всем согласны с Брюсовым⁴.

21) В «Мусагете» же абсолютно не считаются с Эллисом; и часто лишь уведомляют меня о состоявшемся без нас решении, что есть в сущности *nonsens* (стоит уехать из Москвы, как остаешься в полной неизвестности о «Мусагете»).

22) Если же более реальное вмешательство в дела и судьбы *Мусагета* не признается желательным, я просил бы точного уведомления о *степени* нашего вмешательства и *кодификации* границ нашего участия в установлении программы деятельности.

23) Если же мы вовсе устраняемся из *Мусагета* и *В. Иванов* и *Ал. Блок* не призываются Э. К. Метнером на наше место, для меня явствует, что на штабквартире русского символизма спущен флаг движения, так или иначе (с *Мира Искусства*) где либо развевавшийся в продолжении 12 лет.

И тогда это есть момент исторический: русский символизм, не имея пристанища, обращается в странствование подобно бегунам не имеющим града⁵.

24) Это спущение флага движения не упраздняет, конечно, полезной роли книго-издательства, в котором мы надеемся найти приют для наших книг. Весь вопрос тут в установлении внутренней связи своего «Я» с внутренней жизнью *Мусагета*.

25) Так же мы будем сотрудничать, присылая наши рукописи, ждать появления наших книг; но мы не будем тогда заявлять, что *Мусагет* есть издательство, судьба которого связана с тем, что установлено нами, как путь (мною в «Символизме» и «Арабесках», Эллисом в книге «История русского символизма»).

Вот пункты теоретические.

Предложения.

1) Надеюсь в недолгий сравнительно срок вернуть «*Мусагету*» мой долг *Мусагету*⁶.

2) Подобно тому, как *Мусагет* признал полезным издать собрание стихотворений Ал. Блока⁷, не найдет ли *Мусагет* полезным реально приступить к скорейшему изданию

а) Моих четырех *Симфоний*.

б) Моих стихов в 2-х томах, где я бы сделал выборку.

в) «*Путевых Заметок*».

д) Первой части *Голубя* (в случае принципиального согласия о первой части *Голубя* я пишу особое письмо)⁸.

В таком случае, если это предложение принимается и осуществляется в ближайшем будущем, то часть моего долга покрывается гонораром за означенные книги. Если бы *Мусагет* сделал мне 1½ года тому назад соответствующее предложение, то значительная часть долга моего была бы покрыта. Я много слышал о том, что можно было бы издать мои произведения и о том, как долг мой бременит *Мусагет*. Почему же за 1½ года со стороны *Мусагета* не было предпринято шага, облегчающего мне уплату долга и облегчающего *Мусагет*, хотя бы тем, что книги готовы, авторский гонорар уплачен и т. д.

Будь это сделано ранее, мы стояли бы на пути ликвидации наших деловых счетов.

Ведь сумма гонорара за помеченные книги превысила бы 1000 рублей, т. е. освободила бы мне 1000 рублей при уплате долга после ликвидации с именем⁹.

Я молчал, или признаться, я ждал со стороны *Мусагета* этого предложения. Но предложения не было.

Недоумения.

1) Почему *Мусагет* не отвечает на письма?

2) На мое деловое письмо, как Редактора «*Трудов и Дней*» около 3 месяцев тому назад, я не получал никакого ответа от секретаря В. Ф. Ахрамовича¹⁰; между тем в этом письме я спрашивал, к какому сроку мне готовить статью для

3 № и какой материал имеется в портфеле Редакции¹¹. Дважды я спрашивал и не получив *ответа*, решил, что умываю руки. Лишь от Э. К. Метнера чрез 1½ месяца я получил извещение в тоне сетований, что материала нет, и что № выходит летом¹².

Симптоматичная, ужасающая халатность в деле письмен<ных> ответов *лишает меня всякой возможности* сноситься с Ред<акцией> «Труд<ов> и дней».

3) На мое деловое письмо, где Редактор Э. К. Метнер, мне ответили, что адрес Э. К. Метнера неизвестен¹³. А у меня вопрос, от которого зависит все мое будущее в ближайшие дни. *Подчеркиваю*: адрес Редактора должен быть известен *всегда*.

4) На мою телеграмму В. Ф. Ахрамовичу ответ получил А. С. Петровский в такой форме: «Передайте Бугаеву, что адрес Метнера неизвестен»¹⁴.

5) Я прошу передать В. Ф. Ахрамовичу, что не ответ на деловое письмо и ответ на телеграмму не мне, а Петровскому, рассматривается мной, как нарушение элемент<арных> правил приличия (адрес ведь мой в Мусагете). Должен ли я в таком молчании видеть неуважение и игнорирование меня лицом, стоящим непосредственно при *Мусагете*. Или и это лишь *досадная оплошность*?

Я просил бы вообще раз навсегда принять во внимание, что я никаких ссор не желаю, но это хронически и в Африке, и в Боголюбове, и в Мюнхене в деле сношения с Редакцией наталкиваешься на сплошные бестактности, в результате которых в душе накапливается досада, так что все вопросы, связанные с *Мусагетом*, при их постановке приобретают *несимпатичный оттенок* какой-то затаенной враждебности со стороны остающихся членов Редакции в Москве и нервной повышенности в тоне писем со стороны членов Редакции, вынужденных проживать за чертой Москвы.

Я хотел бы, чтобы это оказалось обычной формой московской небрежности, а не выражением враждебного настроения. При последнем, согласитесь, трудно иметь сношения с *Мусагетом*.

Примите уверение в моем уважении

Борис Бугаев.

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 8. Л. 4–15 об.

Конверт, не прошедший почту. Надпись: «*Мусагету*. (Редактору Издателю, или коллегии лиц)».

Датируется условно по упоминанию писем в «Мусагет» с требованием адреса Метнера; эту же историю Белый рассказывал М. К. Морозовой, датируя ее августом и связывая с приездом в Мюнхен группы московских антропософов (см. прим. 13). Учитывая, что письмо не прошло почту, можно предположить, что оно было передано с кем-то из возвращавшихся домой москвичей.

¹ Одно из самых ранних появлений у Белого это прославленного в будущем выражения (годом раньше Белый без кавычек, но с подчеркиванием использует его в письме к Блоку; см.: Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. С. 416); в печати оно, кажется, впервые появится в финале «Котика Летаева».

- ² Ср. центральный лейтмотив «Симфонии (2-й, драматической)»: «Невозможное, нежное, вечное, милое, старое и новое во все времена» (*Андрей Белый*. Собр. соч.: Симфонии. М., 2014. С. 93).
- ³ С осени 1910 г. Эллис был страстно увлечен теософией; см.: *Майдель Р. фон*. «Спешу спокойно...»: К истории оккультных увлечений Эллиса // Новое литературное обозрение. № 51. 2001. С. 214–239.
- ⁴ В этом утверждении содержится довольно значительное полемическое преувеличение.
- ⁵ Имеется в виду секта бегунов, одно из ответвлений старообрядчества (см., напр.: *Островский Д. В.* Каргопольские «бегуны» (Краткий исторический очерк). Петрозаводск. 1900). Белый изучал раскольничьи толки во время работы над «Серебряным голубем».
- ⁶ Довольно сложная история финансовых взаимоотношений издательства «Мусажет» (прежде всего — его владельца Э. К. Метнера) и Белого отчасти проясняется из предыдущих и следующих писем. В письме к Вяч. Иванову от 3 апреля 1912 г. Э. К. Метнер говорит, в частности: «Бугаев должен Мусажету больше 3000 р. <...>» (*Богомолов Н. А.* Addenda et errata к публикации переписки Вяч. Иванова и Э. К. Метнера. С. 9). Ср. также в письме Белого к Блоку от 15 или 16 ноября 1911 г.: «“Мусажету” должен я 3000 (путешествие), которые уплачу по продаже имения и который соглашается ждать, но который не может без явного ущерба изданий помочь мне сейчас» (*Андрей Белый и Александр Блок*. Переписка. С. 427). В смете расходов «Мусажета» на 1912 год указано, что гонорар Белому за «Путевые заметки» был выплачен авансом (РГБ. Ф. 167. Карт. 17. Ед. хр. 20. Л. 3).
- ⁷ Трехтомное «Собрание стихотворений» А. Блока было выпущено «Мусажетом» в 1911–1912 гг.
- ⁸ Ни один из этих планов не был осуществлен.
- ⁹ Белому (в доле с его матерью) принадлежало имение близ Адлера в Сочинском уезде Черноморской губернии, которое он намеревался продать с середины 1900-х гг. (ср. в письме к З. Гиппиус от начала августа 1907 г.: «Вопрос о продаже земли на Кавказе, вероятно, затянется <...>». — *Неизвестное письмо Андрея Белого / Публ. В. Аллоя // Минувшее. Исторический альманах*. Т. 5. М., 1991. С. 209); позже он стал связываться с ним ряд смелых коммерческих планов (подробно изложенных в письме к матери августа 1913 г.): заложить его в банк, разбить на участки, сдать в аренду под плодородный сад, а впоследствии, когда к нему будет подведена Черноморская дорога, продать за изрядную сумму (см.: «Люблю Тебя нежно...»). Письма Андрея Белого к матери. С. 182–183).
- ¹⁰ Письма Белого к Ахрамовичу неизвестны. Последний, пересылая Метнеру послания Белого, пришедшие на адрес редакции, присовокуплял в недатированном письме: «С душевной болью пересылал я Вам письма Бориса Николаевича, потому что по рассказам приехавших из Мюнхена Петровского, Киселева и Сизова подозреваю приблизительное их содержание» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 16. Л. 11); ср. здесь же (речь идет о подготовке 4/5 выпуска журнала):
«Статей для “Трудов и Дней” нет совсем, никто не отвечает на письма, по выражению Степуна “Труды и дни” похожи на “чумных щенят”. Нам придется выпустить двойной номер (июль–октябрь), материалу необходимо листов на 8–9. Придется вероятно пополнить недостаток *литературного* (в специфическом смысле) материала *музыкальным*, от чего, надо думать, журнал только выиграет» (Там же. Л. 11 об.).
- ¹¹ Третий номер «Трудов и дней» за 1912 год планировался к выходу только осенью (ср. предварительный график, составленный Белым): «Предполагаемое содержание третьего, осеннего, номера (выйдет к 1-му сентябрю, 4-ый — в октябре, 5 — в ноябре, 6-ой — в декабре) <...>» (Письмо к Блоку от 8 или 9 марта 1912 г. // *Андрей Белый и Александр Блок*. Переписка. С. 443). Но редакция пересмотрела свои намерения и он был издан ранее (номинально датирован «май–июнь»). В конце мая еще правились

корректур (ср. письмо В.Ф. Ахрамовича к Вяч. Иванову от 22 мая, сопровождающее посылку гранок статей Ю. Верховского и К. Эрберга: РГБ. Ф. 109. Карт. 11. Ед. хр. 64. Л. 1). 15 июля 1912 г. Метнер писал Белому:

«№ III я выпускаю, не дожидаясь Скалдина от Вас и статьи Вячеслава» (цит. по коммент. Д. Мальмстада: Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. С. 225); ср. в его письме тому же адресату от 13–14/26–27 сентября: «№ III май–июнь не мог быть мною выпущен в конце июля из-за того, что ни Вы, ни Вячеслав не возвращали статей, отосланных на просмотр; Вячеслав не присылал корректуры своей статьи; а Вы ничего как “Андрей Белый” не слали. Я уехал, оставив распоряжение немедленно выпустить № III, не дожидаясь больше ничего, ибо есть же предел запаздыванию» (Там же).

¹² См. предыдущее примечание.

¹³ Это письмо не разыскано.

¹⁴ Ср. пересказ эпизода непосредственно в переписке участников.

«Месяц тому назад я узнал от москвичей, что пока адрес Ваш неизвестен. 16 дней тому назад, когда уже настала крайняя пора мне просто немедленно узнать, не поможет ли мне “*Musaget*” временно 200стами рублей <sic>, я запросил “*Musaget*” телеграммой, где Вы. Получил телеграмму с тем же лаконичным уведомлением “Адрес Э. К. Метнера неизвестен”. Уже две с лишним недели лежит в Москве мое письмо, где я умоляю тотчас меня уведомить, может ли “*Musaget*” немедленно мне помочь, ибо в противном случае через 2½ недели нас вышлют в Россию этапным порядком или посадят в долговую тюрьму (Швейцарские законы мне неизвестны)» (Письмо Белого к Метнеру от 27 августа/9 сентября 1912 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 68. Л. 1–1 об.).

Метнер отвечал ему 13–14/26–27 сентября: «Кто отправил Вам из редакции телеграмму “Адрес Э. К. Метнера неизвестен”???? Это чудовищно» (цит. по коммент. Д. Мальмстада: Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. С. 226). Злополучная телеграмма отложилась среди писем Белого к Петровскому: «PEREDAITE BUGAIEVU ADRES MEDNERA <sic> NIE ZNAJEM # ACHRAMOWICZ» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 70. Л. 6). Ср., кстати, в письме Белого к М. К. Морозовой около 28 августа/10 сентября 1912 г.: «Встревоженный, я хочу подробно все выяснить у Э<милия> К<арловича>. Мне говорят: адрес его неизвестен. Я еще жду. Телеграфирую в Москву. Получаю ответ: адрес неизвестен; и мое объяснительное письмо лежит в Москве без движения» (Андрей Белый. «Ваш рыцарь». Письма к М. К. Морозовой. С. 197–198). Здесь история обмена посланиями с редакцией отнесена к текущему августу.

25. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ и А. А. ТУРГЕНЕВА — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

21 августа/3 сентября 1912. Мюнхен.

Просим встретить Наташу¹ в 9, 9½ и 10 часов вечера, на Фридрихштрасс вокзале², в ресторане или в *sale d'attente*³.

Ася. Боря.

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 11. Л. 8.

Записка, не прошедшая почту. Помета получателя: 21 VIII/3 IX 1912. Мюнхен.

¹ Н. А. Тургенева (см. прим. 2 к письму 12). Н. А. Тургенева была вызвана в Мюнхен настоятельными письмами Белого и сестры:

«Милая, милая, милая Наташа!

Скорей, милая, учитесь немецкому и приезжайте непременно. Я зову Вас серьезно, по опыту. Вам очень нужно увидеть Штейнера. Приедете и узнаете почему: вот уже 2 месяца, как мы с Асей сумасшествуем: нет — то не сумасшествие. Ведь с нами происходили прямо невероятности, совершенно реальные необъяснимые вещи.

Около Штейнера хорошо, только запасайтесь силами: страшное напряжение. Изготовьтесь к тому, чтобы перенести в его антураже всякие недомогания. Если будут препятствия, милая, то напишите о них нам: вообще, рассматривайте препятствия, как нападения. Непременно будут гонения, и всякими мелочами будут бить под ноги: не обращайтесь внимания и приезжайте... В Мюнхене нам будет хорошо и спокойно, особенно <если приедете> в июле, прямо из Боголюб. В июле в Мюнхене из знакомых будет лишь Эллис, а он — ничего: не мешает.

В августе же, к курсу, приедут: Христофорова, жена Сизова, Сабашникова, может быть. Петровский, а может быть и Киселев.

Будет интересно и важно по-иному: но чтобы вжиться, лучше приехать к нашему приезду. Самое позднее, мы будем в Мюнхене 8-го июля, то есть русского июня 25-го. Если бы вы приехали числа 9, 10, то было бы дивно» (*Rizzi D.* Из архива Н. А. Тургеневой. Письма Эллиса, А. Белого и А. А. Тургеневой // *Europa orientalis*. V. XIV. 1995. № 2. С. 313–314; здесь же — приписка А. А. Тургеневой).

Ср. в воспоминаниях: «<...> приезд же Наташи Тургеневой-Поццо к нам, в Мюнхен, — событие для нас важное; мы подыскивали себе помещенье (против Мюнхенской академии, с пансионом, с прекраснейшим видом на арку, увенчанную коньями); и здесь ожидали свидания с Штейнером» (Андрей Белый. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 780). Ср. в недатированном письме Белого к М.К. Морозовой: «<...> ее <Н. А. Т.> мы выписали на наши средства к доктору, ибо ей так тяжело было и надо было, чтобы доктор лично ей помог» (*Андрей Белый.* «Ваш рыцарь»: Письма к М. К. Морозовой. С. 193). Письмо относится к возвращению Н. А. Тургеневой из Мюнхена в Россию через Берлин; ср. в датированном тем же 3-м сентября н. с. послании Белого к матери: «Сегодня утром проводили Наташу» («Люблю Тебя нежно...»). Письма Андрея Белого к матери. С. 160). Вероятно, дальнейший путь Н. А. Тургенева и Киселев должны были проделать вместе (см. п. 26). Ср., кстати, ее воспоминание год спустя: «Хотела бы суметь вам заменить в России Эллиса, признать в Вас Уинга, но даже не пытаюсь (а вы ведь мне поручены им в Мюнхене, год тому назад)» (Письмо к Киселеву от 1 августа 1913 г. (дата — по п. ш.) // РГБ. Ф. 128/III. Карт. 18. Ед. хр. 71. Л. 1 об.; Уингом Киселева называл Эллис). Ср., кстати, скепсис упомянутого Эллиса по ее поводу: «Не верю я и в Наташу Тургенева до конца, ни в Асю. Бабы они все! Сегодня Steiner, а завтра Бальмонт!» (Письмо к Киселеву от 7/20 января 1914 г. // РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 6. Л. 19 об.).

² Вокзал в Берлине.

³ Зал ожидания (*фр.*).

26. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

27 августа / 9 сентября 1912. Базель

Дорогой Николай Петрович!

Извините меня за это письмо, но через неделю нас посадят либо в долговую тюрьму, либо вышлют в Россию этапным порядком (швейцарские законы мне неизвестны). И это тяжелое положение, в которое мы попали благодаря двухнедельному молчанию «*Musageta*» и одного лица, к которому я обратил-

ся¹, заставляет меня очень Вас просить: если Вы мне не выслали еще 100 марок (что вполне вероятно, ибо Вы только что приехали в Москву), то ради Бога, в день получения письма вышлите по телеграфу на адрес: Suisse. Bale. Hôtel Bernerhof. Zimmer № 20. Мне². Через 4 дня последними деньгами уплачиваем по счету, после этой уплаты неделю еще будем в состоянии питаться и спать в долг, но: через 8 дней мы — банкроты.

Так подвела нас неотчетливость друзей («Мусаета» и одного лица, упорно молчащего на мое письмо), у нас отнята даже возможность заблаговременно занять, ибо я надеялся все на скорый ответ. Теперь остался единственный путь: путь *Ка-ра-ула!* В Москве опять будут толковать о моей истерике. А что проще: просто во-время ответить.

Остаюсь горячо преданный и любящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Ася сердечно кланяется Вам и спрашивает очень ли скучаете по пиве <sic> и хорошо ли довели Наташу³.

Наш привет Fray <sic> Kitty.

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 11. Л. 9–10 об.
Конверт. П.ш.: Базель (9.9.12); Москва (30.8.12).

¹ Судя по всему, речь идет об А. М. Поццо, который некоторое время спустя отправил Белому 130 франков, но неразборчиво написал фамилию, так что вышло «Rugdeff» и почта отказалась выдавать деньги (см. описание коллизии в письме Белого к Петровскому от 24 сентября / 7 октября 1912 г.: Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. С. 221). Не исключено, впрочем, что подразумевается М. К. Морозова, также отправлявшая перевод в Базель (см. письмо Белого от 11/24 декабря 1912 г. с промежуточным итогом их финансовых взаимоотношений: Андрей Белый. «Ваш рыцарь». Письма к М. К. Морозовой. С. 227–228).

² Вероятно, это был частный кредит (вне финансовых взаимоотношений с «Мусаетом»), договоренность о котором была достигнута при личной встрече.

³ См. прим. 1 к п. 25.

27. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

19 сентября / 2 октября 1912. Фицнау.

Дорогой Николай Петрович!

На днях пишу Вам большое письмо. Жаль, что Вас не было в Базеле¹. Теперь тихо живем до Берлина в очаровательном месте, вид которого нелепо размалеван на открытке; у окон плещется озеро². Сзади горы: впереди — снега дальних Альп.

Привет Frau Kitty.

Любящий Вас Б. Бугаев.

P. S. Не забывайте нас!

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 11. Л. 12.
Открытка с видом Vitznau. П.ш.: Vitznau (2.10.12); Москва (22.9.12).

- ¹ Т.е. на базельском цикле лекций Штейнера (10 лекций «Евангелие от Марка»; 15–24 сентября 1912 г.).
- ² Деревня Вицнау (Vitznau; в начале века по-русски традиционно писалось «Фицнау») на берегу Люцернского (Фирвальдштетского) озера в кантоне Люцерн у подножия высокой горы Rigi, где Белый и Тургенева жили с 1 по 26 октября (н. с.) 1912 г. Первоначально предполагалось, что оттуда они выедут в Берлин, но, получив анонс ноябрьских лекций Штейнера в Мюнхене, переменили планы (см. письмо Белого к Вяч. Иванову от 18 ноября 1912 г. // Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова (1904–1920). С. 89).

28. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

20 сентября / 3 октября 1912. Фицнау

Милый Николай Петрович!

Согласно нашему условию, чтобы я написал Вам после базельского курса, пишу. Но что писать о Базеле? Писать трудно. Сам городок сонный, старый: есть уголки, которые не уступят ни Брюгге, ни Венеции; есть улочки сплошь из домов XVI века. Чувствуются обломки старой благородной жизни; чувствуется, что где-то здесь *есть и люди*... Но извне поглядишь и, Боже мой! до чего сонно. Великолепен здесь Гольбейн (младший); лучшей коллекции я не встречал¹. Закоулки XVI века, Гольбейн, да память о том, что в городе этом жил Ницше², вот и все...

Но Доктор!..

Именно надо было здесь, в захолустье, чтобы над нами разразился курс Доктора; конспекты 4 лекций я послал Алеше³; только они не передают и десятой доли прошедшего перед нами. Если сравнивать с мюнхенским курсом, то разница огромная: там, где Доктор гремел (в Мюнхене), в Базеле он грустил; а то, что было проникнуто иронией, то нежно сверкало. Вся тональность базельского курса была какая-то теплая, нежная. И сам Доктор казался нежнее и ближе.

Были моменты потрясающего величия и силы: например, когда он говорил о том, что люди *даже Сына Божия подорвали* (конечно, Голгофа остается рубежом мировой истории; но то, что могло бы начаться в истории тотчас же вслед за воскресеньем, то из-за людей как бы отсрочено до далекого и лучшего будущего). Перед Голгофой Христос Иисус стоял, как Иисус (три лучших ученика *заснули* перед взятием под стражу Христа Иисуса); *сон трех* учеников стал в истории сном христианства: мы и доньше еще *спим* в саду Гефсиманском, когда... *совершается и враг близок*.

Когда Доктор кончил свою десятую лекцию, грустно опустил голову и ушел, то... 500 (с лишком) человек не двинулись, застыли: минуты 3 длилась очень странная тишина; это молчание 500 человек, ошеломленных, застывших в трансе, → вот красноречивое свидетельство того, что это был за курс.

Ужасно жалею, что Вас с нами не было. Мы (т. е. Ася, Лева, Frau Polmann⁴) всегда вспоминали Вас: Лев очень тревожился, что от Вас нет письма. Наконец, получивши письмо, расцвел.

Было у нас с Асей и свидание у Доктора, длилось час с лишком⁵; и в общем мы еще более привязались к Доктору; а от Доктора я услышал хорошие, одобряющие, добрые слова — только от него, да от Frau Pulmann <sic> слышишь доброе слово (судя по письмам Э. К., я просто дрянной скандалист); так что более чем когда-либо радуюсь, что остаемся при Докторе: бес пространства окончательно заслонил «*Мусагет*». Да оно и лучше: нужно в нашем положении умереть для прошлого, надо, чтобы все личные связи с людьми развязались, чтобы связаться по новому.

Это развязывание связей, суммирование многолетних отношений, итоги их, новые связи → все это *лейт-мотив* для меня Мюнхена. В Базеле все это продолжалось. Как в Мюнхене для меня вдруг заволоклись туманом Алеша и Миша⁶ и *тихо отплыли* до... новой встречи в будущем (здесьнем или тамошнем), так в Базеле лопнула с треском десятилетняя связь с Э. К. Метнером. Вижу, что это кармически (а он вероятно думает, что не кармически, а «скандалически»): Господь с ним, желаю ему всего, всего счастливого.

Да тут у меня и маленькое дело к Вам. Вот в чем оно: передайте от меня привет Э. К. Метнеру, передайте, что я ссылаюсь на Вас, как на свидетеля того, что «*Мусагетом*» я интересовался и вкладывал в него душу, но в виду того, что всякое мое стремление разобраться во всей почтово-телеграфной неразберихе и моя естественная досада, что я не могу толком добиться ничего от «*Журнала*», рассматривается им, как выходки сходящего с ума скандалиста — передайте ему: в виду этого я приветствую *Карантин*, который он устанавливает между собою и мною; передайте и то, что еще 5 месяцев тому назад многократно хотел я ему предложить им предложенную меру по отношению к письмам его, но... ложная деликатность и «пустые» приличия удержало <sic> меня от подобного предложения. Передайте ему, что и по отношению к его письмам я буду впредь поступать, как он, по отношению к моим, что несколько на него не сержусь, что *так лучше*; что я рад сложить в себя всякое чувство ответственности за «*Труды и Дни*» и «*Мусагет*», что так обидевшая его приписка мной прочтена В. Иванову⁷, который не увидел в ней ничего обидного, что я грустно прощаюсь с ним с надеждой встретиться, если не в этой то в следующих *инкарнациях*, но что в ближайшие годы лучше нам не сталкиваться.

Можете это вместо письма прочесть ему.

А это уже между нами: с ужасом вижу, до чего Э. К. болен, ибо последнее его письмо, состоящее из яростных выкриков, плевков, заушений тому свидетельство: но, в виду того, что он заявляет, что он единственно здоровый человек, а мы с Эллисом кандидаты в сумасшедший дом (выражения его в роде «*больная ерунда*» и т. д. не самые еще сильные выражения), то мое дружеское «*успокойтесь*» принял бы он лишь за «*большую смену настроений*»⁸.

В виду этого я должен, сжав зубы, *для него и себя* вырвать действительно его из своей души до того периода времени, когда он сознает «невозможность своего поведения».

Вот.

Теперь мы забрались в горы: пишу Вам, а из окон Фирвольдштетское озеро завернулось в туманы. Темносвинцовые тучи висят на гребнях гор: горы сжали нашу деревушку: вдали все серебристостальное; там льются дожди; жутко, прекрасно и уютно в бесприютности. Здесь думаем 3 недели прожить: здесь буду писать роман⁹ и работать для Доктора; туристы разъехались, никого знакомых. В душе — тихая сосредоточенность и «*по хорошему*» грусть.

Каждые пять минут мы выходим на балкончик: звуки рояля, плеск струй; облака спускаются почти до подножия Vitznau; снежные горы, вчера вставшие близко, задернуты: большой, большой ливень идет на нас.

Ну, что это я заболтался. Не забывайте же; если будет желанье писать, пишите. Остаюсь искренне любящий Вас

Борис Бугаев.

Ася приветствует Вас и вашу супругу. Мой привет Frau Kitty.

Наш адрес до первых чисел русского октября. Schweiz. Vitznau. Vierwald. Stattersee. Herrn B. Bugaieff. Poste restante.

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 11. Л. 13–18 об.
Конверт. П.ш.: Vitznau (3.10.12); Москва (24.9.12).

¹ В Базельском художественном музее («Kunstmuseum Basel») хранится богатейшая коллекция картин Ганса Гольбейна Младшего.

² С 1869 г. по 1879 г. Ницше преподавал классическую филологию в Базельском университете.

³ А. С. Петровский. Письмо не сохранилось; более того, соответствующий фрагмент в письме от 13/26 октября 1912 г. заставляет усомниться в том, что оно существовало: «Безмерно жалею, что Ты не был в Базеле: Базельский курс *круто* подчеркнул *поворотный пункт времени*. Времена грознее, чем кажется; и единственный лозунг, нас долженствующий объединить, это — *работа, работа, работа* (не *чтение* или *обсуждение*, а понимаешь, *какая работа*)» (Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. С. 229).

⁴ А. А. Тургенева, Эллис и И. Польман. Polman-Mooy Johanna (урожд. van der Meulen; 1874–1953) — голландская оккультистка; родом из богатой амстердамской семьи. Вместе с о своим мужем перешла в 1909 г. из голландской секции Теософического общества в немецкую; была ассистенткой Штейнера. С 1913 г., после развода с первым мужем — спутница Эллиса. Из множества впечатляющих отзывов последнего об их совместном быте приведем один:

«В силу моей связи с Ней не одно воплощение и особенно в 13 в., о чем и St-г говорил прямо, и теперь я связан с Ней магически и на мне все отражается. Посему я ограждаю себя молитвой, постом, медитациями по Игнатию, приходилось спать пять ночей с распятием на груди, иначе бесы материализовались на эф<ирном> плане и щекотали, теребили, вселялись в сердце, жгли ауру. Ужас, сколько перемучился! Теперь окреп. <...> Иоганна — личность таинственная, я еще многого о ней не знаю. Она вовсе не была только “ученицей” Steiner’a. Она до него с детства была ясно-видящей и религиозной. По секрету сообщу, что она призналась мне недавно, что в некоторых состояниях видит Христа и во образе как бы человека Просветленного, а не “эфирно-радиоактивной массы”. Верю я ее каждому слову» (Письмо к Киселеву от 7/20 января 1914 г. // РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. б. Л. 18).

Под псевдонимом «Intermediarius» выпустила ряд мистических сочинений (см., прежде всего, четырехтомный цикл «Die vier Bücher des Intermediarius» — München, 1933). В 30-е годы перешла в католичество. Ср., кстати, первый отзыв Киселева о ней: «Узнал я и ту даму, на попечении которой находится Лев: М-me Пульман, голландка, как говорят, одна из лучших учениц Штейнера. Лев почти неотлучно при ней, и она его воспитывает (с успехом!!); муж ее очень симпатичный <...>» (Письмо Киселева к матери от 27 июля / 9 августа 1912 г. // РГБ. Ф. 128/III. Карт. 26. Ед. хр. 9. Л. 33).

⁵ Эта встреча состоялась 24 сентября 1912 г. (н.с.), в день последней лекции курса; см. ее конспект: «5-е свидание. 24 сентября. Подробный отчет Доктору о ходе работы. Одобрение Доктора. Присоединил к 3 медитациям четвертую. И задал работу. Базель» (Андрей Белый. Свидания с Доктором / Публ. Д. Мальмстада // Минувшее. Вып. 9. М., 1992. С. 471).

⁶ А. С. Петровский и М. И. Сизов.

⁷ 13–14/26–27 сентября 1912 г. Метнер писал Белому: «Ваша приписка к письму Вячеслава довершила все. Меня доконали» (цит. по коммент. Д. Мальмстада: Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. С. 223). Подразумевается постскрипtum Белого к письму Иванова Метнеру из Базеля от 12 сентября 1912 г.:

«Дорогой Друг! Видите, на этот раз “Д” с большой буквы (видите, с большой буквы пишу не только слово “Доктор”, но и слово “Друг”); итак дорогой Друг! Существуют ли “Труды и Дни”, спрашиваю я, Редактор? Три с половиною месяца тому назад *тицетно тцился* я узнать что-либо деловое о журнале. Ничего! Просил, чтобы меня уведомили о сроке выпуска 3 №, а мне не ответили. Считаю недопустимым, чтобы хоть 1 № вышел без моей статьи (видите из этого, что писать буду много, **но** ввиду распределения всех моих дней требую *за месяц до* выхода номера, чтобы я был извещен о сроке выхода. Считаю необходимым напечатание статьи Скалдина. Изумляюсь, что о письме Кузмина и о статье Чудовского не уведомлен. В случае продолжения бойкотирования меня, как редактора, считаю невозможным оным числиться. На “Трудах и днях” я нарезался с Ахрамовичем, ибо многого не знал о полемике, что узнал от Вячеслава. Обнимаю Вас. Б. Бугаев» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 69. Л. 3–4 об.; хранится среди писем Белого).

⁸ Выражение из того же письма Метнера от 13–14/26–27 сентября 1912 г.: «<...> Вы теперь внезапно вспомнили о существовании “Тр<удов> и Дн<ей>” потому, что приехал к Вам Вячеслав! Все Ваше письмо обидная ерунда! Ничего Вы “тшетно не тцились”! <...> Кто виноват в хаосе “Мусагета”??? Только и исключительно: Эллис и Вы. **НИКТО** больше!» (Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. 1902–1932. С. 224 (коммент. Д. Мальмстада)).

⁹ Белый продолжал работать над романом «Петербург».

29. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

9/22 октября 1912. Фицнау

Дорогой Николай Петрович!

В последний раз удручаю Вас письмом к Э. К. Метнеру. Э. К. Метнер, написав огромное письмо мне, смысл которого (если точно я понял) таков: или *он прав*, или да будет третейский суд между нами¹.

Передайте ему, что это мое письмо (ознакомьтесь с его содержанием) есть последний ответ на «или-или»; в нем, как видите, я делаю последнее усилие, чтобы не было окончательного развала. Требования мои не велики: *я не пере-*

держщик, ни лгун (лейтмотив последнего письма, и уже прямо-таки «гусак», на всю жизнь встающий между мной и Эмилией <sic> Карловичем)².

Приложите усилия его урезонить и ответить на мой встречный шаг к нему встречным шагом.

В случае неизбежности суда уведомите тотчас же, дабы я прислал уже написанные мои условия.

Передайте в таком случае пока, что я прошу Суда по возвращенью в Россию, ибо бросить *все* и ехать сейчас на Суд в Москву *я не могу решительно*.

Остаюсь искренне преданный Вам

Борис Бугаев.

P. S. Эллису письмо Э. К. я передам по приезду в Штутгарт³.

Адрес. Stuttgart. Post-lagernd. Deutschland.

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 11. Л. 20–21 об.
Конверт. П.ш.: Vitznau (22.10.12); Москва (13.10.12).

¹ Имеется в виду письмо Метнера от 1/14 октября 1912 г., представляющее собой ответ на письмо Белого к Киселеву (№ 28):

«Письмо же Бугаева Киселеву было мне лишь прочитано, а не вручено. Оно глубоко возмутило своей неправдой и я был в таком гневе, что думал, что со мною случится нервный удар. Киселев и присутствовавшие при чтении Петровский и Сизов могут подтвердить сказанное. Мне скоро 40 лет; я отбывал воинскую повинность, состоял при прокуратуре палаты, адвокатствовал и наконец был чиновником на ответственном и трудном посту. Никогда мне не приходилось встречать подобного безобразия в деловых отношениях и никогда я не думал, что мне придется быть так оклеветанным и опозоренным» etc.

Заканчивается оно так: «Я кончил. Ответа на это письмо я не допускаю ни прямо по моему адресу ни через друзей. Ответ может быть только один: предложение третейского суда и точная деловая предметная сводка обвинений меня как редактора и как человека» (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 29. Л. 1 об., 9). Ср. также последующие на него ссылки:

«1/14–XI отправлено мною очень большое письмо на имя Эллиса, в котором я даю объяснения по поводу Вашего письма о третейском суде и о передержках; говорю о Ваших Арабесках, об их враждебном жесте, о Штейнере и о многом другом; Эллис сообщил мне, что этого письма он Вам не решился дать; прошу Вас взять у него и прочесть; я вторично не могу писать и право же там ничего обидного нет; наоборот многое из сказанного должно удовлетворить Вас» (Письмо к Белому от 16/29 ноября 1912 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6. Л. 28 (копировальная книга с отпусками)).

Ср., кстати, резюме конфликта из письма Метнера к Блоку от 3 октября 1912 г.:

«Я не стану Вас посвящать во все подробности нашего конфликта, усилившегося с той поры, когда Белый сошелся с Эллисом и оба они слились в одно существо Белоэлис (Белый потерял флексию, а у Эллиса выпало одно л); этот Белоэлис = (п. Белого • т. Эллиса); он угрюмо-свирип; это существо быстро эволюционирует и ничего не помнит из того, что сказано им позавчера. Мне влагаются в уста фразы, которых я никогда не писал, и делаются нелепейшие выводы; в то же время отрицается действительно сделанное или сказанное ими обоими за последнее время. Меня опозорили и смешали с грязью — это не газетная фраза, а факт! Но у меня есть копии всех отправленных мною писем и я храню все получаемые письма. Я требую, чтобы или замолчали или предстали перед третейским судом» (Неизданная переписка А. Блока и Э. Метнера / Публ., предисл. и коммент. А. В. Лаврова // Российский литературоведческий журнал. 1997. № 9. С. 98).

- ² В «Мастерстве Гоголя» этот образ, восходящий к «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», будет развит, приобретя явные inferнальные черты: «<...> из словечка “гусак” вылезает привидение; и оно — “гусак”; ползет сплошной “гусак” по жизни» (Андрей Белый. Мастерство Гоголя. Исследование. М., 2013. С. 276).
- ³ В Штутгарт Белый и А. Тургенева переехали 26 октября (н. с.); доставленное ими письмо Метнера к Эллису неизвестно. В одном из последующих писем Метнер заявлял:
 «Отправленное (6/19–X–912) письмо было крайней важности и обращено также к Вам обоим. Вы непременно должны прочесть его... И это, обращенное к Вам (вследствие примирительности Ваших писем) Вы должны показать или прочесть Бугаеву, т.к. ему лично я пока писать не могу, писать Асе, раз я могу обратиться к Вам — не вижу необходимости; принять же форму (официально-тактически-дипломатическую), которую усвоил себе Бугаев в письмах ко мне, я органически неспособен, ибо это — актерство в жизни, а я признаю последнее только на подмостках; тогда я предпочитаю писать лаконические открытки чисто делового содержания» (Письмо к Эллису от 1/14 ноября 1912 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6. Л. 3–4 (копировальная книга с отпусками)).

30. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

7/20 октября 1913. Берлин.

Милостивый Государь! Тотчас же задержите книгу Эллиса¹. В противном случае этот выход кроме предательства нас, антропософов, [есть] будет поступком низким, поколику он совершался тайком. В случае выхода книги я отказываюсь иметь какое-либо сношение личное *на-все-гда* со всяким, приложившим руку к этому скверному делу.

Предупреждаю, что если Вы не задержите книгу, вы будете годами раскаиваться: но будет поздно.

Примите и прочее

Борис Бугаев.

В день же напечатания книги Эллиса вопреки моему настоянию прошу напечатать в газетах нижеследующее заявление:

М. Г.

Позвольте [через] посредством Вашей газеты заявить, что я ни в каких отношениях не состою с членами Редакции К<нигоиздатель>ства «Мусaget», из которого я вышел.

Андрей Белый

* РГБ. Ф. 167. Карт. 9. Ед. хр. 9. Л. 1–1 об.

Конверт. П. ш.: Берлин (20.10.13); Москва (9.10.13).

На конверте запись рукой Метнера: «Кроме двух писем ко мне, прилагаю еще письмо Секретарю».

Адрес: Russland. Moskau. Einschreiben. Verlag «Mysagethes» <несколько карандашных вопросительных знаков>.

Россия. Москва. Заказное. Пречистенский бульвар, д. 31. Кв. 9. К-ство «Мусaget». Господину Секретарю.

- ¹ Речь идет о книге Эллиса «Vigilemus!», цель которой была определена автором как защита религии, культуры и символизма «от модерно-теософо-разгильдяйства» (см.: недатированное письмо Эллиса к Метнеру, сопровождавшее посылку рукописи; цит. по: Лавров А. В. Символисты и другие. С. 501). Подробнее.: Лавров А. В. Книга Эллиса «Vigilemus!» и раскол в «Мусагете» // Там же. С. 498–515 и предисловие.

31. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

27 октября / 9 ноября 1913. Нюрнберг.

Многоуважаемый Господин Секретарь!

Позвольте через Вас довести до сведения Редактора-Издателя К<нигоиздатель>ва «Мусагет» Э. К. Метнера, что я к глубокому моему сожалению по причинам полного расхождения с К<нигоиздатель>вом «Мусагет» во взглядах на печатание брошюры <sic> «Vigilemus» вынужден выйти как из состава Редакции К<нигоиздатель>ва «Мусагет», так и из состава сотрудников двухмесячника «Труды и Дни». Прошу немедленно снять мое имя со списка сотрудников¹.

Подробная мотивировка моего поступка, а также деловой ответ на деловые замечания, бывшие в письме Э. К. Метнера и Н. П. Киселева², — готовы; я их высылаю на днях; очень прошу их выслушать вслух эту подробную мотивировку; очень желал бы, чтобы при чтении этом присутствовали, кроме Э. К. Метнера и Н. П. Киселева также Г. А. Рачинский и В. И. Иванов; прошу также, чтобы присутствовали при чтении этом А. С. Петровский, Б. П. Григоров, М. И. Сизов и В. Ф. Ахрамович³. Мне чрезвычайно важно, чтобы именно эти лица [знали] отчетливо представили себе печальную необходимость для меня отмежеваться от столь дружественного мне до последней поры К<нигоиздатель>ва.

Вместе с мотивировкой присылаю свое мнение о брошюре г. Эллиса «Vigilemus»⁴. Между прочим г. Эллис в записке заверяет меня, что он будет считаться с моей правкой брошюры; и я полагаю, что печатание брошюры до моего резюме о ней не входит в планы г. Эллиса⁵.

Мне придется в последующем (за выходом моим) решении «Мусагета» относительно брошюры считаться с тремя фактами: 1) или брошюра не задерживается и выходит в том виде, в каком она написана автором, 2) или брошюра выходит с сокращениями, сделанными мной, 3) или брошюра не выходит.

Дело Редакции «Мусагет» печатать или не печатать брошюру. Дело мое — высказать «Мусагету» мой взгляд на печатание или непечатание брошюры. Я надеюсь, что «Мусагет» в решении своем примет во внимание то, что я считаю необходимым ему сказать.

Примите уверение в совершенном почтении.

Борис Бугаев (Андрей Белый).

Нюрнберг. 9 ноября н. с. 1913 года.

* РГБ. Ф. 167. Карт. 9. Ед. хр. 10. Л. 1–1 об.

На бланке отеля «Am Stentor. Christliches Hospiz»; адрес отеля перечеркнут и рядом рукой Белого написан новый: Berlin. Augsburgstrasse 52. Pension Begg-Klau.

Фирменный конверт того же отеля. П.ш.: Нюрнберг (9.11.13); Москва (29.10.13).

На конверте рукой Метнера: «Телеграмму, кот<орую> я сегодня просил Ахр<амович>а отправить, не надо отправлять».

Адрес: Russland. Moskau. Россия. Москва. В редакцию Книгоиздательства «Мусагет». Его Высокородию Господину Секретарю Редакции. Пречистенский бульвар. д. 31. Кв. 9.

- ¹ Следующий номер «Трудов и дней» («тетрадь седьмая») вышел только в 1914 году. Списка сотрудников в нем помещено не было.
- ² Письмо Метнера от 12/25 октября 1913 г. сохранилось; существенные фрагменты из него приведены в работе: *Лавров А. В.* Книга Эллиса «Vigilemus!» и раскол в «Мусагете». С. 505. Письмо Киселева, касающееся этого сюжета, не разыскано.
- ³ Состоялось ли такое заседание — неизвестно. Среди перечисленных лиц впервые встречается в этой истории Борис Павлович Григоров (1883–1945) — один из основателей «Русского Антропософического общества».
- ⁴ Речь идет о «Записке», вызвавшей глубокое недовольство адресата; ср.: «Вы еще не знаете, какую возмутительную “Записку” обо всем деле “Vigilemus” он <Белый> составил и адресовал членам “Мусагета” и Григорову. В этой записке столько лжи, подлога, перепалок и глупости до идиотизма, что остаток уважения исчезнет поневоле к такому человеку» (Письмо Метнера к Эллису от 3/16 января 1914 г. Цит. по: *Лавров А. В.* Книга Эллиса «Vigilemus!» и раскол в «Мусагете». С. 511).
- ⁵ См. там же. С. 510–512.

32. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ*

Около 10/23 ноября 1913. Берлин

Милый, дорогой Николай Петрович!

Извините за долгое молчание. Мне больно Вам отвечать на Ваши слова (о том, что я могу Вас считать человеком, совершающим недостойный поступок)¹. Ну, конечно, нет. Так что внутренне я продолжаю Вас любить и ценить, но, увы: трудно нам с Вами понять друг друга. Признаться, я считаю, что Вы поступили с брошюрой крайне опрометчиво², и тем вызвали меня на крайне резкие формы протеста, чтобы отмежеваться от «дела», которое в виду разных subtilных причин, выглядит «скверным» делом. (Вы не знаете многого, почему брошюра Эллиса для меня не может не выглядеть «скверным» делом). «Мусагету» непонятно, почему мы, антропософы, рассматриваем брошюру г. Эллиса, как пасквиль; и «Мусагет» должен был внять нашему голосу. Он — не внял: его дело. Но мы, увы, должны на будущее время отмежеваться от издательства и лиц причастных и <здательств>ству, реализующих «скверное» дело печатанием. Э. К. Метнер не антропософ: он может лишь извне уважить или не уважить наше мнение. Он — не уважил: Бог с ним. Вы, собственно, тоже не антропософ, т.е. не ученик д<окто>ра, и Вам может многое *не быть* ясным. Вы поступили опрометчиво, вызвав всю эту историю, окончившуюся нашим уходом. И — я не виню Вас, не хочу Вас винить.

Но повторяю: остается общественное выступление публичная демонстрация «*Мусагета*» против антропософии т. е. против нашего «*святое-святых*». Остаетесь Вы, члены Редакции Мусагета, и в редакционных собраниях, и фактом выпуска брошюры, больно и *грубо* задевшие наше заветное, неуважившие нашего желанья — молчать о том, что находится в центре нашей души. Вы хотели тащить нас в полемику, мы просили Вас «*оставьте нас в молчании*»; и Вы — неуважили нас.

Объяснять Вам, почему мы *не* хотим полемизировать на антропософские темы гласно и скучно, и долго. (Не все есть предмет полемики; например: «*тайны исповеди*» не предмет полемики тоже). Лично для Вас, Николай Петрович, антропософия есть предмет умственных интересов. Для нас, учеников д-ра Штейнера, она — интимный, жизненный путь. Кажется это ясно; и нечего этого объяснять. Так что зазывание нас в полемику, навязывание нам полемики насильно, мы рассматриваем, как демонстрацию. И — уходим.

Вы тем не менее печатаете брошюру т.е. переносите вопрос об антропософии в общественное нападение на нас.

И мы не можем не отмежеваться.

Остается внутренняя боль, что члены Редакции «*Мусагет*» поступили не тонко, не деликатно по отношению к нам; и остается знание, что мы и «Вы» в двух враждебных лагерях отныне.

Но, вероятно, такая дифференциация лучше того конгломерата, который представлял собою «*Мусагет*» до нашего выхода. Остается пожелать «*Мусагету*» всяческого процветания и успеха, а Вам пожать руку и сказать, что хотя мы и «враги», но я храню в душе к Вам хорошее чувство и надеюсь, что когда-нибудь мы встретимся еще в этой жизни ближе и согласнее.

Примите уверение в совершенной преданности и уважении

Борис Бугаев.

P. S. Если Вы не считаете д-ра Штейнера, стоящим под знаком антихриста и если не считаете А<нтропософское> О<бщество> иезуитским, я думаю, что Вам незачем уходить из А<нтропософского> О<бщества>.

* РГБ. Ф. 128/III. Карт. 3. Ед. хр. 12. Л. 1–4 об.
Конверт. П.ш.: Берлин (нрзб.); Москва (14.11.13).

¹ Это письмо не сохранилось или не разыскано.

² Речь идет о книге Эллиса «*Vigilemus!*»; см. предыдущие письма.

33. Н. П. КИСЕЛЕВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ*

7 декабря 1918. Москва.

Москва, 7 декабря 1918.

Дорогой Борис Николаевич,

Вопрос об уплотнении моей квартиры становится для меня все более настоятельным. Каково Ваше решение о комнате?¹ Еще несколько дней можно

подождать, но к сожалению события пойдут быстрее чем я думал. Не откажите сообщить мне Ваш ответ, ибо, если Вы не хотите, я буду искать кого-нибудь другого. Но мне конечно всего более хотелось бы иметь Вас у себя. Если нужны какие-нибудь предварительные разъяснения, то я всегда к Вашим услугам.

Искренно Ваш Н. П. Киселев

* РГБ. Ф. 25. Карт. 17. Ед. хр. 12. Л. 5–5 об.
Конверт утрачен.

¹ С февраля 1918 г. до весны 1919 г. Белый жил в квартире Сизовых (Садовая Кудринская, д. 6); ср. в итоговом письме бывшей жене от 11 ноября 1921 г.:

«Я жил в это время вот как: —

— в небольшой комнате, окруженный Сизовыми, (за стеной баранье бляенье М. И. Сизовой и брюжжанье Викентьева; за другой отвратительное вкочтанье старухи матери Сизовой); у меня в комнате, в углу была свалена груда моих рукописей, которыми 5 месяцев подтапливали печку; всюду были навалены груды григоровского “старья”, и моя комната напоминала комнату старьевщика; среди мусора и хлама при температуре в 6–4°, в зимних перчатках, с шапкой на голове, с коченеющими до колен ногами просиживал я при тусклейшем свете перегоревшей лампочки или готовя материал для лекции следующего дня, или разрабатывая мне порученный проект в Т. О. (Театральн<ый> Отдел), или пишучи “*Записки Чудака*”, в изнеможении бросаясь в постель часу в 4-ом ночи; отчего просыпался я не в 8, как Сизовы (глубокие мешане, мешанством загнавшие меня в угол), а в 10 и мне никто не оставлял горячей воды <...>» etc (Письмо Андрея Белого // Воздушные пути. Альманах V. Нью-Йорк, 1967. С. 300–301).

Киселев в справочной книге числится с адресом «Мертвый пер., д. 14»; о дальнейшей судьбе его квартиры сведений у нас нет.